

Slavia Christiana

АНДРАШ ЗОЛТАН

INTERSLAVICA

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ
ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ
КОНТАКТАМ

МОСКВА | ИНДРИК | 2014

Slavia Christiana

ЯЗЫК · ТЕКСТ · ОБРАЗ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

АНДРАШ ЗОЛТАН

INTERSLAVICA

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ
ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ
КОНТАКТАМ

«ИНДРИК»
МОСКВА
2014

Редколлегия серии:

Н.Н. Запольская (главный редактор),
Н. Марчалис, Л.И. Сазонова,
С. Темчинас, А.А. Турилов, М.В. Шульга
Н.В. Яровикова (секретарь)

Андраш Золтан

Interslavica. Исследования по межславянским
языковым и культурным контактам. —
М.: «Индрик», 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-91674-278-9

Книга известного венгерского слависта Андраша Золтана посвящена малоизученному вопросу взаимодействия в области лексики двух восточнославянских деловых языков — западнорусского и великорусского. До сих пор этот вопрос поднимался только в рамках собственно лингвистической темы польско-русских языковых контактов. Автор книги рассматривает историю межславянской миграции слов и значений в контексте культурных традиций деловой письменности.

ISBN 978-5-91674-278-9

© Текст, Золтан А., 2014
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2014

Новая серия научных изданий «Slavia Christiana: язык, текст, образ» включает монографии, объединенные ключевым для типологии культуры понятием «культурная общность». Доминирующей является идея выявления источников, структуры, объема, механизмов извлечения культурных смыслов, заложенных в вербальных и невербальных текстах, императивных для определенной культурной общности.

Представленные в серии книги известных зарубежных и отечественных специалистов в области филологии, истории, богословия, искусствоведения либо ранее не были опубликованы, либо при подготовке к изданию подверглись переработке и дополнению.

Предлагаемая новая серия отражает деятельность научно-образовательного семинара «Slavia Christiana: язык, текст, образ» (научный руководитель семинара — Н.Н. Запольская), работающего на базе Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН и кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЗАПАДНОРУССКО-ВЕЛИКОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ В XV В.

В В Е Д Е Н И Е

Роль межславянских языковых контактов в развитии словарного состава славянских языков	13
Актуальность изучения западнорусских заимствований в великорусском деловом языке XV в.	15
Общие традиции деловой письменности у восточных славян. Вопрос о происхождении формуляра древнерусских грамот	19
Становление двух восточнославянских деловых языков на протяжении XIV–XV вв.: западнорусского и великорусского	26
Процесс формирования административного языка Великого княжества Литовского	26
Особенности деловой письменности Молдавии	37
Характеристика административного языка Московского государства	39

Г Л А В А I
ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

—	Взаимодействие двух «русских» деловых языков в XV в.	43
8	К предыстории слова <i>государь</i> в русском языке: происхождение титула <i>господарь</i> — московских великих князей XV в.	46
	К истории слова <i>государство</i> < <i>господарство</i>	64
	Вопрос о времени перехода <i>господарь</i> > <i>государь</i> и производных	67
	Происхождение элемента титула <i>отчичь</i> и <i>дъдичь</i>	72

Г Л А В А II
ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА
В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ
30–60-х гг. XV в.

	«Хождение на Флорентийский собор» неизвестного суздальца	77
	«Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона	91
	«Слово избрано...» и летописная редакция «Повести»	94
	Документы канцелярии митрополита Ионы 1448–1461 гг.	98

Г Л А В А П П
 Западнорусизмы
 В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ
 И В АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ
 В 40–70-х гг. XV в.

Возможность влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую в середине XV в.	129
Западнорусская лексика в летописных известиях о дипломатических сношениях Московского государства с зарубежными странами	137
Известия о русско-итальянских сношениях по случаю брака Ивана III с Софьей Палеолог	138
Известия о взятии Константинополя турками	144
Заключение	149

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики	155
К вопросу о возникновении древнерусской «Повести о Дракуле»	171
Послесловие	195
Список сокращений	197
Указатель слов	221

ЗАПАДНОРУССКО-ВЕЛИКОРУССКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ В XV в.

К ВОПРОСУ
О ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
МОСКОВСКОЙ РУСИ

Роль межславянских языковых контактов
в развитии словарного состава
славянских языков

Наблюдаемое и в наши дни, и в более ранние эпохи значительное сходство лексики славянских языков обусловлено, как известно, только отчасти их генетическим родством, в значительной же степени формирование общего лексического фонда обязано активному культурному взаимодействию этих языков, не прекратившемуся после распада праславянского единства и прослеживаемому в разных направлениях и с разной интенсивностью во всей письменной истории славянских языков. Известен огромный вклад старославянского языка в развитие южно- и восточнославянских языков, а также чешского. Чешский литературный язык сыграл значительную роль в формировании польского литературного языка в XV–XVII вв., а польский язык в большой степени повлиял на формирование русского литературного языка нового времени во второй пол. XVII — нач. XVIII в. Русский литературный язык, в свою очередь, стал источником многочисленных заимствований для новоболгарского и новосербского литературных языков в XVIII–XIX вв., играл и продолжает играть важную роль в развитии новых украинского и белорусского литературных языков (см.: Трубецкой 1927, 59–80; Булаховский 1951).

Взаимодействие близкородственных славянских языков на междialeктном уровне по некоторым линиям их соприкосновения было довольно рано прервано вследствие вторжения венгров в Дунайский бассейн (IX в.) и тюркоязычных кочевых народов в Причерноморье, а в результате консолидации раннефеодальных славянских государств было ограничено и внутри

двух больших ареалов с преобладающим славянским населением (Балканский полуостров и Восточноевропейская равнина).

—
14 — Этими факторами культурное взаимодействие не было прервано, а наоборот, во многих случаях даже стимулировалось. В результате культурного взаимодействия могли стать «общеславянскими» (т.е. получить общеславянское распространение) слова, возникшие в одном определенном славянском языке намного позже распада праславянского единства. Поэтому исследование межславянских заимствований может внести в некоторых случаях существенные коррективы в этимологию, установленную на основе формальных совпадений, и тем самым уточнить данные о первоначальном распространении того или иного слова, отделяя праславянский лексический фонд от вторичных культурных наслоений. При внушительных достижениях в области реконструкции праславянского лексического фонда, отраженных в наиболее систематизированном виде в издаваемых в Москве и Кракове праславянских словарях (ЭССЯ 1974–1984, СПрасл. 1974–1983), иногда «исследователи забывают о том, что процессы диффузии слов играют не менее важную роль в истории языков, чем процессы преемственности слов из праязыка» (Шенкер 1983, 261).

Изучение истории межславянской миграции отдельных слов и лексических значений имеет первостепенное значение также для этимологии неславянских языков, контактировавших в разные эпохи с разными славянскими языками одновременно, как например венгерский язык (ср. Золтан 1979).

Настоящая работа посвящена малоизученному до сих пор вопросу о взаимодействии в области лексики двух восточнославянских деловых языков — западнорусского и великорусского. До сих пор этот вопрос обычно поднимался в рамках темы польско-русских языковых контактов, в которых западнорусский язык рассматривался прежде всего как язык-посредник, передатчик полонизмов в русский язык (Кохман 1967, 7; Кохман 1971–1974, IV, 15–21; Кохман 1975, 22–27; Собик 1969, 163–167). Такой подход был понятен при недостаточной разработанности сравнительно-исторической лексикологии

восточнославянских языков или при рассмотрении вопроса с точки зрения языка дающего. Но он едва ли оправдан с точки зрения заимствующего языка, для истории которого важно в первую очередь установление непосредственного источника заимствования. Лишь после его определения возникает вопрос о происхождении слова в языке-передатчике.

Критически рассматривая результаты исследований по полонизмам в русском языке и сопоставляя данные памятников русского языка с показаниями западнорусских памятников, мы неизбежно приходим к выводу, что на протяжении XV–XVI вв. русским языком в преобладающем большинстве случаев были заимствованы только те полонизмы, которые до появления их в великорусских памятниках были уже прочно усвоены западнорусским языком, и что наряду с полонизмами в тот же самый период вошли в русский язык также собственно западнорусские (украинские и (или) белорусские) слова (ср. Золтан 1983, 342–343). Поэтому, хотя большинство лексических элементов, вошедших в русский язык в рассматриваемую эпоху из западнорусского, и является по происхождению полонизмами, нам представляется целесообразным рассмотреть в нашем исследовании языковое взаимодействие в самом восточнославянском ареале.

Актуальность изучения
западнорусских заимствований
в великорусском деловом языке XV в.

Наша работа призвана заполнить известный пробел в исследованиях по западным элементам русского языка допетровской эпохи, развертывавшихся особенно активно с кон. 1950-х гг. Исследователи (Тамань 1960; Тамань 1961; Кохман 1967; Кохман 1971–1974; Кохман 1975; Собик 1969) интересовались в первую очередь полонизмами, проникшими в разные виды русской письменности, в том числе в памятники делового языка, а также словами чешского (Мельников 1967; Кох-

ман 1970; Кохман 1974), латинского и романского (Лиминг 1976), немецкого (Гардинер 1965) происхождения, проникшими в русский язык через посредство польского языка, или вообще западноевропейской лексикой, заимствованной русским языком до Петровского времени (Фогараши 1958) или до XIX в. (Хюттль-Ворт 1963).

—
16 —
Оживление в этой области исследований было вызвано — кроме всеобщего развития изучения межславянских языковых контактов, — несомненно, и выходом в свет «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (Фасмер 1953–1958; Фасмер, Трубачев 1964–1973). Дело в том, что из-за отсутствия более современных специальных исследований по заимствованиям из западноевропейских языков, в том числе и польского, М. Фасмеру пришлось пользоваться устаревшими работами (Христиани 1906, Смирнов 1910), вслед за которыми в науке на долгое время укрепилось мнение, будто в русском языке допетровской эпохи было мало заимствований из западноевропейских языков, хотя, как подчеркивал еще в нач. XX в. А.И. Соболевский: «всякое специальное исследование — по истории ли литературы, по истории ли быта, по истории ли языка, или даже по истории искусства, имевшего в то время [в XV–XVII вв. — А.З.] по преимуществу церковный характер, — дает в результате длинный ряд крупных и мелких данных, указывающих на тесные связи Москвы с западом Европы задолго до Петра» (Соболевский 1903а, 38–39). Упомянутый недостаток этимологического словаря Макса Фасмера, находящийся в поразительном противоречии с его несомненно большими достоинствами, послужил толчком к более доскональному изучению той части русской лексики, которая была заимствована из западноевропейских языков до XVIII в. Что же касается полонизмов, то некоторые из указанных специальных исследований по этому вопросу (особенно Соби́к 1969, частично также Тамань 1960, Тамань 1961, Кохман 1967) грешат отсутствием строгого разграничения фактов западнорусского и великорусского языков, в результате чего к полонизмам в русском языке причисляются иногда слова, засвидетельствованные

лишь в западнорусской письменности (ср. Кипарский 1963–1975, 98–99; Речек 1961, 153; Золтан 1977, II, 194). Причем сам В. Кипарский обвиняет в этом М. Фасмера, который включил в свой словарь каждое слово, засвидетельствованное в словарях И.И. Срезневского и В.И. Даля, и таким образом в «Этимологическом словаре русского языка» приводится большое количество слов, фактически относящихся к словарю белорусского и (или) украинского языков (Кипарский 1963–1975, III, 99). Таким образом, несомненное достоинство словаря М. Фасмера, состоящее в том, что он в известной степени заменял отсутствовавшие до последнего времени этимологические словари белорусского и украинского языков, признается в то же время фактором, препятствовавшим развитию исследований в области западнорусско-великорусских языковых контактов. Вместе с тем этот недостаток словаря М. Фасмера был обусловлен объективными причинами, в первую очередь недостаточной разработанностью исторической лексикологии и лексикографии украинского и белорусского языков. К настоящему времени многое уже изменилось: вышли или выходят новые исторические словари всех трех восточнославянских языков (СРЯ 1975–2008, ССУМ 1977–1978, ГСБМ 1982–2010). Нам кажется, что в современных условиях именно этот недостаток словаря М. Фасмера должен стимулировать исследования по украинско-белорусско-русским языковым контактам (ср. Шенкер 1983, 256).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что упомянутые работы по польско-русским языковым контактам, особенно многочисленные труды польского слависта С. Кохмана (см. Список сокращений), содержащие прочно обоснованные оригинальные этимологии целого ряда русских слов, заимствованных в конечном итоге из западнославянских языков (из польского или — посредством польского — из чешского), создали ту необходимую научную базу, без которой наше исследование было бы немислимым. Если заимствование русским языком допетровского времени слов романо-германского происхождения уже по культурно-историческим соображениям предполагает учет возможности чешско-польско-запад-

норусского посредничества, то выявление слов, проникших в русский язык таким же путем, но состоящих из одних славянских морфем, требует весьма сложной доказательной процедуры; приходится считаться с возможностью преемственности из праязыка, с одной стороны, и с возможностью параллельного образования слов из тех же морфем и с тем же значением — с другой. Поэтому в исследовании межславянской миграции слов и лексических значений — наряду с принципами этимологизирования заимствованных слов вообще — получает большое значение контекст ранних употреблений данного слова в принимающем языке. Не преувеличивая значения первой фиксации слова в памятниках письменности (в результате дальнейших разысканий каждая «первая» фиксация может оказаться отнюдь не самой ранней), можно с уверенностью сказать, что если какое-то русское слово появляется в великорусской письменности в контекстах, относящихся к Западной Руси, а в западнорусской письменности это же слово имеет бóльшую традицию употребления или в самом западнорусском является заимствованием из польского (а в польском, как правило, из чешского), то необходимо признать, что данное слово в великорусском заимствовано из западнорусского, несмотря на то что в новейшее время слово могло стать «общеславянским», поскольку впоследствии оно — уже как русизм — могло заимствоваться и южнославянскими языками.

Поэтому в нашем исследовании большое внимание уделяется контекстам ранних употреблений тех слов, которые, как мы предполагаем, были заимствованы в великорусский язык из западнорусского; в ряде случаев именно контекст ранних фиксаций обратил наше внимание на неисконность того или иного слова в великорусском. «Малая выразительность признаков заимствования из одного языка в близко родственном языке» (Булаховский 1951, 37) составляет специфическую трудность исследования межславянских заимствований, которая при отсутствии собственно лингвистических критериев может быть устранена лишь путем привлечения свидетельств культурно-исторического характера. Поэтому,

прежде чем приступить к показу языкового влияния западно-русского делового языка на великорусский, наряду с историко-лингвистическими факторами, необходимо осветить также некоторые основные вопросы, связанные с культурными традициями деловой письменности, т.е. вопросы, принадлежащие к области древнерусской дипломатики.

—

19

—

Общие традиции деловой письменности
у восточных славян. Вопрос о происхождении
формуляра древнерусских грамот

Язык древнерусских грамот, отразивший живую восточно-славянскую речь, проявляет большое разнообразие по отдельным областям восточнославянской языковой территории (ср. Соболевский 1980, 39). В то же самое время документы, написанные в самых разных областях, обнаруживают поразительное сходство в формуляре, что позволяет возвести их к общей традиции составления деловых документов, установившейся, по-видимому, еще в киевский период. Это, в первую очередь, характерный зачин древнерусских грамот: **се азъ** (позднее также **іазъ, іа**), **а се азъ (іазъ, іа)** с предшествующей инвокацией (**въ имя шца и сна и стго дха**) или без нее. Эта формула вместе с часто встречаемой в ранних документах формулой санкции (ср., напр., в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: **даже кто запъртитъ <...> тоу дань <...>, да соудитъ юмоу бг въ днь пришьствия своего**), несомненно, церковнославянская. Зачин **се азъ** (с вариантами) в XII–XIV вв. характеризует жалованные и духовные грамоты, реже — другие виды документов из самых разных областей древней Руси. Мы находим такие грамоты в Киеве (Мстиславова грамота ок. 1130 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 33), в Новгороде (берестяные грамоты № 450, XII в.: Арциховский, Янин 1978, 51; берестяные грамоты № 138, XIII в.: Арциховский, Борковский 1958, 11 и др.; договорная грамота Александра Ярославовича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 г.:

Обнорский, Бархударов 1952, 51; духовная новгородца Климента до 1270 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 55), на Волини (ср. грамоты Владимира Васильковича 1287 г. и Мстислава Даниловича 1289 г., включенные в Галицко-Волинскую летопись: ПСРЛ II 1962, 903–904, 932) и в Москве (духовная Ивана Калиты 1327–1328 г.: Обнорский, Бархударов 1952, 89), в Смоленске (грамота князя Федора Ростиславовича 1284 г.: Смоленские грамоты 1963, 62; подтверждающая грамота князя Ивана Александровича 1-й пол. XIV в.: Смоленские грамоты 1963, 69) и в Полоцке (Вкладная грамота князя Онофрия 1399 г.: Аванесов 1961, 52).

Происхождение начальной формулы древнерусских грамот не выяснено, хотя изучение элементов формуляра как самых устойчивых элементов языка грамот могло бы пролить свет на начальный этап становления канцелярского дела в Киевской Руси. Наблюдаемую с XII в. языковую практику при составлении документов — основной текст пишется на русском языке, а устойчивые элементы формуляра на церковнославянском — можно было бы интерпретировать как отражение более позднего этапа развития, которому предшествовал период, когда языком княжеской канцелярии был церковнославянский, как это предполагал Л.П. Якубинский для X в. (Якубинский 1953, 89), вытесненный из языка грамот (при сохранении традиционных формул) в связи с возникновением церковнославянско-русской диглоссии после официального крещения Руси в 988 г., когда церковнославянский язык начал связываться исключительно с христианской культурой (ср. Успенский 1983, 12). Однако нет достаточного материала для предположения о существовании княжеской канцелярской традиции в области внутреннего управления в X в.: договоры с греками, сохранившиеся в составе «Повести временных лет», свидетельствуют лишь о наличии письменной традиции в области дипломатических сношений. Языком переговоров с греками мог быть и греческий. По наблюдениям С. Микуцкого, те части текстов договоров с греками, в которых излагается точка зрения русской стороны, т.е. в которых можно видеть отражение позиции русских послов, сформу-

лированной ими самими, обнаруживают формулы, не характерные для византийской царской канцелярии, но имеющие параллели в греческих частных актах своего времени (Микуцкий 1953, 19). На распространение знания греческого языка в окружении киевских князей в X в. указывает описанный Константином Багрянородным факт, что в сопровождении Ольги приехали в Константинополь из Руси три переводчика (Микуцкий 1953, 22). Характерный зачин и повествование от первого лица единственного числа древнерусских грамот не имеет аналогий ни с византийскими царскими грамотами, в которых употреблялась конструкция *η βασιλεία μου*, ни с находящимися в прямой зависимости от них южнославянскими грамотами, в которых калькировалась эта греческая конструкция (**господство ми, королевство ми, царство ми**), ни с западными, латинскими грамотами, в которых употреблялось множественное величия («*pluralis maiestatis*»). Н.Н. Дурново было высказано предположение о том, что «для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли отсюда формулу начала княжеских грамот „Се азъ” с болгарскими личными местоимениями 1 sg.» (Дурново 1969, 94–95; ср. также Улукханов 1972, 98, Успенский 1983, 54, прим. 2). Однако это предположение остается недоказуемой гипотезой, поскольку из эпохи первого болгарского царства вообще не сохранилось никаких болгарских грамот, а в грамотах болгарских царей второго болгарского царства эта формула не встречается (см. Ильинский 1911); она отсутствует и в древних сербских грамотах (см. Миклошич 1858). В то же самое время поразительное сходство с формуляром древнерусских грамот обнаруживает единственная греческая грамота венгерского короля Стефана I (997–1038), датированная 1002 г., которая сохранилась в списке 1109 г. (современное издание, а также факсимильное воспроизведение текста см. Мольнар, Шимон 1977, 10–14; ср. также Моравчик 1984, 79–81): †'Εν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Ἐντέλλομαι ἐγὼ Στέφανος χριστιανὸς ὁ καὶ κράλ(ης) πάσης Οὐγγρίας <...>. Как установленное венгерскими византинистами (Цебе 1916; Дарко 1917), этот

формуляр не имеет ничего общего с византийской царской канцелярией, но вполне обычен в Византии и в сфере влияния византийской культуры в грамотах частных лиц. Таких грамот сохранилось относительно немного (Дельгер 1956, 340), но они достаточно убедительно свидетельствуют о том, что данный формуляр, представленный упомянутой грамотой Стефана I и ставший повсеместным в древней Руси, восходит к византийскому частному акту (аналогичные греческие грамоты см., напр., Миклошич и Мюллер 1871, 95, 97, 98, 225, 266 и др.; Дельгер 1948, 299). В языковом отношении характерно, что грамоты частных лиц писались в основном на народном греческом языке с сохранением некоторых книжных оборотов формуляра. Языковое оформление древнерусских грамот полностью соответствует оформлению византийских частных актов, при этом в древнерусских документах элементы формуляра приобретают церковнославянскую форму в соответствии с элементами формуляра византийских частных актов, сохранивших в своем составе традиционные книжные элементы. Таким образом, мы приходим к выводу, что появление древнерусского народного языка в грамотах находится в прямой зависимости от языковой ситуации в Византии, т.е. языковая ситуация в Киевской Руси в этом отношении калькирует византийскую диглоссию (ср. Исаченко 1980, 78–80).

Возведение формуляра древнерусских грамот к византийской частной грамоте делает излишним упомянутое непроверяемое предположение о заимствовании начальной формулы из древнеболгарской канцелярской практики, так как церковнославянские элементы в формуляр древнерусских грамот могли проникнуть уже на территории Руси в результате осознания функционального параллелизма церковнославянского и греческого (книжного) языков (ср. Успенский 1983, 16–23); форма личного местоимения **азъ** была достаточно распространена в русском церковнославянском языке XI в., она употреблялась не только в канонических текстах, но и в записях русских писцов, ср., напр., в приписке дьякона Григория к Остромировому Евангелию 1056–1057 гг.: **Азъ Григории днако(н)** (Обнорский, Бархударов 1952, 1, 15), в приписках к Новгород-

ским служебным минаям 1095–1097 гг.: **Ѡзъ грѣшныи рабѣ бѣжи недостоинѣи дѣмъка <...> азъ бо есмь грѣшнъ невѣжа** (Обнорский, Бархударов 1952, 30), в записях Мстиславова Евангелия кон. XI — нач. XII в.: **азъ грѣшныи рабѣ алекса... Ѡзъ рабѣ бѣжи...** (л. 213 а), **азъ же хощути наславъ** (л. 213 б). В тексте самого Евангелия, правда, только в единственном случае, засвидетельствована и русская форма **Ѡ**: **Ѡ изгоню вѣсы** (л. 83 а), Мстиславово Евангелие 1983, 289, 123; ср. Дурново 1924, 257. Сочетание **се азъ** часто встречается в евангельских текстах, в том числе и в некоторых очень часто цитируемых, как например, Мф. 28:20: **и се азъ съ вами есмь въ вса дни. до съкончаниа вѣкоу** (Мстиславово Евангелие 1983, 219). Таким образом, эта формула вполне могла быть создана как русско-церковнославянский эквивалент соответствующей греческой формулы, и нет никакой необходимости предполагать при этом само по себе сомнительное болгарское канцелярское посредство.

Можно полагать, что той языковой практике, которую мы можем проследить в древнерусских грамотах с XII в., предшествовал период, когда в качестве актового языка на Руси пользовались и греческим языком. На такое положение вещей указывает тот факт, что почти на всех сохранившихся княжеских и митрополичьих печатях XI в. мы находим греческую надпись (см. Янин 1970, I, 14–59; ср. также греческую надпись на княжеской печати еще в нач. XII в.: Соловьев 1961). Греческая надпись на печатях митрополитов, почти исключительно греков по происхождению, не вызывает удивления, но такая же практика на княжеских печатях служит доказательством того, что греческий язык использовался в светском, государственном делопроизводстве. Если принять во внимание, что древнерусский административный язык к XII в. исторически заменил греческий, с которым он в XI в. еще сосуществовал, то становится понятным наличие греческих калек внутри текста (вне формуляра), отмеченное А.В. Исаченко в Мстиславова грамоте ок. 1130 г. (Исаченко 1970; Исаченко 1980, 115–118) и В.М. Живовым в Уставе Ярослава (Живов 2002, 232–233). Как установил А.С.

—
23
—

—
24
—

Львов, сам термин *грамота* был заимствован древнерусским языком устно прямо из греческого, минуя вообще старославянское посредство (Львов 1966). Все эти факты убеждают нас в правоте взгляда, согласно которому книжная культура древней Руси восходит к византийской христианской культуре через южнославянское посредство, но образцы грамот были получены восточными славянами прямо от греков (ср. Годинка 1891, 18). Причины же своеобразия формуляра древнерусских грамот, как было указано выше, следует искать в том, что этот формуляр восходит к формуляру византийских частных актов, который на Руси распространился в княжеском делопроизводстве.

В связи с этим возникает вопрос, почему именно формуляр частных актов получил общерусское распространение в XII в. Можно предположить, что в Киевской Руси, как и на других перифериях византийского мира — в Южной Италии, в Венгрии, образцы деловых документов насаждали книжники, не получившие специальной канцелярской выучки (ср. Моравчик 1938, 411), но имевшие некоторые навыки в составлении бытовых документов (жалованных, купчих, духовных грамот), и из-за отдаленности от царской канцелярии и редких сношений с ней именно этот формуляр на периферии лег в основу практики княжеских канцелярий. Таким образом, можно допустить, что в X–XI вв. в Киевской Руси не существовало другой княжеской канцелярской традиции, кроме засвидетельствованной, например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г. Однако если считать, что тексты договоров X в. с греками, сохранившиеся в составе «Повести временных лет», восходят на самом деле к одновременным славянским спискам, то необходимо признать, что в киевский период, даже до официального крещения Руси в 988 г., существовала и другая канцелярская традиция, пользовавшаяся — в соответствии с книжным греческим языком византийских царских грамот — русским книжным языком, т.е. церковнославянским, как это имело место, например, в средневековой Сербии, где — в отличие от частных грамот — царские грамоты писались на церковнославянском языке.

Если же считать, что сохранившиеся тексты договоров являются более поздними (XI в.) переводами с греческого, то употребление в них церковнославянского языка объясняется самим фактом перевода, поскольку в данный период «перевод с греческого с необходимостью предполагает применение церковнославянского языка» (Успенский 1983, 23). Существование в X–XI вв. отдельной княжеской канцелярской традиции, отличной от отразившейся в первых сохранившихся грамотах XII в., невозможно доказать ввиду отсутствия до XII в. княжеских грамот, дошедших до нас в подлиннике. В Уставе Владимира, относимом большинством исследователей к нач. или 1-й пол. XII в., но сохранившемся в списках начиная с XVI в., мы находим уже привычную формулу «**Сѣ азъ/іазъ...**» с предшествующей инвокацией (см. Щапов 1976, 12–84); ту же самую формулу можно обнаружить в списках Устава Ярослава (без инвокации), сохранившихся с XV в. (см. Щапов 1976, 85–139).

Таким образом, источники позволяют нам констатировать только то обстоятельство, что к XII в. в Древней Руси как в княжеском, так и в частном делопроизводстве распространился формуляр грамот, обнаруживающий типологическое и, по-видимому, также генетическое сходство с формуляром византийских частных грамот. В эпоху феодальной раздробленности Древняя Русь вошла уже с установившимися образцами деловых документов, которые, несмотря на распад Киевского государства на ряд самостоятельных княжеств, продолжали в дальнейшем служить образцами как для княжеских канцелярий, так и для составителей частных актов. Традицию составления грамот по определенным образцам поддерживала, несомненно, церковь, единственное общерусское учреждение в эпоху феодальной раздробленности. Надо полагать, что в ранний период (XI–XIV вв.) княжеские грамоты составлялись духовными лицами, как и в Западной Европе (ср. Каштанов, 1982). Во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии (например, в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского: см. Штекль 1966).

Становление двух восточнославянских
деловых языков на протяжении XIV–XV вв.:
западнорусского и великорусского

—
26

Довольно последовательно выдержанный церковнославянский формуляр в восточнославянских деловых документах XII–XIV вв. при большом диалектном разнообразии самого языка этих грамот свидетельствует о продолжении в условиях феодальной раздробленности канцелярской традиции, сложившейся еще в киевский период.

Язык грамот, как известно, лучше других памятников отражает диалектное членение восточнославянской языковой территории, перерастающее, особенно в XIII–XIV вв., в формирование и консолидацию большинства характерных черт трех восточнославянских языков. Вследствие известных исторических обстоятельств развитие административного языка протекало, однако, не по линии русско-белорусско-украинской троичности, но в соответствии с объединением большинства восточнославянских земель в два больших государственных образования — в Московское государство и в Великое княжество Литовское. Это привело к кон. XV в. к образованию двух восточнославянских государственных языков — великорусского (московского) и западнорусского (общего — в главных чертах — украинско-белорусского), не считая несколько особого (староукраинского в своей основе) языка молдавской канцелярии, функционировавшего на периферии восточнославянской языковой территории в преимущественно неславянской среде.

Процесс формирования административного языка
Великого княжества Литовского

В основу западнорусского делового языка лег галицко-волынский говор (Курашкевич 1934, 5–8; Станг 1935, 6–7; ср. также

Курашкевич 1937, 57). Галицко-волынское княжество в XIII — 1-й пол. XIV в. развивалось в тесных экономических, политических и культурных контактах со своими западными соседями — Польшей и Венгрией. Как можно судить по грамотам XII в., включенным в Галицко-Волынскую летопись (см. ранее), здесь продолжались традиции деловой письменности, унаследованные из киевского периода. Однако необходимость частого общения с западными соседями привела здесь к возникновению также латинской канцелярии при княжеском дворе, памятники которой сохранились с 1-й четв. XIV в. (Срезневский 1882, 173–174, 177, 180, 185). К сожалению, не сохранилось ни одной подлинной галицко-волынской княжеской грамоты на восточнославянском языке 1-й пол. XIV в. (часто встречаемые в разных публикациях грамоты Льва Даниловича оказались позднейшими фальсификатами: см. Грушевский 1902; Шевелев 1979, 222), поэтому мы не можем непосредственно сравнить русские и латинские грамоты, вышедшие из одной и той же галицко-волынской канцелярии.

Однако можно предположить, что уже в этот период сосуществование латинской и русской канцелярий не могло не отразиться на языке и на формуляре галицко-волынских грамот, поскольку некоторые элементы латинской, польской, немецкой социальной терминологии, а также дипломатической фразеологии отмечаются уже в Галицко-Волынской летописи XIII в. (см. Генсёрский 1961). После присоединения в 1349 г. Галицкой Руси к Польше (Волынь тогда была захвачена Литвой) восточнославянский язык становится одним из двух (наряду с латинским) языков польской королевской канцелярии при Казимире III, так как — согласно существовавшей между Польшей и Венгрией договоренности — Галицкая Русь, на которую претендовала и Венгрия, должна была управляться отдельно (см. Пашкевич 1924, 6–7). Таким образом, Галицкая Русь оказалась под властью польского короля, но не в составе Польши; Казимир III считал себя наследником вымершего рода галицко-волынских князей. Об этом свидетельствует, между прочим, его греческая грамота константинопольскому патриарху Филофею 1370 г. с просьбой о назначении в галицкие митро-

политы епископа Антония (РИБ VI 1908, 125–128); польский король-католик выступает здесь в роли главы православного государства, наследника православных русских князей (отдельная галицкая митрополия была основана в 1303 г. по просьбе галицкого великого князя Юрия I Львовича, внука короля Даниила: см. Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 96; ч. 2, 8).
— Особое положение Галицкой земли при Казимире III отражалось в сохранении особого государственного административного языка этой области — «русского» (т.е. староукраинского, отражающего галицкую диалектную основу).

28

—

В области дипломатики внимания заслуживает тот факт, что первая русская грамота Казимира III, несмотря на наличие в тексте некоторого числа полонизмов, сохраняет древнерусский формуляр: **ѿ се ѿ король казимиръ краковскїи и коуѣвскїи и господарь роускоѣ землѣ далъ есмь слоужѣ своему иванови дворище** (Пещак 1974, 27), т.е. можно констатировать продолжение древнерусской (галицко-волынской) канцелярской традиции в польской королевской канцелярии. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в королевскую канцелярию был принят человек (по наблюдениям В. Курашкевича, все три известные подлинные «русские» грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица: см. Курашкевич 1934, 5), не просто знающий галицкий говор и умеющий писать, но знающий традиции галицко-волынского делопроизводства, развивающий в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волыньских князей. В написанной в то же время латинской грамоте мы находим западноевропейскую начальную формулу со множественным величия: *Nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie* (Гонсиоровский 1907, 80). Древнерусский зачин сохраняется и в договорной грамоте волынского князя Дмитрия (Любарта) с Казимиром III 1366 г.: **Се язъ князь великыи димитрии** (Пещак 1974, 38). Однако в договорной грамоте Казимира III с литовскими князьями 1352 г., оформленной в королевской канцелярии тем же писцом, которым были написаны и указанные выше две грамоты, мы находим уже другой зачин, заимствованный из латинских грамот: **Вѣдаи то**

КАЖДЫИ ЧЛВКЪ КТО НА ТЪИ ЛИСТЪ ПОСМОТРИТЬ (Пещак 1974, 30). Эта формула представляет собой ранний вариант начальной формулы, которая впоследствии становится повсеместной в западнорусских грамотах. Сравним, например, с грамотой Витовта 1382 г.: **ИЪ Великий князь Витовтъ чинимъ знаемо симъ нашимъ листомъ, кто на него оузритъ или оуслышитъ что оучи** (Пещак 1974, 61). Эта формула распространилась в латинской дипломатике разных европейских стран под влиянием имперской канцелярии Германии (Станг 1935, 134); в указанную «русскую» грамоту Казимира III она проникла из практики латинской канцелярии короля (ср. в латинских грамотах Казимира III: *Notum facimus quibus expedit vniuersis; Notum facimus vniuersis presentibus et futuris, hanc litteram inspecturis* и др., Станг 1935, 133–134), по-видимому, посредством польского (разговорного) языка; о польском посредничестве свидетельствует наличие слова *лист* «грамота» в начальной формуле при употреблении древнерусского эквивалента *грамота* внутри текста (**а што тои грамотѣ писано, тою жь правдою литовьскымъ княземъ держати** (Пещак 1974, 31).

После смерти Казимира III, когда Людовик Анжуйский правил и Венгрией, и Польшей, Галицкая Русь была передана польскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372–1378 гг.). В единственной «русской» грамоте этого князя, сохранившейся в подлиннике (Пещак 1974, 59–60) мы находим в основном уже западноевропейский формуляр, но сохраняются и некоторые черты древнерусских грамот, т.е. грамота представляет своего рода контаминацию латинской и византийской канцелярской традиции. Грамота начинается с церковнославянской инвокации (**Во имя ѿ(т)ца и сѣна и сѣго дѣха**), но повествование ведется от первого лица множественного числа (**ИЪ князь володиславъ <...> то яемъ вчинили...**) и дата дается от Рождества Христова; составитель акта назван *писарем* (**а писалъ княжини писарь костько болестрашицкий**), а не *дыком*, хотя этот Костько подписывался в более ранних (частных) грамотах как **писарь пана старостынъ дыакъ из болестрашичъ именемъ дыачковичъ** (Пещак 1974, 34) или как **поповичъ болестрашицкий именемъ деичковичъ василювъ сѣнь**

поповъ кость проузвищемъ сорочичь (Пещак 1974, 40). «Княжий писарь» Костько, сын православного священника, стал впоследствии, при Ягайло, перемышльским судьей и в более поздних своих грамотах сочетает элементы византийско-древнерусского и латинско-польского формуляров: **Во имя шца и сна и стго дха. Яминь. Я се знаменито бодь и свѣдочно всѣмъ добрымъ людемъ што на тотъ листъ оузозрять. Я се яа Фебрунъ воевода познавамъ то нашимъ лист[ом]ъ** (Пещак 1974, 106; о принадлежности всех этих грамот перу одного и того же лица, т.е. Костьки, см. Курашкевич 1934, 6–7); при этом характерно, что после формулы **Я се яа** повествование ведется от 1-го лица множественного числа: **познавамъ то нашимъ лист[ом]ъ**. Все это свидетельствует о том, что вытеснение древнерусского формуляра в галицком делопроизводстве проходило постепенно, через стадию сосуществования традиционного древнерусского формуляра с новым, усвоенным под влиянием латиноязычной канцелярской практики.

Сосуществование западной и восточной традиций выражается и в титулатуре Владислава Опольского в указанной грамоте 1378 г.: князь назван с одной стороны *господарем* (калька лат. *dominus*) и *дъдичем* (калька польск. *dziedzic*, лат. *heres*; о титулах *господарь* и *дъдичь* см. далее), с другой — *самодержцем* (калька греч. αὐτοκράτωρ, см. Острогорский 1935, 97). Возможно, что титул *самодержец* входил в прошлом также в титулатуру галицко-волынских князей; в XIII в. засвидетельствовано употребление этого титула по отношению к Роману Мстиславовичу и Даниилу Романовичу (Острогорский 1935, 162; ср. также Генсёрский 1958, 58–60); о продолжении этой традиции может свидетельствовать и применение этого титула по отношению к Казимиру III в грамоте 1361 г., сохранившейся, правда, не в подлиннике, а в списке, внесенном в Перемышльскую городскую книгу (Пещак 1974, 35–36). Во всяком случае, употребление титула *самодержец* едва ли было нововведением князя-вассала Владислава Опольского; более вероятно, что он унаследовал его (как и титул *господарь*) от своих предшественников — независимых православных галицко-волынских князей — посредством «русской» канцелярии Казимира III.

Материал, приведенный из самых ранних галицких грамот, свидетельствует о том, что замена русско-церковнославянского формуляра польско-латинским проходила здесь постепенно, через стадию сосуществования этих двух разных традиций. О первичности русско-церковнославянского формуляра на этой территории достаточно убедительно свидетельствуют указанные грамоты галицко-волынских князей, сохранившиеся в Ипатьевской летописи. Поэтому предположение Г. Шевелева о том, что галицко-волынский канцелярский язык мог развиваться на основе разговорного языка этой области под чешским влиянием, но без участия церковнославянского языка (Шевелев 1979, 222, прим. 17), представляется нам неприемлемым.

После смерти Людовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей; в 1386 г. великий князь литовский Ягайло, женившись на младшей дочери Людовика Ядвиге, стал королем Польши. К этому времени Литва уже покорила значительную часть восточнославянской территории (Хабургаев 1980, карта 17, 155); литовские завоеватели, не имевшие письменности на своем языке, в дипломатических сношениях со своими славянскими соседями пользовались «русским» языком; однако до унии с Польшей литовская великокняжеская канцелярия, если вообще существовала, находилась на стадии формирования; сохранившиеся договорные грамоты с соседними государствами были составлены в канцеляриях этих государств (договор с Польшей 1352 г. — в «русской» канцелярии Казимира III, перемирие с Дмитрием Донским 1371 г. — в Москве (Косман 1969, 98)). Персональная уния Литвы с Польшей при Ягайло имела, между прочим, и то следствие, что в основу формирующейся литовской великокняжеской канцелярии была положена имеющая к этому времени уже известную традицию «русская» канцелярия при польском королевском дворе. Этим объясняется, что формуляр литовских великокняжеских грамот уже во времена Ягайло калькирует латинские грамоты польской королевской канцелярии и не продолжает (наоборот, постепенно

вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древнерусский формуляр (Соболевский 1980, 71; Станг 1935, 132–141; Станг 1939, 101). Существование «русской» канцелярии в Польше, развившейся по историческим причинам на южноукраинской (галицкой) диалектной основе, не могло не отразиться и на языке литовских великокняжеских грамот: на первых порах в них преобладают элементы именно южноукраинских говоров, а не, как можно было ожидать, черты одного из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь во второй пол. XV в. (Станг 1935, 50–51).

До унии Литвы с Польшей под влиянием подвластного Литве, но стоявшего на более высоком культурном уровне восточнославянского населения происходил процесс христианизации литовской знати; многие представители литовских княжеских родов приняли христианство (разумеется, в его православном варианте) задолго до официального крещения Литвы (в католичество) в результате Кривской унии в 1386 г. Литовские великие князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) добились даже того, что был поставлен особый митрополит для Литовской Руси (Голубинский 1901–1911, II, ч. 2, 8–10). Крещение коренного населения Литвы в католичество означало переkreщивание части православной литовской знати и открывало путь католическому влиянию не только в собственно Литве, но и в подвластных ей восточнославянских землях. «И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру, и присла [Ягайло] арцибискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всеи Литовьской земли», — рассказывает западнорусский летописец (ПСРЛ XXXV 1980, 64). Часть обрусевшей литовской знати, однако, сохранила православие и стала впоследствии защитником православной веры в Литовской Руси. В великокняжеском центре при Ягайло (1386–1392) и Витовте (1392–1430) господствовали католические, польские обычаи; в «русской» канцелярии этих князей составлялись грамоты, по языку восточнославянские, с преобладанием все еще южноукраинских диалектных черт (Станг 1935, 7, 19–21), но по формуляру

уже латинские. Можно думать, что ко времени Ягайло ослабла уже и связь «русской» канцелярии с местным православным духовенством (прослеживаемая еще в предшествующий период, см. ранее); характерный древнерусский формуляр контаминируется с польско-латинским также в грамотах самих православных духовников. Сравним, например, с грамотой луцкого епископа 1398 г.: **ѿ се азъ вѣдѣка иванъ из луцка знаемо чиню всѣмъ ажѣ да(а) г(с)дарь мои великѣи король митрополью галицкоюю** (Пещак 1974, 135–136). Во всяком случае, церковнославянский элемент в великокняжеских грамотах при Ягайло и Витовте сводится к минимуму, а элементы языка государственного делопроизводства проникают все шире в язык частных актов, в том числе в язык православной церковной администрации. С обращением Литвы в католичество православие в Литовской Руси стало религией лишь допустимой, но не государственной; православная церковь была лишена непосредственного влияния на дела государства. Это обстоятельство препятствовало занятию православными лицами высоких государственных должностей, в том числе значительных должностей в великокняжеской канцелярии. «Русским» отделением канцелярии Витовта заведовали литовские бояре, «русскими» (т.е. украинцами или белорусами) были только писари; латинским отделением заведовали поляки (Косман 1969, 111). Окончательная замена названия профессии *дьяк* словом *писарь* в западнорусском — в соответствии с лат. *scriba*, польск. *pisarz* — указывает также на разрыв светского, государственного делопроизводства с православными (византийскими) традициями. Если в «русских» грамотах Казимира III и Владислава Опольского обнаруживаются еще следы древнерусского (церковнославянского по языку) формуляра, унаследованного от прежней галицко-волинской канцелярии, то при Ягайло и Витовте завершается процесс переориентации западнорусской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского. Предполагается при этом и влияние чешского языка и

чешской дипломатики (см. Соболевский 1980, 72; Мацурек 1958; Мацурек 1960; Мацурек 1960а; Мацурек 1966; ср. Чабан 1962; Исаевич 1967). Это мнение основывается на сходстве формуляра чешских и галицких грамот XIV–XV вв., а также на сходстве лексического материала формулярных элементов. Поскольку в Польше в это время деловые документы писались исключительно на латинском языке, Й. Мацурек считает возможным, что галицкие (а также молдавские) писцы следовали не польско-латинским, а именно чешским образцам. В связи с этой гипотезой необходимо указать на тот факт, что галицкие грамоты сохранились с более раннего времени, чем чешские (самая древняя чешская частная грамота — 1372 г., королевская — 1394 г. (Мацурек 1960, 176)), хотя это, конечно, может быть случайностью, как полагает Й. Мацурек, который придерживается мнения, что именно галицкие грамоты, опережающие по времени первые сохранившиеся чешские грамоты, доказывают употребление чешского языка в делопроизводстве в самой Чехии уже около сер. XIV в. Это построение носит явно гипотетический характер и, ввиду отсутствия чешских грамот, принадлежащих к одному времени с первыми галицкими, непосредственное чешское влияние на галицкую канцелярскую практику второй пол. XIV в. не может быть доказано. Сходство формуляра украинских и чешских грамот объясняется, на наш взгляд, намного проще — их общей зависимостью от тех же латинских образцов. Отсутствие грамот на польском языке в данный период свидетельствует лишь о том, что в польских канцеляриях не писали на польском языке, но едва ли можно себе представить, чтобы не существовал польский устный вариант документов, составляемых на латинском языке. «Типично чешские слова», обнаруженные Й. Мацуреком в галицких и молдавских грамотах, являются словами общими для чешского и польского языков (в ряде случаев, конечно, в результате сильного влияния чешского языка на польский), поэтому они не могут свидетельствовать о непосредственном чешском влиянии на язык староукраинских грамот. Слабой стороной гипотезы Й. Мацурика следует признать и то, что

политические связи Галицкой земли с Чехией (и то через посредство Силезии) автор может проиллюстрировать только начиная со времени правления этой областью Владислава Опольского (между тем как тесные политические связи Галицкого княжества с Польшей прослеживаются в источниках уже с самого начала существования этого княжества). Богемизмы «русских» грамот Казимира III — это, на наш взгляд, богемизмы польского языка, которые попали в эти документы в результате совместной работы польских и галицких писцов в польской королевской канцелярии, т.е. мы считаем гипотезу о прямом влиянии чешского языка на язык самых древних галицких грамот недоказанной и даже маловероятной (ср. Кохман 1971-1974, 69–71; Кохман 1974, 145–147; Кохман 1975, 13–16; ср. также Гумецкая 1967).

На протяжении XV в. происходит постепенное перемещение диалектной основы языка литовской великокняжеской канцелярии. Если при Ягайло из-за преемственности между польской королевской «русской» канцелярией и литовской великокняжеской в великокняжеских документах преобладают украинские диалектные черты, то при Казимире IV (1440–1492) заметно возрастает число грамот, написанных белорусскими писцами (Станг 1935, 50–51), и в следующий период, в годы правления Александра (1492–1506) и Сигизмунда I (1506–1548), вырабатываются относительно устойчивые нормы делового языка; этот период Станг называет периодом «классической формы литовско-русского языка» (Станг 1935, 52; ср. также Журавский 1978, 186–187).

Подытожим общую характеристику этого языка, данную Стангом. В области фонетики преобладающее большинство грамот характеризуется смешиванием *ь* и *е* во всех позициях, диалектным признаком севернобелорусских говоров, расположенных ближе к столице, г. Вильне; южнобелорусская (и северноукраинская) трактовка *ь* (*ь* > *е* только в безударном положении) характеризует только приблизительно 20–25% великокняжеских грамот. Кроме того, фонетическую систему «классического периода» характеризуют еще следующие особенности:

- ◆ отсутствие аканья (засвидетельствовано лишь несколько случаев гиперкорректного написания *o* вм. *a*);
- ◆ отсутствие яканья;
- ◆ *e > o* после *ш, ж, ч, щ, ц* и перед твердыми согласными или в конце слова;
- ◆ фрикативное *y* (взрывное *z* — пишется *kz* — только в заимствованиях);
- 36 ◆ *вѣ- > у-*;
- ◆ депалатализация губных в конце слова;
- ◆ твердые *ш, ж, ч, щ, ц* (после них пишется *ы*);
- ◆ депалатализация *p'*.

Из морфологических особенностей приводим лишь самые существенные:

- ◆ распространение флексии *-у* в род. п. ед. ч. существительных мужского рода с бывшей основой на *-ѡ-* (за исключением существительных, обозначающих лиц);
- ◆ устранение результатов 2-й палатализации у этих же существительных путем распространения флексии *-у* в мест. п. ед. ч. у существительных на *-к, -z, -x*;
- ◆ флексия мест. п. мн. ч. этих же существительных обычно *-ex* (*<вхѣ*), после *к, z, x* — *-ax/-ox* (этот последний вариант под влиянием южных и юго-западных белорусских говоров);
- ◆ в дат. и мест. п. ед. ч. существительных с основой на *-ā* результаты 2-й палатализации сохраняются;
- ◆ флексия *-оe* род. п. ед. ч. прилагательных женского рода;
- ◆ формы указательного местоимения *тот*: им. п. ед. ч. — *тыи*, тв. п. ед. ч. — *тымѣ*, род. п. мн. ч. — *тыхѣ*, дат. п. мн. ч. — *тымѣ*, твор. п. мн. ч. — *тыми*, мест. п. мн. ч. — *тыхѣ*;
- ◆ 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. глаголов оканчивается на *-тъ*;
- ◆ 1 л. мн. ч. у тематических глаголов оканчивается на *-мѣ*, у атематических глаголов — на *-мо* (напр., *есмо*);
- ◆ будущее время глаголов несовершенного вида образуется при помощи *буду* + инфинитив (Станг 1935, 63–114).

Как видно из приведенных особенностей, западнобелорусский деловой язык в этот период, хотя и обладал уже довольно четкой белорусской диалектной базой, избегал

включения в норму тех белорусских особенностей (аканье, яканье, дзеканье), которые были целиком чужды украинскому языку. То же самое относится и к лексике: количество литуанизмов в памятниках западнорусской письменности ничтожно. Унаследованный общеславянский словарь пополняется главным образом заимствованиями из польского языка, общими для украинского и белорусского языков. Официальным языком Великого княжества Литовского, таким образом, стал в известной степени искусственный язык, имеющий наддиалектный характер, но благодаря именно этому наддиалектному характеру, он мог обслужить сперва только деловые, но впоследствии — особенно в XVI–XVII вв. — также и литературные и отчасти даже культовые потребности украинского и белорусского населения Польско-Литовского государства, так как на основе этого языка возник новый литературный язык, т.н. «проста мова» (Успенский 1983, 68–69).

Нормированный западнорусский деловой язык распространился и в украинских областях (за исключением Галицкой Руси, где в 1433 г. «русский» деловой язык был заменен латинским (Соболевский 1980, 80–81; Шевелев 1979, 397)).

Особенности деловой письменности Молдавии

На части земель, входивших раньше в состав Галицко-Волынского княжества или, по крайней мере, зависевших от него, в XIV в. образовалось Молдавское княжество. Восточнороманское население, переселившееся сюда из-за Карпат, встретило здесь еще живые восточнославянские (южноукраинские) и, возможно, южнославянские (болгарские) говоры, но в Молдавии — в отличие от Валахии — преобладал восточнославянский элемент (Бернштейн 1948, 363–366). В основу канцелярского языка Молдавии лег южноукраинский (галицкий) говор, в который проникали элементы церковно-

славянского языка (среднеболгарского извода), а также многочисленные местные слова как романского происхождения, так и заимствованные из разных соседних языков (венгерского, немецкого и польского: Яцимирский 1909, 1; Богдан 1908, 371; Станг 1935, 8; о полонизмах в языке молдавских грамот: Стойкович 1973). В XIV–XV вв. кадры писцов для молдавских канцелярий поставляло местное славянское (в данном случае — украинское) население (Бернштейн 1948, 101). Галицкий говор, таким образом, в XIV в. лег в основу двух канцелярских языков — западнорусского и молдавского¹. Тогда как диалектная основа западнорусского в течение XV в. изменилась (переместилась на север), молдавский канцелярский язык сохранил в основном свой южноукраинский характер, что и привело к некоторому обособлению языка молдавских грамот от языка западнорусских грамот (о языке молдавских грамот см. Ярошенко 1931), хотя в области дипломатики в молдавских грамотах наблюдается влияние западнорусских формул, которые иногда переплетаются с церковнославянскими. Сравним характерный зачин молдавских грамот второй пол. XV в.: **Вѣ имѧ шѣа и сѧа сѣго дѧа тр(о)нца стаа и єдиношѧнаа. и нераздѧимаа. сє. азъ ра(б) вл(д)кы моего ꙗкоу хѧ. ꙗко Стефа(н) воевода бѣжиею мѧ(л)стию г(с)п(д)рь земли. мо(л)давской знамени(т)о чини(м) и(с) си(м) листо(м) наши(м) вѣсѣ(м) кто на(н) възри(т) или его чтоу(ч)и оуслѣши(т)** (Русановский 1965, 127). Обращает на себя внимание неорганичность сочетания формул разного происхождения (**сє азъ... чини(м)... наши(м)** — русско-церковнославянский формуляр предполагал бы повествование от 1 л. ед. ч.) — отмеченная ранее и в некоторых галицких грамотах XIV в. Такое же сочетание разных формул наблюдается и в закарпатской грамоте 1404 г.: **Сє азъ панъ радоуль вицашпанъ маромоуре(ш)скы(м)!**]

¹ Несмотря на наличие обстоятельной монографии С.Б. Бернштейна о языке валашских грамот XIV–XV вв. (Бернштейн 1948), в литературе последних лет все еще встречается ничем не обоснованное мнение, будто бы западнорусский язык XIV–XVI вв. был государственным языком не только Литвы и Молдавии, но также Валахии (Филин 1974, 9; Журавский 1978, 185). Как известно, языком валашских грамот был болгарский.

и жоупань ба(н)ко и тодѣрь <...> даемо вѣдомо симъ наши(м) листомъ въсакомоу кто посмотришь на сесь листь (Русановский 1965, 133–134). Интересны случаи, когда западнорусский формуляр переплетается с болгарским (опосредованным, по-видимому, канцелярией валашских воевод): **Ил(с)тиа бѣжиеа, азъ алеѣандръ воевода, и г(д)нь въсеи Молдовлахискои земли, чинимъ знаменито, кто на сие писаніе оузритъ, или его оуслышитъ. еже блгопроизволи г(д)во ми** (Русановский 1965, 75), — здесь к несогласованности *азъ* с формой глагола *чинимъ* присоединяется еще и конструкция *господство ми* с повествованием от 3 л. ед. ч. Встречаются, однако, и грамоты с западнорусским зачином в чистом виде: **Ил(с)тию бѣжиею мы алеѣандръ воевода господарь земли мо(л)давскои, чини(м) знаменито ис си(м) листомъ нашимъ оуѣ(м) кто на(н) оузри(т) или его оуслыши(т) чтоучи** (Русановский 1965, 77). Как видим, в дипломатике Молдавии, развивавшейся на стыке разных культур, перекрещивались разные канцелярские традиции: восточнославянские (восходящие к византийскому частному акту), южнославянские (восходящие к византийской царской грамоте) и западнославянские (калькирующие соответствующие латинские формулы).

—

39

—

Характеристика административного языка Московского государства

К кон. XV — нач. XVI в. все восточнославянские земли, оставшиеся за пределами Великого княжества Литовского и Польши (и частично Молдавии и Венгрии), были объединены Великим княжеством Московским. Параллельно с ростом политической власти Москвы проходил процесс распространения московского канцелярского языка, вытеснение им местных канцелярских языков, сложившихся на основе тех же самых киевских традиций, но на местном разговорном субстрате, из которых как по количеству сохранившихся памятников, так и по своеобразию языка выделялась деловая письменность

Новгорода и его колоний. Новгородская дипломатика характеризовалась особой начальной формулой (при частичном сохранении — преимущественно для духовных — древнерусской формулы **се азъ**): **поклонъ отъ** <...>, которая засвидетельствована и в двух смоленских грамотах 1284 и 1300 гг. (Смоленские грамоты 1963, 66–67; ср. Русановский 1978, 178), а также в полоцкой грамоте ок. 1300 г. и в грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г. (Аванесов 1961, 42–43). Можно думать, что этот зачин распространился под влиянием интенсивных контактов северо-западных русских земель с прибалтийскими немцами; указанные смоленские и полоцкая грамоты адресованы в Ригу. После присоединения Новгорода к Москве (1478 г.) на новгородских землях местный диалект в делопроизводстве был заменен московским (Соболевский 1980, 54). Таким образом, для изучения истоков канцелярских традиций и административного языка централизованного Русского государства первостепенное значение имеет исследование документов великокняжеской канцелярии.

В области дипломатики московские великокняжеские грамоты, сохранившиеся с XIV в., продолжают древнерусскую традицию. В духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 г.) мы находим древнерусскую (церковнославянскую) начальную формулу с инвокацией: **Во имя о(т)ца и с(ы)на и с(в)атаго д(о)уха, се азъ, грѣшныи х(о)удыи рабъ б(о)жи Иван(ъ)**, а также санкцию, сходную с той, которая встречается уже в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: **ѿ кто с(ю) грамотоу порочити, соудити емоу б(о)гъ** (ДДГ 1950, № 1, 7–11). Этот же формуляр с некоторыми факультативными приращениями сохраняется для духовных грамот на протяжении XIV–XVII вв. Начальная формула **се азъ**... встречается также в некоторых ранних договорных грамотах: **Се азъ, князь великий Семе]нъ иванович [всєа] Рус(и)** (ДДГ 1950, № 2, ок. 1350–1351 гг., 11), а также в перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда с Дмитрием Донским 1371 г. (ДДГ 1950, 21). Эта грамота была составлена в Москве, что косвенно подтверждается в самом тексте: **ѿ си грамота аже боуд(е)тъ князю великому Олгѣрдоу не люба, инъ отошлетъ** (ср. Косман 1969, 98). Одна-

ко уже во второй пол. XIV в. возникает новый зачин договорных грамот: [По] бл(а)гос(ло)в(е)нью отца нашего **В**лексиа, митрополита **в**сеа **Р**уѣси, на **с**ем, брате **м**олодшии, кн(а)зь великии **М**ихаило **О**лекса(ндр)ович, целоуи ко **м**нѣ крестъ, къ братоу **с**тарѣишемоу, кн(а)зю великомоу **Д**митрию **И**вановичю (ДДГ 1950, 25; ср. Каштанов 1970, 35–36). Эта формула договорных грамот, выработанная уже в московской канцелярской практике, исторически заменяет формулу **С**е азъ... (сохранившуюся в частных грамотах до кон. XVII в.), по-видимому, через стадию, засвидетельствованную в договорной грамоте Дмитрия Донского с серпуховским князем Владимиром Андреевичем ок. 1367 г.: **По** бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего **О**лекѣа, митрополита **в**сеа **Р**уѣс(и), **с**е азъ, кн^азь великии **Д**митрии **И**ванович, докончали **ѣ**смъ з братомъ **с** **м**олодшим, **с**о кн^аземъ **В**олодимеромъ **И**ндрѣевичемъ. **Ц**еловали **ѣ**смъ кр(е)сть оу о(т)ца своего оу **О**лекѣа оу митрополита **в**сеа **Р**уѣс(и) (ДДГ 1950, 19).

Включение в начальную формулу указания на благословение митрополита свидетельствует о том, что московская великокняжеская канцелярия в XIV–XV вв. развивалась в тесной связи с митрополичьей (ср. Водов 1979, 344). Это способствовало сохранению в Московской Руси древнерусского (церковнославянского) формуляра, а также появлению новых церковнославянских элементов в великокняжеских грамотах, заимствованных из практики митрополичьей канцелярии. К таким элементам относится, в частности, элемент титула *всѣа Руси*, заимствованный московскими князьями из титула митрополитов (Шахматов 1938, 77; Алеф 1959, 6) и получивший впоследствии — во время второго южнославянского влияния — форму *всѣа Русии* (Тихомиров 1969, 144). В отличие от Литовской Руси, где к кон. XV в. церковнославянский элемент в великокняжеских грамотах исчезает, в Московской Руси ничто не препятствовало непрерывному воздействию церковнославянского языка на канцелярский язык, в первую очередь, разумеется, на устойчивые формулы, и это воздействие поддерживало употребление традиционных формул до Петровского времени (ср. Успенский 1983, 54,

42 — прим. 2). Но влияние церковнославянского языка на язык московской великокняжеской канцелярии не ограничивалось одними традиционными формулами; в XVI в. полонизмам в западнорусском языке противопоставляются нередко церковнославянизмы в великорусском деловом языке, например, *предок* — *прародитель*, *присяга* — *крестное целованье*, *писарь* — *дьяк* (ср. Золтан 1983, 340–341). Вместе с тем, язык великокняжеской канцелярии развивается на московском разговорном субстрате; этот разговорный субстрат в XIV–XV вв. мог включить в себя уже значительное количество прочно усвоенных церковнославянизмов. Наряду с церковнославянизмами московский деловой язык дополняет унаследованный восточнославянский словарь новообразованиями, местными бытовыми словами и выражениями, а также заимствованиями и кальками из тюркских языков (см. Горшкова 1951; Спринчак 1956а; Русановский 1978).

Г Л А В А I
ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

Взаимодействие двух «русских»
деловых языков в XV в.

Развиваясь на разном диалектном субстрате, в разных государственных образованиях, в контактах с разными языками и культурными традициями, московский и западнорусский деловые языки к XV в. развили ряд характерных черт, на основании которых документы, написанные в Западной Руси, легко отличимы от документов, написанных в Северо-Восточной Руси, несмотря на то что оба языка продолжали характеризоваться в дальнейшем многими общими еще с древнерусского периода чертами. Унаследованный общевосточнославянский словарь обеспечил в дальнейшем беспрепятственную коммуникацию между носителями двух языков; можно думать, что лексические различия между языком московских и западнорусских грамот в XV–XVI вв. еще не приводили к осознанию их как двух разных языковых систем. Оба языка назывались в это время «русскими»; можно предполагать, что западнорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого «русского» языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь еще и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем западнорусский. Во всяком случае, западнорусские тексты в московских ответных документах цитируются без перевода еще во 2-й пол. XVI в., когда вследствие возрастающей

полонизации западнорусского языка словарный состав двух языков уже сильно различался и в польско-русском диалоге на западнорусском языке имели место иногда недоразумения вроде того, что Иван Грозный выражение Стефана Батория «твои послы перед маестат наш были возвани» (КПМЛ II 1843, 45) воспринял как оскорбление (см. ПИГ 1951, 219, ср. ПИГ 1951, 662).

—

44

—

В связи с тем что государственным языком Великого княжества Литовского стал западнорусский, этот язык стал языком дипломатии в сношениях Литвы с Московским государством. Поскольку Польша до Люблинской унии 1569 г. не имела общих границ с Россией, в условиях польско-литовской персональной унии (1386–1569 гг., с небольшими перерывами) дипломатические сношения Польско-Литовского государства с Московским рассматривались как литовско-московские. Употребление западнорусского языка польско-литовской дипломатией в сношениях с Россией согласно этой традиции продолжалось после действительной унии Польши и Литвы в 1569 г. Традиция эта была поддержана по желанию русской дипломатии и в XVII в., когда в самой Западной Руси западнорусский деловой язык, с одной стороны, все больше и больше уступал место польскому языку, а с другой — терял свой самостоятельный характер, превращаясь в вариант польского языка в кирилловской графике. Несмотря на явное незнание польской королевской канцелярией русского языка, в 1646 г. русские послы в Польше возразили против предложения польской стороны, чтобы королевские грамоты русскому царю писались впредь на польском языке, так как «издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся б е л о р у с к и м п и с ь м о м ; и теперь мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится» (Соловьев 1959–1966, 469–470). Этот эпизод показывает, что западнорусский деловой язык в качестве дипломатического языка, несмотря на свой сильно полонизированный характер, воспринимался великороссами в сер. XVII в. все еще как «свой» язык, противопоставленный польскому как иностранному (Успенский, Живов 1983, 159).

Традиция использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии имеет глубокие корни. Западнорусская лексика богато представлена уже в московской посольской документации, сохранившейся с кон. XV в. (Лурье 1963, 263). Этот материал был использован в ряде работ по истории русской лексики (Фогараши 1958; Кохман 1971–1974; Сергеев 1971; Сергеев 1972; Сергеев 1978 и др.).

Отмеченный исследователями факт, что уже в самых ранних дошедших до нас документах этого рода засвидетельствовано довольно много польских и западнорусских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (СРИО 1882), но также с другими европейскими государствами, в частности с Германией (ПДС 1851), позволил А.Л. Хорошкевич утверждать, что «в 1489 году посольским делопроизводством [в Москве. — А.З.] ведали либо поляки, либо белорусы» (Хорошкевич 1980, 233). То обстоятельство, что в посольской документации, сохранившейся случайно именно с кон. 80-х гг. XV в., западнорусская лексика используется в сношениях с иностранцами вообще, заставляет предположить, что такая языковая практика сложилась раньше и часть полонизмов проникла в московский канцелярский язык до фиксации их в «Посольских книгах». Как будет показано в дальнейшем, использование западнорусского языка московской дипломатией в качестве *lingua franca* в общении с Западом в более раннее время подтверждается разного рода источниками, относящимися как к церковной, так и к светской дипломатии. Лексическая диффузия между двумя «русскими» языками может иллюстрироваться историей ряда великорусских слов, усвоенных на протяжении XV в. из западнорусского. К ранним примерам западнорусских заимствований в великорусском относятся, в частности, элементы титула московских великих князей — *господарь* и *отчичь* и *дъдичь*.

К предыстории слова *государь* в русском языке:
происхождение титула *господарь*
московских великих князей XV в.

46

Самый обычный титул московских великих князей, а затем русских царей — *государь*, появляется в московской письменности сначала в форме *господарь/осподарь*; эта форма остается официальной до нач. XVII в. (ср. еще на печатях Бориса Годунова 1599 г.: **господарь всеа Русі** (СГГД 1813–1819, II, № 73, 155), и Лжедмитрия II 1609 г.: **господарь всеа Русі самодержецъ многиуъ господарствъ господарь** (СГГД 1813–1819, II, 362)).

Само слово *господарь* является общеславянским только в значении «хозяин, владелец», а не как титул главы государства. В древних памятниках славянских языков в этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянском и в сербском. Единичные случаи употребления слова *господарь* в значении «властитель, правитель» в древнейших валашских грамотах кон. XIV — XV в. объясняются влиянием сербской дипломатики (Богдан Д. 1933, 270–271); сочетание *krol gospodarz* в единственном — нелокализованном — древнепольском памятнике второй пол. XV в. (ССтп 1953–2002, II, 467) является, по всей вероятности, украинизмом (ср. формы *misto*, *namistnik* в том же тексте, см. Лось 1915, 539; ССтп 1953–2002, V, 67; ср. также сочетание *hospodar krol* в львовской грамоте 1400 г. (Лось 1915, 283) — по позднему списку).

Исследования историков (Штекль 1954, 114–116; ср. Алеф 1959, 6; Водов 1978, 25) показали, что титул *господарь* проникает в письменность Московской Руси из Литовской Руси в 1-й пол. XV в. (обратный путь заимствования предполагает А.Л. Хорошкевич, однако без аргументации, см. Хорошкевич 1980, 88, прим. 65); но происхождение титула в самом западно-русском остается не выясненным. На самом деле, в памятниках великорусских областей, вошедших к кон. XV — нач. XVI в. в состав Московского государства, слово *господарь* в функции великокняжеского титула до XV в. не засвидетельствовано,

хотя само слово *господарь* в исходном своем значении «хозяин, владелец» было хорошо известно на всей восточнославянской территории как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера, ср.: *господарь въ नेताжѣ, недѣе* (Арциховский, Борковский 1963, 69–71); в Синайском патерике XI–XII вв.: *не вѣдоуцню господарю нивѣ* (Синайский патерик 1967, 61; Срезневский 1893–1903, I, 563), *въсхотѣ яа господарь съжеци* (Синайский патерик 1967, 146). Как социальный термин «владелец раба, холопа» *господарь* отмечается в ряде договорных грамот и юридических документов XIV–XVI вв. в Новгороде (ГВНП 1949, 16; 17–18; 20–22; 28 и др.), в Москве («Правосудье митрополичье», АСЭИ 1952–1964, III, 24; Судебники 1952; Срезневский 1893–1903, I, 571), а также в Западной Руси (Судебник Казимира IV 1468 г.: Яковкин 1936, 12–14). Судя по ранней фиксации слова *господарь* «хозяин, владелец» в древнерусских памятниках, а также по его широкому распространению по всей восточнославянской языковой территории в XIV–XVI вв., оно принадлежало здесь к праславянскому наследию, хотя А.А. Шахматов и вслед за ним Р.О. Якобсон считали его заимствованием из чешского на том только основании, что слово *господарь* уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *г-*: *осподарь* (Шахматов 1915, 178; Якобсон 1952, 390). Надо признать, что севернорусские написания *осподи*, *осподинъ*, отражающие произношение с [ɣ], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского слова [ɣ]осподарь, а наоборот, произношение [ɣ]осподарь распространилось на севернорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов, т.е., в конечном итоге, севернорусские написания *осподарь*, встречающиеся с XIII–XIV вв., отражают влияние литургического произношения, сложившегося на южнорусском диалектном субстрате с фрикативным [ɣ] (ср. Успенский 1968, 43, 71).

Что же касается второго, более позднего значения слова *господарь* — «верховный правитель, повелитель, монарх; титул монархов (князей, королей, царей)», то первые несомненные фиксации слова в данном значении относятся к грамотам, вышедшим из «русской» канцелярии польского короля

Казимира III после завоевания им Галицкой земли в 1349 г.: **ѿ се а король казимиръ краковьскїи и коуавьскїи и господарь роускоѣ землѣ** (Пещак 1974, 27; ср. также Пещак 1974, 36). С таким же титулом упоминается Казимир III и в одной из галицких частных грамот: **подъ державоу великого крола краковьского казимира и господара роускоѣ землѣ** (Пещак 1974, 44). В одновременных латинских грамотах Казимира III выражению **господарь роускоѣ землѣ** соответствует *dominus terre Russie* (1439 г., Гонсиоровский 1907, 80).

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршего титула исторически впервые засвидетельствовано в «русских» грамотах польского короля, считавшего себя наследником (в качестве правителя Галицко-Волынской Руси) последних галицко-волынских князей, может привести к выводу о том, что общеславянское *господарь* «хозяин» либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с последним предположением следует иметь в виду, что «русские» грамоты Казимира III, как на это указывалось ранее, являются не буквальными переводами латинских грамот, а своеобразной контаминацией древнерусских и латинских образцов; наряду с элементами древнерусского формуляра грамот мог сохраниться и традиционный титул последних галицко-волынских князей. На такую возможность указывает то обстоятельство, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волынских князей выступает элемент *dominus Russiae*: Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et *dominus Russiae* (1320 г., Срезневский 1882, 177; Гонсиоровский 1907, 153); [Georgius] ex dono Dei natus dux et *dominus Russiae* (1334 г., Срезневский 1882, 135; Гонсиоровский 1907, 153). Нам кажется, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** в «русских» грамотах Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. «хозяин», 2. «господин»), возникшую в результате сосуществования латинской и «русской» канцелярий, причем «русское» выражение возникло необязательно в канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, несколько раньше, в 1-й пол. XIV в., в канцелярии

галицко-волынских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волынских князей 1-й пол. XIV в. наше предположение о существовании такой традиции в Галицко-Волынской Руси остается неподтверждаемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и канцелярские традиции.

Необходимо отметить, что в одном случае *ωсподарь* засвидетельствовано в сочетании со словом *князь* намного раньше указанных грамот в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича (до 1151 г.): **а се чара кня[жа] володимирова давыдов[и]ча кто из нее пь[е] томуоу на здорovie, а хвалаа бога [и] своего ωсподара великого кня[за]** (Срезневский 1882, 60–61; Обнорский, Бархударов 1952, 35; Рыбаков 1964, 28–29 и табл. XXIX); слово *ωсподарь* в этом тексте толкуется исследователями автоматически как «государь». Однако судя по контексту, слово *ωсподарь* здесь может означать и «хозяин», и ввиду совершенной изолированности фиксации слова (*ω*)*сподарь* в качестве титула вплоть до сер. XIV в. следует, на наш взгляд, отдать предпочтение именно такой интерпретации слова *ωсподарь* в этом памятнике («пусть хвалят Бога и своего хозяина, великого князя»); в данном случае, по-видимому, мы имеем дело только с контекстуальным сближением значений «хозяин» и «правитель», обусловленным тем обстоятельством, что «хозяин», из чьей чары пили гости, и «правитель», т.е. князь, здесь одно и то же лицо. В связи с предполагаемой интерпретацией слова *ωсподарь* в этом памятнике укажем, что *господарь* в древнерусских памятниках могло употребляться в контекстах, в которых оно в значении «хозяин» противопоставляется гостям; ср.: **Тоу рѣ господарь гостемъ, да видимъ съ свѣщамъ, звѣрь ли есть влѣзль во дворъ** (XI в., по сп. XIV в., Ч. Николю IV, 7 — КДРС).

В связи с отсутствием начального *г*- в этом раннем памятнике, относящемся к Южной Руси, Г. Шевелев, который переход [г] > [γ] в этой области датирует кон. XII — нач. XIII в., не находя удовлетворительного ответа на пропуск буквы *г*, полагает, что *ωсподарь* в данном случае в значении «господин» («lord»)

—
50
—

было заимствовано из чешск. *hospodář* как элемент высокого стиля (Шевелев 1979, 351–352; исконность слова *господарь* в значении «хозяин, владелец» — «master, owner» при этом автором не оспаривается; ср. указанную ранее точку зрения А.А. Шахматова и Р.О. Якобсона). Такое предположение наталкивается на семантические трудности ввиду того, что *hospodář* в древнечешском не засвидетельствовано в качестве титула или формы обращения (не считая специального употребления этого слова в качестве титула аббатов, которое, однако, отмечается только с XVI в., между тем как само слово в основном значении «хозяин» засвидетельствовано многочисленными примерам уже с XIV в.; см. Гебауэр 1903–1916, I, 470). Если принять точку зрения Г. Шевелева, то следовало бы приписывать древнечешскому слову такое значение, для которого имелось бы всего одно доказательство — черниговская надпись сер. XII в., что весьма маловероятно. Следует отметить, что датировка перехода [r] > [ɣ], устанавливаемая Г. Шевелевым на основе хронологии написаний, отражающих произношение [d'] на месте этимологического [r'], не является обязательной. По мнению ряда ученых, переход [r] > [ɣ] в Южной Руси завершился уже ко времени принятия христианства, чем и объясняется утверждение фрикативного [ɣ] в качестве устойчивого элемента русского литургического произношения (Шахматов 1915, 162, 178, 196; Трубецкой 1927, 63; Успенский 1968, 43, 71, прим. 44). Если придерживаться этой точки зрения, то отсутствие буквы *z* в данной надписи может объясняться тем, что мастер был не черниговцем, а северноруссом. Возможно, впрочем, и то, что буква *z* на самом деле есть в этом слове в тексте надписи, так как буква *z* в предыдущем слове (своего), может относиться к слову **ѡсподара**, поскольку интересующий нас фрагмент надписи выглядит примерно так: **своегѡсподара** (см. точное отображение надписи в Рыбаков 1964, 9; т.е. возможно, что мастер при изготовлении надписи пропустил одну из двух повторяющихся секвенций **го(гѡ)** и, заметив ошибку, втиснул маленькую букву *o* на свободное место под **г** (ср. также другие пропуски в этом тексте, восстанавливаемые издателями). Нам представляется самым вероятным именно такое объяснение пропуска буквы *z* в этой

надписи (данное Б.А. Успенским), потому что оно избавляет нас от необходимости прибегать к неестественным и поэтому маловероятным гипотезам о причинах отсутствия *г* в этом одном, совершенно изолированном в свое время случае употребления слова *господарь* в сочетании со словом *князь*. Как бы то ни было, следует констатировать факт, что до появления слова *господарь* около сер. XIV в. в русской канцелярии Казимира III у нас нет положительных свидетельств об употреблении этого слова в качестве элемента русского княжеского титула не только в севернорусских, но также в южнорусских областях. Это обстоятельство не исключает той возможности, что титул этот мог быть заимствован королевской канцелярией из канцелярской практики последних галицко-волынских князей, но и в этом случае нет оснований предполагать, что это слово вошло в титулатуру галицко-волынских князей значительно раньше первой фиксации их титула *dominus Russiae* в латинских грамотах (1320 г.); естественнее считать, что если эта семантическая калька, наоборот, возникла на самом деле в галицко-волынской канцелярской практике, то она была там создана после появления латинского образца.

На канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западнорусском слово *господарь* не стало эквивалентом латинского *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранилось для обращения к верховному правителю (королю, великому князю и реже удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В памятниках староукраинской деловой письменности XIV–XV вв. слово *пань* засвидетельствовано 10800 раз (ССУМ 1977–1978, II, 125), слово *пані* — 111 раз (ССУМ 1977–1978, II, 123), между тем как *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ 1977–1978, I, 255) и *госпожа* — всего 2 раза (ССУМ 1977–1978, I, 256); 13 раз отмечена болгарская форма *госпожда*, но только в молдавских документах (ССУМ 1977–1978, I, 256–257); в связи с частотностью этих слов в староукраинских грамотах см. также Спринчак 1956. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что семантическая калька *господарь* и заимствования *пань/пані* за-

полнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинъ/госпожа* мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т.е. как заимствования из древнеболгарского языка, не получившие в XIV в. еще широкого распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси. На церковнославянское происхождение слова *господинъ* указывает и то, что в староукраинских грамотах оно употреблялось преимущественно как титул молдавских воевод и как форма обращения к духовным лицам (ср. ССУМ 1977–1978, I, 255). Что же касается Северо-Восточной Руси, то обращение к князю *господинъ* отмечается Д.С. Лихачевым начиная с сер. 70-х гг. XII в. и считается им новым для этого периода политическим термином (Лихачев 1951, 25–26; ср. Виноградова 1965–1978, I, 173–174).

В свете приведенных данных трудно согласиться также с выводом О.Н. Трубочева о том, что можно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова **gospodъ* из церковнославянского в другие славянские языки» (ЭССЯ 1974–1984, вып. 8, 62). Нельзя упускать из виду, что также др.-польск. *gospodzin* «господь» (почти исключительно о Боге, ССтп 1953–2002, II, 468–470) является, по всей вероятности, заимствованием из др.-чешск. *hospodin* (Славский 1952–1982, I, 325), которое, в свою очередь, приобрело значение «господь (о Боге)» во взаимодействии со старославянским языком (Мареш 1967, 1262); слово *господь*, реконструируемое для церковнославянского языка чешского извода X–XI вв., было элементом словаря именно церковнославянского языка, а не древнечешского (Якобсон 1950, 268–270). Следует учитывать и то обстоятельство, что строгое различие слов *господь* «о Боге» и *господин* «о людях» характеризует только язык православных славян, поэтому при распространении самих этих слов нельзя не считаться с влиянием церковнославянского языка. В церковнославянском языке русской редакции в нач. XII в. (Мстиславово Евангелие) *господь* еще могло употребляться по отношению к «земному *господину*» (Жуковская 1972, 66–67), однако впоследствии и в восточнославянской области проводится строгое разграничение сфер применения этих двух слов. Единичные поздние случаи,

когда *господь* выступает в обращении к представителю светской власти, как, например, в отчете русских послов Дмитрия Ларева и Митрофана Карачарова московскому великому князю Ивану III («наяснѣишему и вышнѣишему *господу, господу* Ивану Васильевичу, царю всеа Руси» — 1504 г., СРИО 1884, 519), объясняются явным подражанием западным формам обращения (ср. в латинских грамотах того же периода: «*illustrissimo domino, domino Ioanni...*», см. Унбегаун 1935, 353).

Как видно, имеются веские аргументы в пользу предположения о том, что как **gospodь*, так и **gospodinъ* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского. Очень раннее вытеснение слова *господинъ* заимствованным из польского словом *панъ* объясняется, по-видимому, тем, что слово *господинъ* ко времени начала интенсивных польско-восточнославянских языковых контактов в Юго-Западной Руси не успело еще укорениться в разговорной речи в качестве элемента языкового этикета. Слово *панъ* распространилось в Юго-Западной, а затем во всей Литовской Руси, несомненно, под влиянием польского разговорного языка, но распространение титула *господарь* по отношению к верховным правителям обязано западнорусскому канцелярскому языку, откуда он в XV в. sporadически (см. ранее), а в XVI в. уже все шире проникает в польский язык в украинской огласовке (*hospodar*, см. СП 1966–2011, VIII, 367–368; ср. Карплюк 1977, 56, 68, Миниковска 1980, 57–58; Миниковска 1980а, 65). Таким образом, появление значения «верховный правитель, монарх» у слова праславянского происхождения *господарь* мы должны признать староукраинской семантической инновацией, возникшей в результате семантической аккомодации славянского слова *господарь* «хозяин» под влиянием лат. *dominus*.

Наши выводы о происхождении титула *господарь* в староукраинском подтверждаются историей этого титула в сербской дипломатике. Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе.

Слово *господарь* в значении «правитель какой-то области» в сербских грамотах встречается уже с XIII в., например, в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.: **ако ми богъ да и боудоу го сподарь** (Миклошич 1858, 19); в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.: **и кол <...> боудоу го сподарь швоизи земли приморской, коя е коло Дубровника** (Миклошич 1858, 184). Однако случаи, когда слово *господарь* вне всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к 1-й пол. XV в., например, в грамоте 1436 г.: **прѣде к намь оу Дубровникъ много славна и почтена племенита господа Юлена, <...> кки много славнога свето почившаго кнеза Лазара, господара срьблемь** (Миклошич 1858, 386); в грамоте 1441 г.: **прѣмисмо шдь много славнога господина Гюрга, господара срьпской земли и к томуу ниже речено благо** (Миклошич 1858, 406). По-видимому, из переписки с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах, так как по отношению к Дубровнику турецкая власть считала себя преемником прежних сербских королей и деспотов (Унбегаун 1975, 221; о роли сербского языка в Турецкой империи и вообще о роли сербов в турецком государственном аппарате см. Хадрович 1947, 44–48). См. в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г.: **И велики господарь и велики амира соултань Амоурать бегъ, синь великога господара и великога амире соултань Нехеметь бега** (Миклошич 1858, 362). В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах (ср. Бошков 1977–1979, 95).

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной уверенностью предположить сколько-нибудь тесные контакты между «русской» (галицкой или краковской) и сербской далматинской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов не исключается, поскольку в XII–XIV вв. и Далмация, и Галич находились в сфере влияния Венгрии и у нас есть некоторые исторические сведения о южнославянско-южнорусских политических, династических и церковных связях в этот период, см. Пашуто 1950, 238; Шушарин 1965, 444–445;

Грицак 1958, 152), поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой имелись сходные условия как в собственном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarъ* «хозяин»), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

Путь распространения титула *господарь* в Западной Руси хорошо согласуется с общим ходом развития западнорусского делового языка. После смерти Казимира III мы встречаемся с этим словом в составе титула Владислава Опольского: *роускоѡ земли господарь* (Пещак 1974, 59–61); также подольского князя Александра Кориатовича: *кнѣзь и гдѣрь подольской земли* (Пещак 1974, 50); а затем, после унии Литвы и Польши, в составе титула Владислава Ягайло как польского короля и великого князя литовского одновременно. Есть все основания думать, что закрепление титула *господарь* за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1388–1392 гг.), когда Ягайло практически управлял обоими государствами. Ср. с его договорной грамотой со смоленским князем Юрием Святославичем 1386 г., написанной в Вильне: *Иѣ юрьи свѣтъславич кнѣзь великий смоленский да емъ ведомо кто коли сѣю грамотоу видить а любо слышити с володиславом бѣею млстѣю с королемъ полскимъ литовскимъ и роусскимъ иныхъ земель шподаремъ так есмь оу докончаны* (Смоленские грамоты 1963, 72; Пещак 1974, 70), или с договорной грамотой Ягайло с его братом Скиргайло 1387 г.: *Владисла бѣ млти король полскии литовскии и роускии иныхъ земель гдѣрь* (Хрѣстаматыя 1961, № 18, 49). Эта титулатура полностью соответствует интитуляции латинских грамот Ягайло: *Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus* (ДАИ 1848, 454).

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской

при Ягайло. В этот же период проникает титул *господарь* в язык молдавской канцелярии, сначала как титул Ягайло (Пещак 1974, 79–81), а затем и как титул молдавского воеводы (Пещак 1974, 125–126). В грамотах внутреннего управления молдавские воеводы в кон. XIV в. пользовались еще титулом *господи́нь* (Пещак 1974, 109). В 1-й пол. XV в. титул *господарь* становится обычным и в актах внутреннего управления, хотя иногда встречается еще *господи́нь* (ср., напр., грамоту воеводы Александра львовским купцам 1408 г., в тексте которой читается *господарь*, но на надписи привешенной к ней печати фигурирует *гпнѣ*, см. Русановский 1965, 70). Ранняя история титула *господарь* однозначно указывает на то, что он был заимствован из западнорусской канцелярской практики (ср. Выртосу 1960, 190–194; Миту 1963, 182).

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется в нарративной части западнорусских грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания о нем, в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*: *да ми гѣдръ мои великий король митрополью галицкою <...> іа за то словою и хъчочу дати <...> моему милому гѣдрю королю двѣ стѣ гривенъ рускихъ* (Пещак 1974, 136); *межи нашимъ господаремъ крелемъ Владиславомъ Полскимъ* (АЮЗ 1863–1865, I, 5). Поэтому нельзя согласиться с Г. Штеклем, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует сер. XV в. и видит в ней результат персональной унии Польши с Литвой (Штекль 1954, 115). Указанные ранние фиксации сочетания *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) относятся к подвластным Польше областям (Галич, Львов) и свидетельствуют скорее о том, что оно возникло в Галицкой Руси, где условия для сочетания этих двух титулов существовали уже во 2-й пол. XV в. при Казимире III.

После того как Ягайло передал управление Литвой Витовту (1392 г.), слово *господарь* вошло в титулатуру Витовта. Правда, в немногочисленных сохранившихся подлинных западнорусских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме (*Иты кнѣзь великий витовтъ*, Русановский 1965, 35, ср. также Русановский 1965, 36; 110–112; 128; 141), однако Витовт часто упо-

минается в современных ему документах с титулом *господарь*, ср., например, в серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400–1401 гг.: **по смерти нашѣго госд̄аря великого княз витовта не искати ми инъхъ господаревъ мимо нашегъ милого господаря крола владислава полского** (Пещак 1974, 145–146, ср. также Русановский 1965, 33–34; АЗР 1846–1848, I, 28–30) или в полоцкой грамоте 1407 г.: **Князь великий Витовтъ литовьский, наш ѡсп(о)д(а)рь** (Полоцкие грамоты 1977–1978, I, 108).

Как видно из приведенных текстов, слово *господарь* к этому времени в западнорусском могло означать уже любого верховного правителя и могло выступать как общее название монархов с разными титулами. Употребление слова в таком обобщенном значении в западнорусском языке подтверждается летописными источниками, в частности, панегириком Витовту, составленным или еще при жизни Витовта (Охманьски 1982, 89), или вскоре после его смерти в 1430 г. (Смолка 1890, 18–19), включенным в состав ряда западнорусских летописей. Этот памятник интересен еще и тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов, и при этом для каждого из них употребляется обобщенное название *господарь*: «*господарь* Угорьской земли, зовемыи цесарь римьский» (имеется в виду Сигизмунд Люксембургский, венгерский король (1387–1437гг.) и император Священной Римской империи (с 1410 г.); «славному *господарю*, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому»; «*господарь* земли Молдовьскийи и Басарабъ, по волоскому языку воеводы»; «*господарь* земли Болгарьской, по болгарьскому языку деспоты» (ПСРЛ XXXV 1980, 76).

Длительное «господарствование» Витовта в Литве (1392–1430 гг.) и его активное участие в общерусской политике, несомненно, способствовало распространению его титула как в подвластных ему областях, так и в смежных с ними восточнославянских землях (ср. Штекль 1954, 115; Водов 1978, 25). Поэтому неслучайно, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится как раз ко времени великого княжения Витовта в Литве.

В связи с назначением (по инициативе Витовта) Григория Цамблака в западнорусские митрополиты его титул попадает

в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковнославянском языке: «И тако нам скорбящимъ о церкви и о людехъ божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовомого Витовта, литовскаго и многихъ Русскихъ земель *господаря* (АЗР 1846–1848, I, 33; РИБ VI 1908, 311); ср. также в окружной грамоте самого Витовта, написанной на западнорусском деловом языке, в которой он мотивирует свое решение об отделении Киевской митрополии от Московской: «а ныне люди со стороны ркуть: “осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла”» (АЗР 1846–1848, I, 36). Эти документы стали известными всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию, о чем свидетельствует сам Фотий: «Како бо стекшемуся скврѣному Сбору, писанія по всей Руской земли посылають» (АИ 1841, 30; РИБ VI 1908, 323). Об известности титула Витовта в Москве свидетельствует тот факт, что в послании константинопольского патриарха Иосифа II митрополиту Фотию 1416 г., переведенном с греческого (очевидно, в митрополичьей канцелярии), Витовт упоминается как *осподарь*: «И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витовту, тако же и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣмся, понеже есть умный *осподарь*» (РИБ VI 1908, 323). В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом (*г*)*осподарь*, ср., напр., с договорной грамотой Витовта с тверским великим князем Борисом Александровичем 1427 г.: **Се іазъ, князь велики Борисъ Александрович тѣѣрски, взалъ есмь любовь таковоу с своим г(о)с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кн(а)з(е)мъ витовтомъ и многихъ Роуськихъ земель г о с п о д а р е м ъ** (ДДГ 1950, 62) или в договоре Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем около 1430 г.: **Г(о)с(поди)ноу, ш с п о д а р ю моемоу, великом(оу) княз(ю) Витовтоу, се іазъ, княз(ь) велики Иванъ Федорович рязанскы, добилъ есми челом <...> и ш с п о д а р ь мой, княз(ь) велики Витовтъ, приналъ мен(а) <...> на слоужбоу** (ДДГ 1950, 68–69; ср. также аналогичную грамоту пронского князя Ивана Владимировича того же времени, ДДГ 1950, 68–69).

Принимая во внимание не только сохранившийся актовый материал, но и другие исторические сведения о личных контактах Витовта с московскими великими князьями, можно уверенно утверждать, что способ титулования великого князя в Литве был известен в Московской Руси уже в кон. XIV — нач. XV в. Как известно, Василий Дмитриевич обручился с Софьей Витовтовной в Западной Руси, где он провел довольно длительное время в 1386–1387 гг., еще до своего правления. Когда он вернулся в Москву, пришли с ним «князи Лятцкіе, панове, и Ляхове и Литва» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 52); в 1396 г. Василий I и митрополит Киприан были у Витовта в Смоленске (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 69); в 1397 г. Витовт встретился со своим зятем в Коломне (Натансон-Лески 1922, 25); в 1422 и 1425 гг. Софья Витовтовна с малолетним Василием II ездила к Витовту (Натансон-Лески 1922, 29; ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, XVIII, 167; ПСРЛ XXV 1949, 245). Событием самого большого масштаба, на котором московский великий князь и сопровождающие его лица могли ознакомиться с этикетом, принятым во дворе Витовта, был, несомненно, съезд монархов в Вильне и Троках по случаю (не состоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., в котором участвовали великий князь Василий II и митрополит Фотий наряду с монархами Центральной и Восточной Европы (ПСРЛ XXV 1949, 34; ПСРЛ XXVII 1962, 343); это, пожалуй, последний — до эпохи Петра I — случай, когда глава Московского государства добровольно ездил за границу, если не считать поездки Лжедмитрия (ср. Панченко, Успенский 1983, 61).

Таким образом, на наш взгляд, титул (*г*)*осподарь* не мог быть не известным в Московской Руси уже в 1-й четв. XV в., но он был известен как титул литовского великого князя.

Первое применение этого титула по отношению к московским великим князьям относится к духовной Кирилла Белозерского 1427 г. (по списку, АИ 1841, 62; АСЭИ 1952–1964, II, 277–279, ср. Штекль 1954, 115); дериват *господарство* (в написании *гдрство*) засвидетельствован также в духовной митрополита Фотия 1431 г. в двух значениях: «достоинство монарха» и «область, подчиненная монарху», ср.: **Бодѣи жъ млсть и благодать Гдѣ Бгѣи и прѣчистиѣ Бго Дѣтери на моеѣмъ**

—

59

—

ѣнѣ, на Великомъ Кнѣзе на Василье Васильевичѣ, и на его ѣнехъ и вноуцехъ, с вѣликим ихъ Гдѣствомъ (СГГД 1813–1819, II, 22 (по списку XII в.); Срезневский 1893–1903, I, 572; Черных 1956, 113–114; СРЯ 1975–2008, 4, 108); И что, ѣноу мои, ѣкоудоу мнѣ что пришло въ церковныи домъ Хѣвъ и прѣчистыа ѣго Матѣри, в отчинѣ вѣликаго вашего Гдѣства, и отчынѣхъ земѣль, Гдѣствъ, великихъ Княжении, и ѣ Литовской земли <...> и о томъ о всемъ тѣбе приказываю, ѣноу моемоу, Вѣликомоу кнѣзю Василью Васильевичю (СГГД 1813–1819, II, 21).

Первые достоверные случаи употребления слова (*господарь*) в значении «верховный правитель» в московских великокняжеских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, встречаются в договорных грамотах Василия II с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в., сохранившихся в подлиннике: *ѣ гдѣ боудеть ити нашимъ ратемъ, и гдѣ хто живетъ въ вашои очинѣ, хто комоу слоужитъ, тотъ идетъ своимъ о сподаремъ* (ДДГ 1950, 88; ср. также ДДГ 1950, 91–92, 94, 97, 99, 109, 111, 114, 116). В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания выступает слово *князь*, ср.: *а кто которомоу князю (ю) слоужитъ, гдѣ бы ни жилъ, томоу с тѣмъ княземъ и ѣхати, комоу слоужитъ* (ДДГ 1950, 40). В подобном значении слово *господарь* отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский великий князь просит разрешения на поставление в митрополиты рязанского епископа Ионы: «И просимъ святѣйшее ти владычество <...> за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и *господарей* умножения, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставление митрополита» (РИБ VI 1908, 535). Поставленный в митрополиты в кон. 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они «били челомъ своему *господарю* великому князю о жалованьи <...>. А не имете бити челомъ своему *господарю* великому князю, <...> а за тѣмъ кровь христіанскаа прольется» (РИБ VI 1908, 542; АИ 1841, 87). В качестве официального титула сочетание *осподарь земли рускои* в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1147 г.; на монетах Василия II с кон. 40-х гг. XV в. читается *осподарь всяя Руси* или *осподарь всяя*

русской земли (Алеф 1959, 11–12). Василий II называет себя *господарем* в договоре с суздальским князем Иваном Васильевичем 1148–1149 гг.: **на семь на всем, князь(ь) Иванъ [Васил]ъвич, целоуи ко мнѣ кр(е)стѣ, къ своемуу го сподарю, к великому князю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(оу) <...> ѿ мене ти, своег(о) ѿ сподара <...> держати ч(е)стно и грозно** (ДДГ 1950, 155–156, 157–159; ср. Штекль 1954, 115). Заслуживает внимания то, что этот договор был заключен «по благословению» митрополита Ионы и, возможно, в оформлении грамоты принимала участие митрополичья канцелярия (см. далее гл. II). В более ранних княжеских договорах московский великий князь писался «братом старейшим» по отношению к удельным князьям — своим «братьям младшим». О том, что новый титул *государь* воспринимался как более высокий, чем прежний *брат старейший*, отчетливо свидетельствует одна из грамот митрополита Ионы, в которой говорится: «Вѣдаете, сыну, и прежде, что ся състало отъ того князя Ивана Андреевича над нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣшимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его *Осподаремъ*, надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ» (АИ 1841, 104).

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул (*г*)*осударь* встречается только по отношению к литовскому великому князю, как например, в тверско-московском договоре (тверская грамота, ок. 1439 г., по списку сер. XV в.): **ѿ бодет вам, брат(е), взат(и) любовь с Жигимонтом, или с Литвою, или кто инъ ѿ сподарь садет на Литовьской земли, и вамъ, брат(е), без мен(а) любви не взат(и)** (ДДГ 1950, 106) или в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451–1452 гг.: «мы, милостию Божию съгдаваше съ своею матерью съ Великою княгинию, и съ нашею братьею с Русскими Великими князи и съ помѣстными князьями, и съ *Литовскія земли Осподаремъ* съ Великимъ Княземъ <...>» (РИБ VI 1908, 578; АИ 1841, 84; ср. Алеф 1959, 8). Как показывают последние примеры, в сер. XV в. при составлении документов внешних сношений в Москве отдавали себе отчет в том, что (*г*)*осударь* — это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г. Штекля о том,

что слово это было введено в титулатуру московских великих князей по образцу литовских (Штекль 1954, 114–116). Если наши выводы о происхождении титула *господарь* в западно-русском верны, то слово *господарь* («верховный правитель», «титул великого князя») в великорусском представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

Так как инициатива по введению титула *господарь* для московских великих князей принадлежала духовенству (ср. Штекль 1954, 115), то есть все основания полагать, что слово *господарь* в своем новом значении в Московской Руси могло восприниматься как принадлежность церковнославянского языка, т.е. западнорусское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм. Усвоенный из западнорусского языка этот новый титул московских великих князей на великорусской почве на первых порах мог восприниматься буквально, т.е. в общеизвестном здесь своем значении «владелец раба, холопа», ср. в Псковской 2-й летописи под 1480 г.: «и сами господари великии князи о семь вѣсте, может ли *един рабъ двѣма господарема работати*; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ нерадити начнет; тако и мы не хоцемъ двема работати, но хоцемъ единого *осподаря* держатися великого князя Ивана Васильевича» (Псковские летописи 1941, II, 61; ср. Мф. 6:24: *яко никыи же рабъ можетъ двѣма господиномъ работати. или единого възненавидитъ. а друугаго възлюбитъ* — Мстиславово Евангелие 1983, л. 34а, 68). По-видимому, таким буквальным пониманием титула *господарь* было вызвано сопротивление новгородцев признать московских великих князей Ивана III и его сына Ивана Ивановича Молодого своими «господарями», потому что «наперед того, как и земля их стала, того не бывало, ни которого великого князя государем не зывали, но господином» (1477 г., ПСРЛ XXV 1949, 309; то же: ПСРЛ XVIII 1913, 254; ср. Булахов 1961, 57).

В противовес московским притязаниям на титул *господарь* новгородцы ввели его в титулатуру своей республики в послед-

ние годы ее независимости (ГВНП 1949, 152, 156; ср. Штекль 1954, 116). Возможно, что именно такое понимание нового титула было в интересах московского великокняжеского центра, стремившегося к неограниченной власти и начавшего «проводить взгляд на своих вассалов и подданных как на “холопов”» (Хорошкевич 1982, 40). На великорусском соотношении *господарь* — *холоп* (ср. соотношение *господь* — *раб* в церковнославянском при обычном соответствии русск. *холоп* — цсл. *раб*) базируется, по-видимому, этикетное обращение подданных к великому князю как «холопов» к «господарю» («государю»), отмечаемое в московских документах с кон. XV в. (см., напр., ПДС 1851, 114–115), неизвестное в западнорусских текстах. Отметим, что Афанасий Никитин употреблял слово *господарь* также по отношению к Богу (вместо *господь*) в переводе мусульманской молитвы: «Боже *осподарю*, боже, боже вышний, царю небесный» (Афанасий Никитин 1980, 75), хотя в своих собственных молитвах он употреблял, конечно, слово *Господь* («*Господи* Боже мой! На Тя уповах, спаси мя, Господи!» — Афанасий Никитин 1980, 60).

Во второй пол. XV в. еще не завершилось окончательное распределение титулов *господарь* и *господинъ*; в это время встречаются случаи, когда духовные лица именуют себя «господарями», прибавляя новый титул к старому, как, например, новгородский архиепископ Иона в одной из грамот около 1460 г.: «[По] благословенью преосвященнаго *господина* и *осподаря* архіепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Ионы» (ГВНП 1949, 174 — КДРС). Однако позже *господарь* > *государь* стало ассоциироваться со светской властью, а в титуле архиереев *господарь/государь* считалось более высоким, чем *господинъ*, ср. в письме старца Филофея дьяку Михаилу Мунехину 1521–1524 гг.: «<...> гѣдноу миѡхалѣ григорьевичоу, не токмо гѣдноу но і гѣдрю моемоу ници чернецъ ѿилофеи бѣа молко и челом бью. писал тѣи гѣдрь ко мнѣ свою грамотѣ <...>» (Малинин 1901, Приложение V, 33). В кон. XVI — 1-й пол. XVII в. в документах, вышедших из патриаршей канцелярии, патриарх титулуется официально «великим господином»: «От великого господина Иева патриарха московского и всеа Руси <...>»

64 — (см., напр., АФЗХ 1951–1961, III, 195, 226, 198–235, 250, 253–255), такой же титул употребляли митрополиты (АФЗХ 1951–1961, III, 260–288, 235–271), между тем как их подвластные в письмах и челобитных обращались к ним словом *государь*: «Государю святейшему Иеву патриарху московскому и всеа Русии твоего, *государева* <...> Волосова монастыря нищии твои, *государев*, богомолец игумен Пимин да твои холоп, государев, Иванец <...> челом бьет» (АФЗХ 1951–1961, III, 224; ср. также АФЗХ 1951–1961, III, 229–231, 243–252). Из московских патриархов титулом «великий государь» пользовался некоторое время патриарх Никон, которого в 1654 г. специально наградили этим титулом царь Алексей Михайлович (Гиббенет 1882–1884, I, 22), но когда в 1658 г. отношения царя и патриарха ухудшились, посланник царя князь Юрий Ромодановский обвинил Никона в том, что тот самовольно присвоил себе титул «великий государь», говоря: «Ты оскорбляешь царя, что пишешься великим государем; у нас один государь царь», — и потребовал от имени царя, чтобы патриарх «впредь не писался и не назывался великим государем» (Гиббенет 1882–1884, I, 29–30; ср. титулатуру Никона в одной из его грамот 1658 г.: «От великого государя святѣйшаго Никона патриарха московскаго и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи» — Гиббенет 1882–1884, II, 487). Этот эпизод свидетельствует об изменениях, которые произошли в отношениях светской и духовной власти на протяжении XV–XVII вв. Если раньше ряд титулов для монарха ввели фактически главы церкви (*господарь*, *отчиць* и *дѣдичь*, *самодержец*), то теперь уже глава государства награждает титулом патриарха.

К истории слова
государство < *господарство*

Под несомненным влиянием западнорусского языка распространилось в Московской Руси слово *господарство* (в разных значениях: «власть, достоинство государя», «область, земля, подчиненная государю», а также как почтительная

форма обращения к государю). Около сер. XV в. слово *господарство* встречается во всех указанных значениях в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и Казань, изобилующих западнорусизмами (о них см. далее). Сравним, например, с посланием киевскому удельному князю Александру (Олельке) Владимировичу: «въ тогдашня времена было *господарство* отъ того православнаго самодержьца всея руския земля Владимира на Киевѣ»; «въ *господарствѣхъ* рускыхъ господарей съ цариграскыми цари негладости ради» (РИБ VI 1908, 560–561); в посольстве польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV: «великий *господарь*, великий король <...> хотѣль еси въ другом своемъ богомоліи и *господарствѣхъ*, галичьской митрополиі, Божіи церкви и дома церковныи <...> къ святѣй Софѣи и кіевскому столу отдати по старинѣ, и велѣпъ еси намъ себя обослати туто, въ томъ въ своемъ *господарствѣхъ*» (РИБ VI 1908, 570); в послании смоленскому епископу Мисаилу: «пришоль туто къ вамъ в литовское *осподарство* отъ римскіе церкви ученикъ» (РИБ VI 1908, 662); в грамоте к казанскому хану Махмутеку: **Июна, митрополитѣ киевскѣи всея Рус(и) достоиндію честь великомуѣ ти господарьствѣ симъ нашим писаниемъ послали есмо, слыша, что же въшнаг(о) б(о)га силою держишь свое господарьство** (АСЭИ 1952–1964, III, 26).

Господарство как почтительная форма обращения возникла, по-видимому, по аналогии с формами *владычество*, *господство*, *святительство*, т.е. оно образовано по южнославянскому образцу, восходящему к византийской традиции (см. ранее, Введение, 2); в территориальном же значении оно, по всей видимости, восходит к западнорусскому *господарство*, которое в западнорусском было относительно редким словом по сравнению с заимствованным из польского словом *панство* (ССУМ 1977–1978, I, 254; ССУМ 1977–1978, II, 124; ср. Штекль 1954, 116), возникшим, несомненно, по образцу этого последнего. Польск. *państwo*, в свою очередь, калькирует лат. *dominium* и *dominatio* (в разных значениях, в том числе и в территориальном значении: см. Матушевский 1958, 87–89; ср. также польские глоссы в латинских текстах: *dominus* — *pan*, *dominium* —

państwo, СЛП 1953, III, 836). Использование слова *господарство/государство* в великорусском в соответствии с зап.-русск. *господарство/панство*, польск. *państwo*, лат. *dominium* наглядно следует из контекстов, когда перечисляются или упоминаются разные владения одного и того же монарха, ср. уже у митрополита Ионы, который говорит о Казимире IV как о «самодержце великихъ двоихъ *господарствъ*», (РИБ VI 1908, 562), т.е. Польши и Литвы как двух разных политических образований. В России Иван IV говорит о своих «государствах» в соответствии со своими владениями, перечисленными в титуле (ср., напр., АИ 1841, 539). Поэтому нельзя согласиться с мнением П.Я. Черных о том, что в применении термина *государство* к отдельным областям России в кон. XVI — нач. XVII в. проявлялась «грозная опасность территориального распада Московской Руси» во время Смуты (Черных 1956, 198–199); такое употребление слова обусловлено его происхождением и первичной семантикой; Псковская земля, например, сама себя называла «господарством», ср. в надписи на печатях, собранных Василием III при покорении Пскова в 1510 г.: *печать господарства псковьскаго* (СГГД 1813–1819, II, стр. V). Семантическая близость русск. *господарство/государство* и польск. *państwo* следует также из записи Лжедмитрия I 1604 г., написанной параллельно на русском и польском языках, в которой Лжедмитрий титулуется **всѣхъ Гдѣрствъ московскихъ Гдѣрь и дѣдичь** (= *wszystkich Panstw Moskiewskich Pan y Dziedzic*) и обещает дать своей будущей жене **два Гдѣрства великие, Велики Новгородъ да Псковъ** (= *dwoie Panstwa, Wielki Nowogrod y Pskow*) (СГГД 1813–1819, II, 159–161).

Таким образом, русск. *господарство* > *государство*, как и *господарь* > *государь*, представляет собой в конечном итоге семантический латинизм, опосредствованный западно-русским и (в случае с *господарство*) польским языками. Это тем более примечательно, что в двух остальных современных восточнославянских литературных языках (укр. *держава*, блр. *дзяржава*) для выражения понятия «государство» употребляется церковнославянизм *держава*, представляющий собой кальку с греческого (*κράτος* от *κρατεῖν* «держать», «властвовать», ср. Миклошич 1862–1865, 177–178; СЯС 1958–1982,

I, 520–522), т.е. в данном случае русское слово *государство* сохраняет преемственность с западнорусским, тогда как украинский и белорусский литературные языки, отказавшись от собственной традиции, обратились к церковнославянскому источнику (в современном русском литературном языке разные по происхождению слова *государство* и *держава* подверглись стилистической дифференциации).

—

—

Вопрос о времени перехода
господарь > *государь* и производных

Что же касается фонетического облика слов *государь* и *государство*, то самой трудной задачей является определение времени изменения *господарь* > *государь*. К кон. XV в. в великорусских памятниках устанавливается подтительное написание слов *господарь*, *господар(ь)ство* в виде *гѣдѣрь*, *гѣдѣр(ь)ство*. Издателями памятников эти сокращения раскрываются обычно как *государь*, *государ(ь)ство*, хотя для такого издательского приема по отношению к XV–XVI вв. нет достаточного основания, так как в тех относительно немногочисленных, но все-таки показательных случаях, когда эти слова пишутся без титла, мы находим только формы *господарь/осподарь*, *господар(ь)ство/осподар(ь)ство*. Рассмотрим, например, надписи на печати Василия III: *господарь всеа Русии* (АРГ 1975, 40), Ивана IV: *царь господарь всеа Руси* (АСЭИ 1952–1964, III, № 278, 1577 г., 295); на монетах Ивана IV: *ѡсподарь всеа Руси* (Срезневский 1893–1903, II, 735); также на указанных ранее печатях Бориса Годунова 1599 г. и Лжедмитрия II 1609 г. Написание *господарь/осподарь* встречается иногда и в текстах грамот XVI в.: *осподарь* (АРГ 1975, 64), *господарскои* (АФЗХ 1951–1961, II, 333). *Господарьство* засвидетельствовано в Московском летописном своде кон. XV в. (сп. 1-й пол. XVI в.) под 1377 г. в тексте «Повести о Митяе»: «да повелить держава твоя со скоростию снитися епископомъ сущимъ въ Русстеи земле под областью *господарьства* твоего» (ПСРЛ XXV 1949, 197); *господарьство* здесь

—
68
—

употреблено в функции обращения к великому князю (как и *держава*), а не в значении «владение, хозяйство» (ср. Ильенко 1958, 12) и попало в текст «Повести» при переработке ее во 2-й пол. XV в., так как в первоначальной редакции кон. XIV в. его еще нет (см. Прохоров 1978, 220; ср. Прохоров 1978, 4–5, 125–126). О живучести формы *господарство* еще и в XVII в. свидетельствует ее фиксация в Уложении Алексея Михайловича 1649 г.: А будетъ кто измѣнитъ из Московьскаго *господарства* от[ъ]ѣдетъ в ыное *господарство* [..] и гс̑дрь пожалует его (СРЯ 1975–2008, 4, 100); ср. также другие примеры XVII в. (СРЯ 1975–2008), а также в предисловии к переводу Псалтыри на *простои, обьыклои словенскои азькъ* Авраамия Фирсова 1683 г.: **Бываю(т) нынѣ в россискомъ гс̑дарствѣ несогласна, расколы** (ГИМ, Син. 710, л. 3об — указание Е.А. Целуновой, см. издание: Целунова 1989, 24; об этой рукописи см. Успенский 1983а, 112; Целунова 2006, 13–173).

В свете приведенных данных нельзя согласиться с выводом Г. Штекля о том, что «около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы *господарь* в московских канцеляриях, и с тех пор *государь* становится единственным постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю» (Штекль 1954, 115). Из наших данных вытекает, что к кон. XV в. распространилось лишь сокращенное написание слова, и это свидетельствует только о приспособлении его к общепринятому сокращенному написанию однокоренных церковнославянских слов *господь*, *господинъ*.

Ранняя датировка формы *государь* в исторических и этимологических словарях основывается в конечном итоге на произвольной интерпретации подтительного написания гс̑дрь, принадлежащей либо самим авторам этих словарей, либо перенятой ими из публикаций, не преследующих лингвистических целей, где титла раскрываются без оговорок. Между тем первые положительные свидетельства в пользу наличия формы *государь* в русском языке относятся к кон. XVI — нач. XVII в., хотя в это время употреблялась еще форма *господарь*. Ввиду того что в русских текстах этого времени преобладает подтительное написание, первостепенное значение приобретают свидетельст-

ва иностранцев. Так, Штаден во 2-й пол. XVI в. пишет *haspodar* (Исаченко 1980, 276), Флетчер (1591 г.) — *hospodare* (Лиминг 1967, 210–211), Маржерет (1607 г.) — *hospodar, ospodar* (Ворт 1981, 205; ср. Живов 1982, 339, 346), Фенне 1607 г. — *aspodar, aspodarschoi, gospodar* (Фенне 1961–1971, I, 38, 480, ср. Фенне 1961–1971, II, 24, 455; другие примеры см. Успенский 1971, LVI). Однако в словаре Соважа (1586 г.) наряду с формами *асподарь, асподарыня* (*aspondare; aspondarenia, aspoudarinnia*) встречаются уже формы *асударь* (*asoudare, assoudare*) и *асударыня* (*assoudarinie*) (Ларин 1948, по указателю), правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. Джемс (1618–1619 гг.) знает только формы *сударь, сударыня, сударев* (Ларин 1959, по указателю; по поводу формы *государь* (*gosydari*) неправильно прочтенной Б.А. Лариным вместо *сударь* (*sydari*) см. Успенский 1971, LVIII). В русских текстах, написанных русскими, форма *государство* нам встретилась впервые в цитированной записи Лжедмитрия I 1604 г., в которой рядом с многочисленными подтительными написаниями один раз засвидетельствовано написание *государство*: **кои часть достоуплю наследственнаго нашего Московскаго Государства** (СГГД 1813–1819, II, 160), хотя этот текст пестрит полонизмами, форму *государство* необходимо признать великорусской, так как в западнорусском не произошло изменения *господарь* > *государь* (несмотря на то что в публикациях западнорусских текстов написание **г^дарь** иногда также интерпретируется как *государь*; так, например, Срезневский (Срезневский 1893–1903, I, 571) цитирует западнорусский перевод статута Казимира по АЗР 1846–1848, I, № 2, хотя в этом тексте слово пишется везде под титлом (ср. фотокопию в издании: Роман, Ветулани 1959, 149, 160, 166)); в западнорусском известна сокращенная форма этого слова в виде *сподарь*, засвидетельствованная с 1498 г. (см. Карский 1955–1956, I, 372; Карплюк 1977, 83). Несокращенные написания *государь, государство* встречаются и в Вестях-курантах ок. сер. XVII в. (В-К 1980, № 5, 1645 г., 18; В-К 1983, № 1, 1648 г., 42–44, 53–56, 64); в этих же текстах засвидетельствована форма *господарь*, но уже как титул молдавского и валашского воевод (В-К 1980, № 45, 1646 г., 234).

Форма *господарь* («господин») сохраняется еще в фольклорных текстах, ср., напр., в «Многолетии», записанном П.И. Мельниковым (А. Печерским) в Приволжье:

—
70
—

Еще дай Боже, еще дай Боже
Еще дай Боже, еще дай Боже
Здравствовати!
Господину, *господарю*,
Господину, *господарю*
Нашему!..

(Мельников-Печерский 1979, II, 137); ср. также *господарыня* «госпожа, сударыня» в свадебной песне, записанной в Архангельской губернии в 1852 г. (СРНГ 1965–1983, VII, 89).

Форма *государь* возникла, по-видимому, в разговорной речи в XVI в., когда слово *господарь* из великокняжеского титула превратилось в общеупотребительную форму обращения. Начало процесса демократизации этой формы обращения можно видеть, на наш взгляд, в придворном этикете, а именно в том, что великие княгини обращались к своим мужьям с этим титулом. И уже в сер. XV в.: «По *Осподаря* своего грамотѣ Великого князя Василія Васильевичя, се язъ Княгини Великая Марья пожаловала есмь <...>» (АИ 1841, 98); **И на поминок д(оу)ши своег(о) господаря, мужа своего, великого кн(а)зя Васил(ь)я Дмитриевич(а) <...>** (Духовная Софии Витовтовны, ДДГ 1950, 177); несколько позже такая форма обращения отмечается в грамотах представительниц менее знатных слоев феодального общества. Например, в рязанской грамоте 1482–1483 гг., в которой вдова упоминает о своем муже: **придала есмь то село съ всѣмъ с тѣмъ, какъ вѣдалъ осподарь мои Прокоѳеи Давыдович, да и язъ какъ вѣдала после осподаря своег[о]** (ПРП 1978, 9). Как видим, в XV в. в таком употреблении встречается только форма *господарь/осподарь*, как и в других случаях, когда слово пишется не под титулом. Таким образом, возникновение формы *государь* мы должны датировать временем не ранее XVI в. На основе приведенных ранее свидетельств надписей на царских печатях и других данных кон. XVI — XVII в., можно полагать,

что официальной формой слова в царском титуле в нач. XVII в. продолжало быть *господарь*, произносимое с фрикативным [γ]. Разговорный вариант *государь*, который несомненно существовал уже в XVI в., еще в нач. XVII в. мог попасть только в документы, составленные лицами, не имевшими специальной канцелярской выучки (как, например, писец указанной записи Лжедмитрия II).

Форма *господарь* к кон. XVI — нач. XVII вв. стала архаизмом, традиционной канцелярской формой, между тем как в разговорном языке произошло изменение *господарь* > *государь*. Изменение это не получило еще общепринятого объяснения. Фонетическая интерпретация преобразования слова *господарь* на *государь* (Преображенский 1959, I, 152; Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 446; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 4, 150; ЭССЯ 1974–1984, вып. 7, 59–60) представляется малоубедительной из-за нетипичного перехода безударного *o* > *y*. Может быть, следует отдать предпочтение предположению П.Я. Черных о том, что форма *государь* получилась из *господарь* в результате народно-этимологического воздействия слов *суд*, *судить* (Черных 1956, 214). Контексты, в которых эти понятия сблизились, имеются в летописях. Рассмотрим, например, рассказ Псковской 3-й летописи (сп. 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.: «вам своимъ *господином* челом биемъ, а что *государя* васъ, а то не зовѣмъ, а *соуд* вашимъ намѣстникомъ на Городище по старинѣ, а что вашему *соуду* великихъ князей, ни вашихъ тивуномъ (!), а то в насъ не быти, ни дворище вамъ Ярославля не даемъ» (Псковские летописи 1941, II, 209). Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах. Как бы то ни было, по единогласному мнению исследователей, русск. *государь* восходит к более ранней форме *господарь*, а *государство* к *господар(в)ство*, а эти более ранние формы восходят, на наш взгляд, к соответствующим западно-русским словам. Разговорные варианты, возникшие на великорусской почве, к XVIII в. становятся единственно литературными, а *господарь* сохраняется или, скорее, повторно заимствуется только в качестве экзотизма — как титул молдавских и валашских воевод, как об этом свидетельствует В.Н. Татищев

в своем «Лексиноне» (1730–1740-е гг.): «иногда называли государя государь, но оное ныне токмо волоскому и мултанскому воеводам дается» (Татищев 1979, 244). Устаревшая к этому времени в русском языке форма *господарь* стала снова широко известной в этом специальном значении в связи с переездом в Россию Дмитрия Кантемира в 1711 г. (Б.А. Успенский, устное сообщение).

—
72

—

Происхождение элемента титула *отчичь* и *дѣдичь*

Около сер. XV в. появляется в титуле московских великих князей элемент *отчичь* и *дѣдичь* «наследник», «наследственный правитель». Первая известная нам фиксация этого выражения в применении к московскому великому князю относится к посланию митрополита Ионы псковичам 1461 г. (по сп. нач. XVI в.): «Благословеніе Юны, митрополита кievьскаго [и] всея Руси, въ отчину великого государя, царя русаго, а нашего господина <...>, а вашего, нашихъ дѣтей, *отчичья* и *дѣдичья*, по родству <...>; А что есте, сынове, присылали къ великому государю, а къ нашему сыну, къ своему *отчичю* и *дѣдичю*, къ Великому князю <...>» (РИБ VI 1908, 673–675; ср. АИ 1841, 107). Инициатива по введению нового титула принадлежала, по-видимому, и на этот раз высшему духовенству, как и в случае титула *господарь* (и как это имело место несколько позже с титулом византийского происхождения *самодержец*, см. Острогорский 1935, 169); с титулом *отчичь* и *дѣдичь* упоминается Иван III в грамотах митрополита Филиппа новгородцам 1471 г.: «и отъ своего бы есте Господина отъ Великого Князя, *отчича* и *дѣдича*, не отступали, а къ Латыньскому бы есте Господарю не приступали» (АИ 1841, 514); «и вы, сынове, смиритесь, емуже Богом поручении есте подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго Русскихъ земель государя великого князя Ивана Васильевича всея Русіи, вашего *отчича* и *дѣдича*» (РИБ VI 1908, 730; ПСРЛ XX 1910–1914, 1, 289). В доку-

ментах великокняжеской канцелярии этот элемент титула за-
свидетельствован впервые в 1472 г.: «Юанъ Божию милостью
единъ правой Государь всея Руссии *отичиць* и *дѣдичиць* и инымъ
землямъ отъ сѣвера и до востока Государь» (СГГД 1813–1819, V,
12 — КДРС), и продолжает употребляться на протяжении XVI
и XVII вв. преимущественно только в составе торжественно-
го полного титула в документах внешних сношений (ср. отчет
о протесте русских послов у французских властей в 1667 г.,
вызванном тем, что в тексте грамоты, приготовленном фран-
цузской стороной, «самые высокие титулы прописаны: “само-
держца, *отичича*, и *дедича*, и наследника, и государя и обла-
дателя” у той грамоты на подписи не написано», Пут. посл.
1954, 188); выражение *отичиць* и *дѣдичиць* и *наслѣдникъ* входило
в состав полного царского титула еще при Петре I (Петр IV,
349 — КДРС); синонимическое цсл. *наслѣдникъ* присоеди-
нилось к элементам западнорусского происхождения *отичиць*
и *дѣдичиць* со времен Ивана IV (ср. в грамоте Ивана Грозного
шведскому королю 1572 г., ПИГ 1951, 144 — КДРС).

Титул *отичиць* и *дѣдичиць* сложился в западнорусском языке
в 1-й пол. XV в. (засвидетельствовано с 1433 г., ССУМ 1977–
1978, II, 112–113). Слово *дѣдичиць* «наследник» было постоян-
ным элементом титула польских королей и употреблялось
в их «русских» грамотах в соответствии с лат. *heres* (первая
фиксация относится к грамоте Казимира III 1361 г., см. Пещак
1974, 36; ср. также в грамоте Владислава Опольского 1378 г.,
Пещак 1974, 59, и др.). Слово это рассматривается обычно как
праславянское (ЭССЯ 1974–1984, вып. 6, 226; СПрасл. 1974–
1983, III, 111–113), однако ранняя история слова в восточно-
славянских языках однозначно указывает на то, что в вели-
корусском оно заимствовано из западнорусского, а в западно-
русском из польского *dziedzic* (Кохман 1967, 105; Булыко 1972,
89; Шевелев 1975, 455), которое, в свою очередь, заимствовано
из чешского (Шенкер 1983, 262). В отличие от слова *господарь*,
о котором нельзя с уверенностью сказать, возникло ли оно в
«русской» канцелярии Казимира III или же продолжает там
устоявшуюся галицкую традицию, о наличии слова *дѣдичиць*
в галицко-волынском говоре до присоединения Галицкой

Руси к Польше свидетельствует его фиксация в Киевском летописном своде при описании галицких событий 1190 г.: **Галичкнии же мѡужи срѣтоша его [Володимира Ярославича] с радостью великою князѧ своего и дѣдича а королевича прогнаша из землѧ своего. а Володимѣръ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего** (ПСРЛ II 1962, 666–667; ср. Срезневский 1893–1903, I, 782–783). Возможно, это слово входило уже в титулатуру последнего галицко-волинского князя Болеслава-Юрия II, ср. его титулатуру в латинской привилегии городу Саноку на магдебургское право 1339 г.: *Georgius dei gratia dux et heres regni Russie* (Пашкевич 1924, 36). Слово *отчичь* также засвидетельствовано в летописи по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-Волинскую летопись) под 1208 г.: **наидоша Данила во Угорьской землѣ. дѣтська соуца. и просиша оу короля Угорьского. дай намъ отчича Галичу Данила** (ПСРЛ II 1962, 724; ср. Срезневский 1893–1903, II, 832).

Была высказана точка зрения, что *отчичь* тоже заимствовано из польского (Генсёрский 1961, 191). Однако ввиду слабой засвидетельствованности др.-польск. *oścysz* (ССтп 1953–2002, V, 547; 1443 г., все четыре примера взяты из львовских актов, в которых данное слово — в написании *oścyszcz, oścyszczowuе* — глоссирует лат. *heres*) нельзя исключить возможность обратного направления заимствования. Это предположение подтверждается тем, что слово *отчичь*, наряду с западнорусскими памятниками, довольно рано засвидетельствовано также в Новгородской 1-й летописи: *отчиць* (под 1400 г., по списку XV в., Срезневский 1893–1903, II, 832), и в московско-тверской договорной грамоте 1375 г.: *вотчичь* (по списку XV в., ДДГ 1950, 26; Срезневский 1893–1903, I, 308; СРЯ 1975–2008, 3, 76), и, таким образом, можно полагать, что слово *отчичь* < *отьчичь* является общевосточнославянским дериватом от *отьць*. Если это предположение верно, то появление сочетания *отчичь* и *дѣдичь* в западнорусском можно объяснить как результат глоссирующей синонимии, т.е. толкования заимствованного из польского слова *дѣдичь* «наследник» собственно восточнославянским синонимом *отчичь*; сравним, например, с употреблением этих слов в переводе Статута Казимира III:

Пригожаецца частокро(т) што отчичи а либо дѣдичи ѳзда(т) по чюжеи земли по слоужьбамъ а заставляють намесники во очине своеи а либо оу дѣдинѣ (ССУМ 1977–1978, I, 336); возможно, что такое синонимическое употребление двух слов привело со временем к переосмыслению данного сочетания, в результате которого выражение *отчиць* и *дѣдичь* получило оттенок градации; не исключено, впрочем, и то, что сочетание *отчиць* и *дѣдичь* возникло по аналогии сочетаний *отчина* и *дѣдина* (ССУМ 1977–1978, II, 112), *отчизна* и *дѣдина* (ССУМ 1977–1978, II, 106) «наследственное имение», восходящих, по-видимому, к фразеологизму *отцы* и *дѣды* «предки» (ср. ССУМ 1977–1978, I, 337). Во всяком случае сочетание *отчиць* и *дѣдичь* «наследник, наследственный владетель» хорошо засвидетельствовано в западнорусских памятниках 1-й пол. XV в., между тем как мы не находим его ни в древнепольских, ни в великорусских памятниках этого времени. Наряду с грамотами оно засвидетельствовано в западнорусских летописях, например, в рассказе о покорении Подольской земли Витовтом: «А то си три браты, татарскыя князи, *отчичи* и *дѣдичи* подолской земли» (ПСРЛ XXXV 1980, 66; см. также ПСРЛ XXXV 1980, 238, 160). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: «A czi trzey bracia tatarskie, *oyczyczi* bili i *dziedzice* ziemie Podolskiey» (ПСРЛ XXXV 1980, 186), из чего следует, что слово *отчиць* западнорусского оригинала было заимствовано польским переводчиком в восточнославянской форме, с конечным -č. Возможно, впрочем, что во львовских примерах старопольского словаря (см. ранее) написания типа *oczczucz* следует читать не *oćczuz*, а *oćczucz*. Существование варианта с конечным -č (*ojczucz*) в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (Линде 1854–1856, III, 525).

Таким образом, несмотря на то что *дѣдичь* в западнорусском является полонизмом, фразеологизм *отчиць* и *дѣдичь* «наследник, наследственный владетель» мы должны признать собственно западнорусским (украинско-белорусским) новообразованием, которое проникает в титулатуру московских великих князей около сер. XV в. Как элемент монаршего титула

отчиць и *дѣдичь* восходит, в конечном итоге, к лат. *heres* (Конечный 1925–1926, 211–212); нам кажется, однако, что образцом для его введения в Московской Руси послужила не литовская великокняжеская титулатура (там выступало только одно слово *дѣдичь*), а способ титулования западнорусских православных князей и магнатов (ср. ССУМ 1977–1978, II, 112), с которыми московские митрополиты поддерживали тесные контакты (хотя они могли титуловаться и одним словом *отчиць*, ср. в уставной грамоте киевского князя Александра Владимировича митрополиту Исидору 1441 г.: **Сѣ іаѣзь, кн(іа)зь Ялександръ Володимирович, гѣдрѣ ѡ т ч и ч ѣ киевскыи**, Шапов 1976, 180).

На великорусской почве элемент титула *отчиць* и *дѣдичь* не получил широкого распространения; это объясняется, по-видимому, тем, что это выражение включалось только в полный титул русских государей, употреблявшийся лишь при особенно торжественных обстоятельствах и преимущественно в дипломатических сношениях с Западом (ср. свидетельство Котошихина о том, что «црѣ московскоі пишется в хрстіанские гсдрства полными большими титлами», включая и элементы *отчиць* и *дѣдичь*; и *наслѣдникъ*, «а в бѣсѣрманские гсдрства тѣми титлами не пишется», см. Пеннингтон 1980, 52–53). В западнорусском языке слова *отчиць*, *дѣдичь*, а также сочетание *отчиць* и *дѣдичь* приобрели со временем значение «землевладелец» («наследственный землевладелец» < «наследник», ср. польск. *dziedzic* «землевладелец»). По свидетельству В.И. Даля, «вотчинники писались: отчиць и дѣдичь» также в России (Даль 1880–1882, I, 509); этот способ титулования землеладельцев по наследству мог распространиться в России независимо от царского титула в XVII в., когда были присоединены к России значительные западнорусские области. Именно такое употребление слов *отчиць* или *дѣдичь* отмечается в московском переводе-редакции Литовского статута (XVII в., см. Кохман 1967, 105), «чтобы вашъ богомолецъ общій попеченіе имѣлъ между васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ 1836, 36; ср. Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 492–493).

ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА
В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ
ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ
30–60-х гг. XV в.

Поскольку, как мы увидели, западнорусские элементы *господарь*, *отчичь* и *дѣдичь* проникли в титул московских великих князей под несомненным воздействием деятелей русской церкви, необходимо рассмотреть вопрос о западнорусском влиянии на язык московской церковной дипломатии около сер. XV в. Рассмотрим два круга источников, которые с этой точки зрения специально еще не исследовались: 1. Произведения о Флорентийском соборе 1438–1439 гг.; 2. Дипломатические грамоты митрополита Ионы 1448–1461 гг.

«Хождение на Флорентийский собор»
неизвестного суздальца

Хронологически первым памятником, обильно отражающим западнорусскую по происхождению лексику в оригинальном произведении, связанном с великорусской церковной канцелярией, является «Хождение на Флорентийский собор» неизвестного суздальца, участвовавшего в русском церковном посольстве на Ферраро-Флорентийский собор 1437–1440 гг.

Произведение это замечательно прежде всего тем, что его автор уделяет большое внимание достопримечательностям увиденных в пути за рубежом стран и городов, не касаясь обсуждав-

шихся на соборе вопросов. «Хождение» имеет дневниковый характер, оно отражает непосредственные впечатления русского путешественника. Произведение это дошло до нас в списках XVI в. и более позднего времени (об истории текстов памятника и его историко-культурном значении см. Казакова 1980, 8–52); мы пользовались первоначальной редакцией «Хождения», опубликованной Н.А. Казаковой (Хождение 1970).

—

78

—

Всякое описание чужих стран предполагает употребление некоторого количества экзотизмов. В данном случае примечательно, что неизвестный суздалец, по всей вероятности епископский дьяк, в качестве экзотизмов использует главным образом западнорусскую лексику для описания реалий, с которыми он познакомился в Германии и Италии. Рассмотрим эту лексику в порядке последовательности рассказываемых событий.

Покинув Псков, русское посольство прибыло в область юрьевского епископа: «Первый град немецкий Коспир *бискупна* Юрьевенного» (Хождение 1970, 63). Название католического епископа *бискуп*, несомненно, западнорусского происхождения, а не заимствовано прямо из др.-в.-нем. *bischof*, как полагал М. Фасмер (Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 168), так как оно хорошо засвидетельствовано в западнорусских документах с самого нач. XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 96; Булыко 1972, 43; ср. также Соболевский 1910, 196); заимствованная из западнорусского форма *бискуп* исторически заменяет более раннюю др.-русск. форму *пискуп*, засвидетельствованную в смоленско-рижском договоре 1240 г. (Смоленские грамоты 1963, 24), в Новгородской 1-й летописи под 1240 г. (НЛ I 1971, 77), а также в Галицко-Волынской летописи (ПСРЛ II 1962, 814 и др.; где — ввиду отсутствия варианта с начальным *p-* в древнепольском — неверно объясняется как полонизм, ср. Генсёрский 1958, 71), заимствованную из др.-н.-нем. (Лиминг 1976, 43; Томас 1976, 61, прим. 38). Зап.-русск. *бискуп* восходит через посредство польск. *biskup*, чешск. *biskup*, др.-в.-нем. *bischof*, которое через лат. *episcopus* заимствовано из того же греч. *ἐπίσκοπος*, к которому восходит и др.-русск. (через цсл.) *епископъ*.

К этому памятнику относятся самые ранние фиксации в великорусском тексте существительного *право*: «И ту его [Исидора] сретил бискуп юрьевский с великою честью, по своему *праву* немецкому», «и монастырь бе женский, по их *праву* един, велми чуден» (Хождение 1970, 63). Уже Н.С. Трубецкой полагал, что русск. *право* было заимствовано из польского, в котором *prawo* калькирует нем. *Recht* (Трубецкой 1927, 79–80; ср. Виноградов 1982, 40). Детальное изучение истории слова *право* в восточнославянских языках (Брицын 1965, 90–95; Кохман 1977, 73–81) позволяет отвергнуть мысль о праславянской древности этого существительного (ср. Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 352; КЭС 1979, 360); на восточнославянской почве *право* появляется в кон. XIV в., но в этот период отмечается только в западнорусских памятниках (Срезневский 1893–1903, II, 1348; ССУМ 1977–1978, II, 220–221) и посредством западнорусского языка попадает в документы внешних сношений Московского государства, в которых отмечается с 1495 г., и до кон. XVII в. употребляется только в контекстах, относящихся к зарубежным странам; русским литературным языком термин *право* усваивается лишь в нач. XVIII в. (Кохман 1977, 76–77). В западнорусском языке XV в. *право* употреблялось в основных значениях «право» и «закон», как и в древнепольском (ср. ССтп 1953–2002, VII, 33–44); автор «Хождения» употребляет его в соответствии с др.-русск. (цсл.) *законь* «совокупность правил поведения, предписываемых той или иной религией» (ср. СРЯ 1975–2008, 5, 217). Таким образом, включению слова *право* в словарный состав русского литературного языка в нач. XVIII в. предшествовало довольно длительное (XV–XVII вв.) употребление его в качестве экзотизма для обозначения чужого «закона» или «права»; история слова в великорусских памятниках XV–XVII вв. свидетельствует о том, что оно было заимствовано не прямо из польского, а из западнорусского.

Представителей немецкой знати в Риге неизвестный суздалец называет *панами*: «и сretoша его [Исидора] *паны* велиции» (Хождение 1970, 63). Слово *пань* в западнорусском засвидетельствовано уже в XIV в. (ССУМ 1977–1978 II, 125–126; Срезневский 1893–1903, II, 875); заимствовано из польск. *pan* (Фасмер 1953–

1958, II, 308), которое, в свою очередь, является богемизмом (Басай 1966, 60). В великорусских источниках это слово отмечается с нач. XV в., в первую очередь в контекстах, относящихся к Литве и Польше; ср. приведенное ранее известие Воскресенской летописи о приезде в Москву Василия Дмитриевича; ср. также известия Псковской 2-й летописи о литовских событиях 1400 г.: «одолѣша Татарова и побиша множество литовских князеи и пановъ» (Псковские летописи 1941, II, 31); 1435 г.: «и побѣдиша множество князеи и пановъ Свитригаиловыхъ» (Псковские летописи 1941, II, 45). Из документов дипломатических сношений кон. XV в. видно, что зап.-русс. *панъ* соответствовало великорусскому *бояринъ* (ср., напр., в московском посольстве 1488 г.: «чтобы отъ насъ *бояринъ*, а отъ тебя бы *панъ*, съѣхався, обиднымъ дѣломъ управу учинили на обѣ стороны» (СРМО 1882, № 2, 7), ср. соответствие «паны, сиречь бояре» в московском переводе-редакции Литовского статута (Лаппо 1916, 6)).

В московских дипломатических памятниках XV в. *панъ* может относиться уже не только к польско-литовской знати, но и к представителям привилегированного класса других европейских народов, ср., например, «бискупы и панове Угорские», «Хорватские земли панове» (1492 г., ПДС 1851, 94).

Как католический епископ, в отличие от православного епископа, назван *бискупом*, так и католический архиепископ назван западнорусским словом *арцибискуп*: «егда быша близ града, сретоша его [Исидора] *арцибискуп* Тимофеи и архимандрит Захариа»; «и ел господин [Исидор] у *арцибискупа*; и владыка Аврамии и Фома, посол тверский, седоша за единым столом с митрополитом и *арцибискупом*» (Хождение 1970, 63). Зап.-русс. *арцибискупъ* «католический епископ» (ССУМ 1977–1978, I, 80, с. 1415 г.; ср., однако, уже в Киевском летописном своде под 1152 г., ПСРЛ II 1962, 450, ср. Срезневский 1893–1903, I, 31) заимствовано из польск. *arcybiskup*, которое восходит к чешскому *arcybiskup*; фонетический облик префикса *arcy-* объясняется как результат контаминации лат. (из греч.) *archi-* и нем. *erz-* (ср. лат. *archiepiscopus*, нем. *Erzbischof*; Басай 1966, 30); судя, однако, по передаче греческих имен в средневековых южнославянских переводах с латинского (*Ацѣлишь*, *Анцилешь* < *Achilles*), свидетельствующей

о том, что в центральноевропейском среднелатинском произношении сочетание *chi* читалось как *ci* (см. Хадрович 1955, 64–65), предположение о немецком воздействии на чешскую форму префикса *arcy-* нам представляется излишним.

Расстояние между городами в Германии и Италии, а также — на обратном пути — в Венгрии, Польше и Литовской Руси автор дает в *милях*, между тем как в великорусских областях — в *верстах*: «А от Мелна града 4 *мили* до реки Елєвы» (Хождение 1970, 65 и др.). В Западной Руси мера расстояния *миля* была известна уже в XIV в. (ССУМ 1977–1978, I, 594); в великорусские памятники это слово проникает в качестве экзотизма в 1-й пол. XV в. прежде всего в связи с жанром хождений (например, уже в Хождении Зосимы 1422 г. (СРЯ 1975–2008, 6, 157); встречается у Афанасия Никитина (Афанасий Никитин 1980, 49), а также в некоторых летописных известиях, относящихся к Западной Руси (СРЯ 1975–2008, 6, 157)). Зап.-русск. *миля* восходит через польск. *mila*, ср.-в.-нем. *mila* к лат. *milia (passuum)* «тысяча шагов» (Фасмер, Трубочев 1964–1973, II, 622; ср. Гардинер 1965, 155; Лиминг 1976, 79).

К этому памятнику относятся первые известные в литературе случаи употребления глагола *муровати* «выложить камнем» и производных: «и еще суть реки великы приведены по всему граду тому, береги их и дна *морованы* камением»; «и под весь град той улица *морованы* и полаты» (Хождение 1970, 65), «столпы в нем *морованы*, имуща мрамор всяк цветом» (Хождение 1970, 69), «и знаменахомся у гроба святого, самого не видехом, *замурован* бе лежит» (Хождение 1970, 70; ср. СРЯ 1975–2008, 9, 310). В западнорусских памятниках *муровати* засвидетельствовано несколько раньше, см. в Никифоровской летописи (сп. XV в.) под 1430 г.: «и взя [Сигисмунд] град Крев *мурованныи* и сожже» (ПСРЛ XXXV 1980, 34); зап.-русск. *муровати* заимствовано из польск. *tięować*, которое образовано от *tię* «стена» (< ср.-в.-нем. *tūr* < лат. *turus*) по образцу ср.-в.-нем. *mūren*, ср.-лат. *murare* (Фасмер, Трубочев 1964–1973, III, 13; Лиминг 1976, 81).

Обращает на себя внимание название Альп — *Полониные горы*: «А от того града до *Полониных гор* 10 миль. А от *Полониных гор* до князя, зовомаго Дукуы, 15 миль <...>. А от того града к *Поло-*

82
—
—
ниным горам до града Фреанды 24 мили <...>, и всех Полонинных гор 60 миль» (Хождение 1970, 66). Такое название Альп объясняется, по-видимому, украинским словом *полонина* «горное пастбище», засвидетельствованным с кон. XIV в. (ССУМ 1977–1978, II, 184); слово *полонина* праславянского происхождения (ср. болг. *планина* «гора», с.-х. *планина* «гора, покрытая лесом»); но из восточнославянских языков оно сохранилось только в украинском языке в карпатском ареале (Иллич-Свитыч 1960, 222–223; Закревская 1983, 151–152). Из украинского слово проникло также в прикарпатские польские говоры в полногласной форме *połoniņa*; полонизированным украинизмом считается также форма *plonina* «неурожайная земля», засвидетельствованная уже в XV в. (ССТп 1953–2002, VI, 170; ср. Брюкнер 1970, 422). В этом последнем значении засвидетельствовано слово *полонина* в переведенной с польского книге Назиратель (XVI в.): «земля которая бывает сухая <...> таковую нарицають пустынею или *полониною*» (Назиратель 1973, л. 112, 331 — КДРС), «иные ж мѣста <...> вѣчне бывают неплодоносные, се же *полонинами* дичью или соленым мѣстом нарицають» (Назиратель 1973, л. 159, 425); слово *полонина* в русском переводе в обоих случаях передает польск. *plonina*, ср. в польском издании 1549 г.: «takową zową pustinią abo *ploniną*», «a the *ploninami* abo *sloniawami zową*» (Кресценций 1549, 93, 136); это обстоятельство подтверждает вывод издателей текста о том, что великорусский перевод этого памятника был осуществлен или при посредстве несохранившегося западнорусского перевода, или же переводчиком западнорусского происхождения (Назиратель 1973, Введение, 66–69).

Несомненно, что автор «Хождения» называет Альпы *Полонинными горами* по аналогии с Карпатами; наличие этого собственно украинского слова в тексте неизвестного суздальца убедительно свидетельствует о том, что в качестве экзотизмов для обозначения западных (западноевропейских) релей, неизвестных в Московской Руси, он использует именно западнорусскую, а не польскую лексику.

В связи с этим словом необходимо указать, что В.В. Ильенко неверно относит к западнорусизмам форму *планина*, выступающую в Московском летописном своде кон. XV в. под 1247 г.

(Ильенко 1958, 12); слово встречается здесь в тексте «Повести об убиении Батыя»: «безбожному же оному Батыю ко Угорьским планинам бежашу» (ПСРЛ XXV 1949, 141; ср. также — по другому списку — Срезневский 1893–1903, II, 953). Правда, слово *планина* и здесь относится к Карпатам (ср. название Карпатских гор в «Повести временных лет»: *горы Угорьския*; в горѣ Оугорьстѣи — ПСРЛ I 1962, 25; 139), но в повести, сочиненной сербом (см. Перени 1955, 231–234; ср. Радоичич 1957, 245–246), это скорее сербизм, а не церковнославянизированный украинизм. Как явный болгаризм употреблялась форма *планина* «гора» в молдавских грамотах XIV–XV вв. (ССУМ 1977–1978, II, 150).

Католических священников автор называет *капланами*: «На соборе же седе римьскыи папа Еугении, а с ним 12 гардиналов, и арцибискупы, и бискупы, и *капланы*, и мнихы» (Хождение 1970, 66.). Слово *капланъ* «католический священник», отмечаемое в великорусских памятниках впервые в известиях о Флорентийском соборе, засвидетельствовано в западнорусских памятниках с 1-й пол. XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 470; Булыко 1972, 138; Соболевский 1910, 197), где оно заимствовано из польск. *kapłan*, которое восходит через чешск. *kaplan*, ср.-в.-нем. *kaplan*, *kapel(l)an* к ср.-лат. *capellanus* (Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 186; Лиминг 1976; 64). В великорусских памятниках XV в. католический *капланъ* противопоставляется православному *попу*, ср. в Новгородской 1-й летописи под 1414 г.: «[Митрополит Исидор] повелѣ в лячкыхъ божицахъ рускымъ *попомъ* свою службу служити, а в рускыхъ церквахъ *капланомъ*» (СРЯ 1975–2008, 7, 65; Срезневский 1893–1903, I, 1194; ср. также Соболевский 1910, 196).

Возможно, что к западнорусизмам относится и слово *гардинал* «кардинал», хотя оно (в форме *кардинал*) в западнорусских источниках отмечается только с кон. XV в. (Булыко 1972, 141); в великорусских памятниках о Флорентийском соборе слово выступает обычно с начальным *г-*, поэтому нельзя исключить возможности прямого изустного заимствования из итальянского (ср. Лиминг 1976, 65). Что же касается предположения Г. Лиминга о том, что слово *мних* в русском языке XVI–XVII вв. является повторным заимствованием из польского

mnich (Лиминг 1976, 80; ср. Булыко 1972, 205), то необходимо отметить, что в отличие от некоторых других моравизмов, как *панежь*, *мыша* (о них см. далее), которые попали в древнерусские памятники XI–XII вв. вместе с текстами моравского происхождения, но не получили распространения в церковнославянском языке русской редакции, слово *мнихъ* с многочисленными производными употреблялось без перерыва на протяжении XI–XVII вв. (ср. СРЯ 1975–2008, 9, 192) и не получило особого значения «католический монах». Поэтому следует принять, что как др.-русск. *мнихъ*, так и польск. *mnich* восходят разными путями к одному и тому же моравскому источнику (**mъnichъ* < др.-в.-нем. *munih* < ср.-лат. *tonicus* < греч. *μοναχός*, ср. Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 633); в древнерусский язык слово попало посредством старославянского (*мъннихъ* — Садник, Айцетмюллер 1955, 59; ср. также Львов 1968, 329–330), а в польский — из чешского (Басай 1966, 51–52).

К западнорусизмам относятся названия монет *золотой* и *гроши*, хотя они употреблены автором по отношению к итальянским реалиям: «И в том же граде [в Ферраре. — А.З.] ясти купихом: яловица 20 *золотых*, боров пять *золотых*, а *золотой* по 30 *грошей*; а баран два *золотых*; куря 3 *гроши*, хлеба 9 проску на *гроши*, сыр по золотому (Хождение 1970, 67).

Субстантивированное прилагательное *золотой*, которое отмечается впервые в данном тексте (СРЯ 1975–2008, 6, 59), как название монеты едва ли калькирует непосредственно нем. *Gulden* (ср. ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 6, 106), а заимствовано скорее из зап.-русск. *золотыи*, которое в данном значении засвидетельствовано в староукраинских грамотах XV в. (с 1421 г., ССУМ 1977–1978, I, 406) вместе с вариантами *златыи* (в молдавских грамотах, ССУМ 1977–1978, I, 399) и *злотыи* (ССУМ 1977–1978, I, 401). Принимая во внимание путь распространения золотой монеты определенного веса (ок. 3,5 гр.) из Флоренции (флорин, итал. *fiorino d'oro*, ср.-лат. *florinus aureus*, с 1252 г.) и Венеции (дукат, итал. *ducato d'oro*, ср.-лат. *ducatus aureus*) через Венгрию (по флорентийскому образцу, ср. венг. *forint*, ср.-лат. *florenus hungaricus/hungaricalis*, *aureus hungaricus/hungaricalis*, с 1325 г.) в Польшу (*złoty*, *złoty czerwony*, см. ССТп 1953–2002,

I, 372; *złoty czerwony* как перевод ср.-лат. *aureus ungaricalis* см. СП 1966–2011, IV, 146; ср. Глогер 1978, II, 61–62, IV, 505–506), можно предполагать, что зап.-русс. *золотыи/златыи/злотыи* восходит к польск. *złoty*, калькирующему ср.-лат. *aureus*, может быть, и независимо от нем. *Gulden*. Название золотой монеты с такой же стоимостью *дукатъ* засвидетельствовано в одной из молдавских грамот 1421 г.: «ше(с)тсо(т) золоты(х) *дукато(в)* а либо че(р)лены(х) золоты(х) оугорскы(х)» (ССУМ 1977–1978, I, 330), но это название до кон. XV в. не получило широкого распространения ни в западнорусском, ни в польском (в ССтп 1953–2002 не отмечается); в великорусском слово *дукат* появляется впервые в «Повести о Дракуле» кон. XV в., где оно в ходе повествования заменяется словом *златой* (см. Повесть 1964, 119), церковнославянизированной формой названия *золотой*. Поскольку установлено, что русская «Повесть о Дракуле» не является переводом немецких произведений на ту же тему (Штридтер 1961), можно уверенно отвергнуть мысль о немецком посредничестве при заимствовании русским языком этого слова в данном памятнике (Фасмер, Трубочев 1964–1973, I, 550; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 5, 206–207; Лиминг 1976, 51) и считать его в повести, записанной московскими послами в Венгрии, заимствованием из венгерского *dukát* (засвидетельствовано с 1429 г., ЭСВенг 1967–1987, I, 685) или же — что более вероятно — из сербского *дукат* (засвидетельствовано с XIV в., РХС 1880–1976, II, 881), так как языком-посредником в дипломатических сношениях венгерского короля Матвея Корвина с Иваном III был сербский (Холлош 1979), и московские дипломаты во главе с Федором Курицыным, пребывавшие в Венгрии в 1482–1484 гг., имели контакты, скорее всего, с сербским отделением венгерской королевской канцелярии (не исключено, впрочем, что русская «Повесть о Дракуле» была вообще переведена с сербского, так как вся экзотическая лексика в самых ранних списках памятника объясняется лучше всего на основе сербской лексики XV в., см. Золтан 1985). Для автора «Хождения» самым обычным названием этой золотой монеты, принятой к XV в. в качестве основной денежной единицы в большинстве европейских государств, было именно ее западнорусское название

— *золотой*, от которого он не отказывался даже в Италии, где он мог слышать только *ducato* или *fiorino*.

86 — Название серебряной монеты *grosh* стало известным в великорусских областях также через посредство Западной Руси: «новгородци начаша торговати промежи себе <...> *groshi литовськими*» (НЛ I под 1410 г.; Срезневский 1893–1903, I, 598; Лиминг 1976, 59), поэтому это слово в русском языке неточно считается, на наш взгляд, непосредственным заимствованием из польского *grosz* в ряде исследований и этимологических словарей (ср. ЭСРЯ 1963–2007, I, 4, 179–180 и цитированную там литературу). В западнорусских памятниках слово *groshъ* как название серебряной монеты известно уже в сер. XIV в., а к началу XV в. в форме мн. ч. *groshi* приобретает значение «деньги вообще». Зап.-русск. *groshъ* восходит через посредство польск. *grosz* к чешск. *groš* из ср.-лат. *grossi* от формы мн. ч. прилагательного *grossus* «широкий», так как эта монета была введена в Чехии в 1300 г. как крупная серебряная монета (*denarius grossus* «широкий денарий»); в Польше она распространилась сразу же в связи с чешско-польской персональной унией при короле Вацлаве в 1300–1305 гг. (Глогер 1978, II, 213–215).

К западнорусизмам следует отнести и слово *граница*: «и той Люблевь останочный есть городок угореский, стоит на лядской *граници*» (Хождение 1970, 71). Как убедительно показал С. Кохман, несмотря на господствующее в этимологической литературе мнение (Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 452; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 4, 160; ЭССЯ 1974–1984, вып. 7, 106–107; ЕСУМ 1982, 584 и др.), слово *граница* «рубеж, предел», имеющее в настоящее время общеславянское распространение, не является праславянским дериватом от **grana/*granь*, а возникло на западнославянской почве, откуда постепенно проникало в восточнославянские языки (в западнорусском засвидетельствовано с XIV в., ср. ССУМ 1977–1978, I, 260–261; Срезневский 1893–1903, I, 594–595; в великорусском — спорадически с XV в., причем сперва только в псковских грамотах, а с кон. XV в. в памятниках дипломатических сношений с Польско-Литовским государством), и в южнославянские литературные языки было заимствовано лишь в XIX в. из русского языка (Кохман 1975,

62–68). Таким образом, фиксация слова *граница* в «Хождении» относится к самым ранним известным случаям употребления этого слова в великорусском тексте. Хронологически предшествует этой фиксации лишь летописное известие 1412 г. «О размете королю Ягаилу и Витовту съ Новымъ городомъ», в котором передается содержание «разметной грамоты» Ягайло и Витовта новгородцам: «а съ Нѣмцы есмя мирь вѣчныи взяли, и съ Угры, и съ всѣми нашими *граничными* мирны есмя» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 86; ПСРЛ XVIII 1913, 161; ПСРЛ XXV 1949, 241; в Новгородской I летописи читается *граничники*, см. СРЯ 1975–2008, 4, 123); *граничными* или *граничник* восходит здесь явно к западнорусскому тексту грамоты Ягайло и Витовта, т.е. в великорусском тексте указанных летописей употребление этих дериватов от *граница* следует считать цитатой из западнорусского текста.

—

87

—

Обращает на себя внимание, что автор «Хождения» обозначает словом *граница* только польскую границу; для обозначения границы между великорусскими областями он пользуется обычным в великорусских памятниках этого времени словом *рубеж*: «А из Новагорода [Исидор] поиде ко Пскову. И псковичи сретоша его на *рубжи* и почтиша его велми» (Хождение 1970, 63).

Как видим, для передачи иностранного колорита, для обозначения иностранных и иноверных реалий автор «Хождения» в качестве экзотизмов использует в основном западнорусскую лексику (*бискуп, абцибискуп, пан, право, Полониные горы, миля, граница, муровати, золотой, грои*), т.е. он видит (и заставляет видеть своих читателей) Западную Европу как будто через призму соответствующих реалий Западной Руси.

Использование западнорусской лексики по отношению к западноевропейским десигнатам свидетельствует о том, что западнорусский язык уже в 1-й пол. XV в. выступал в роли языка-посредника в дипломатических сношениях Московской Руси с Западной Европой. Что касается конкретных причин этого посредничества и форм его проявления при общении членов русского церковного посольства с немецким и итальянским населением, то мы можем высказать лишь несколько предположений.

Русскому посольству, несомненно, были нужны переводчики, знающие греческий, латинский и немецкий языки. Если переводчиков с греческого языка без труда можно было найти среди северо-восточного духовенства, в том числе и в окружении самого митрополита Исидора, который, по-видимому, не успел еще усвоить церковнославянский язык, поскольку на корабле по морскому пути он «нача молебен святеи богородицы Одигитрие по греческыи с своими грекы; а владыка Аврамии по своему, по русскыи» (Хождение 1970, 64), то переводчики с латинского и немецкого языков могли вербоваться легче всего из православных Западной Руси, которые, с одной стороны, могли усвоить эти языки в условиях таких многонациональных городов, как например, Львов, где наряду с украинцами и поляками жили и немецкие колонисты и где в 1443 г. в качестве административного языка был введен латинский, а с другой — в родном языке которых уже имелась выработанная терминология как для обозначения католических понятий, так и для бытовых реалий, соотносимых с теми, которые члены посольства увидели в посещенных западноевропейских странах. Можно предположить, что или сам автор был таким переводчиком, связанным своим происхождением с Западной Русью (точнее, опираясь на название Альп по аналогии с Карпатами, можно думать, что с Юго-Западной Русью, с Галицией), или же его информация восходит к такому переводчику в составе русского посольства. Судя по тому что автор «Хождения» проявляет заметный интерес к иностранным языкам, улавливает разницу между средненижнемецким и средневерхнемецким языками и сравнивает это различие с различием между русским и сербским языками («Аламанская земля, то есть не иная вера, ни ины язык, но есть едина вера латиньская, а язык немецкий же, но разно, яко и Русь сербы, тако и оне с немци», Хождение 1970, 65; ср. Казакова 1980, 31–32), можно думать, что неизвестный сузалец был человеком, который обращался с местным немецким населением непосредственно.

Число экзотизмов из других языков — не западнорусского происхождения — совсем невелико. К ним относятся следующие слова: *ратман* «член магистрата (в прибалтийских немец-

ких городах) < ср.-н.-нем. *ratman*, хорошо известное в новгородских и других северо-западных памятниках с XIII в. (Томас 1976, 57, 61); слово употребляется в «Хождении» согласно сложившейся традиции по отношению к ратманам Риги и Любека; *дука* «князь (в Италии)» < итал. *duca*; слово вводится в текст в качестве явного экзотизма («до князя, зовомаго дуку», Хождение 1970, 66); *барка* «род лодки» — «Среди его [города Венеции] проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в *барках*» (Хождение 1970, 69). Слово *барка* в восточно-славянских языках считается заимствованием из немецкого (н.-в.-нем. *Barke* или ср.-н.-нем. *barke*, ср. Фасмер, Трубачев 1964–1973, I, 127; Чижевский 1954, 335; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 2, 45; Томас 1971, 174–175; Кипарский 1963–1975, III, 106; ЕСУМ 1982, 314), однако есть основания полагать, что слово было заимствовано прямо из итальянского *barca*. В принципе, конечно, возможно и объяснение Дж. Томаса, согласно которому фиксация слова *барка* в «Хождении» как раз при описании Венеции случайна, поскольку автор мог познакомиться с этим словом и с соответствующей реалией раньше, в Ливонии или в Любеке, где русская делегация провела значительное время (Томас 1971, 175); о возможности фиксации экзотизмов не на той территории, где они на самом деле употребляются, свидетельствует и другое слово в тексте — *новици* (см. далее). Однако фиксация слова *барка* в «Хождении» не является самой ранней, как это принимает Дж. Томас (ср. также СРЯ 1975–2008, I, 74), оно читается также в «Повести о Митяе», включенной в Московский летописный свод под 1377 г.: «Вложыше же Мятяя въ *барку* мертвого и везше в Галату погребоша его» (ПСРЛ XXV 1949, 198), в первоначальной редакции кон. XIV в. в грецизированной форме *варка* и с объяснительной глоссой: «и вложаша Митяя в *варку*, еже есть меньшее судно» (см. Прохоров 1978, 222; ср. СРЯ 1975–2008, 2, 21), следовательно, слово *барка* было известно в русском языке раньше благодаря постоянным контактам с Константинополем, при которых русские церковные делегации неминуемо соприкасались не только с греками, но и с жителями итальянских (венецианских и генуэзских) колоний в Причерноморье и в самом Константи-

90

нополе. Таким образом, на наш взгляд, слово *барка* в русском языке можно считать непосредственным заимствованием из итальянского, причем более ранним, чем время написания «Хождения»; отсутствие какой-нибудь объяснительной глоссы при употреблении в «Хождении» этого слова (как это имеет место в случае *дука*) свидетельствует о том, что автор предполагал его знание у тех, для кого было предназначено данное произведение.

Иначе обстоит дело со словом *новци* «венгерские монеты», которое вводится в текст как явный экзотизм. О Люблеве, о котором говорилось, что он «останочный есть городок угореский, стоит на лядской граници», автор замечает, что «есть в нем дело вугореские пенязи, *новци* зовутся, по 3 на золотой» (Хождение 1970, 71). В языках, знание которых для данного времени можно предположить на венгерско-польской (современной словацко-польской) граници (словацкий, польский, немецкий, венгерский), такое слово в качестве названия монеты неизвестно. Можно лишь предположить, что русская церковная делегация, вступившая на территорию Венгерского королевства в Хорватии (о которой, впрочем, автор делает характерное замечание: «и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская» — Хождение 1970, 70), путешествие через Венгрию совершила в сопровождении хорватов или сербов, которые присоединились к русским путешественникам еще в Хорватии и проводили их вплоть до польской граници, т.е. информация о том, что эти венгерские монеты «новци зовутся», происходит не от местных жителей, а от сопровождавших русскую делегацию сербов или хорватов. Вполне вероятно, что это были люди сербского деспота Георгия Бранковича, который принял русскую делегацию в Загребе, где он пребывал после того, как «запленено бысть ц(а)рьство его серпское от турьского царя Амурата» (Хождение 1970, 70). Фиксация сербскохорватского слова *новац*, *новци* «деньги» в русском памятнике сер. XV в. опережает на целое столетие его фиксацию в сербскохорватских источниках (РХС 1880–1976, VIII, 243–244 — со 2-й пол. XVI в.; правда, П. Скок утверждает, что это слово было известно уже в XV в., однако цитирует только поздние памятники, ср. Скок 1971–

1974, II, 525–526); быть может, это свидетельство неизвестного суздальца позволит уточнить этимологию слова *новац* в сербскохорватском в том смысле, какие именно монеты считались «новыми» для времени появления этого слова, название которых позже превратилось в название «денег вообще».

«Повесть о восьмом соборе»
суздальского иеромонаха Симеона

—
91
—

Западнорусская лексика обильно отражается также в другом произведении, посвященном Флорентийскому собору — в «Повести о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона, написанной на основе личных впечатлений в 1447 г. (Казакова 1980, 64). В отличие от автора «Хождения», Симеон концентрирует свое внимание на описании церковнополитической борьбы между католиками и православными, поэтому западнорусизмы в его тексте относятся в первую очередь к области церковной жизни. Он тоже употребляет слова *бискуп*, *арцибискуп* (Повесть 1878, 200, 206, 208), *право* (только о католиках: «по своему праву», «по ьрязскому праву», Повесть 1878, 206), но вводит и ряд новых западнорусизмов.

Западнорусизмом в русском тексте XV в. следует признать форму *папеш* и производные *папешев*, *папешский*: «святыхъ седми *папешовъ*» (Повесть 1878, 201; ср. «святыхъ первыхъ *папъ* седми» — Повесть 1878, 208; «съ приставы *папешевыми*» — Повесть 1878, 204; «пословъ *папешскихъ*» — Повесть 1878, 205). Правда, форма *папеш* известна церковнославянским текстам русской редакции XI–XII вв., но она встречается чаще всего в текстах моравского происхождения, как например, в Житии Мефодия (Успенский сборник 1971, л. 104а, 190; л. 107г, 196; ср. Срезневский 1893–1903, II, 887; Соболевский 1910, 187; Львов 1965, 201; 1968, 332–333); основной формой слова в древнерусских памятниках была форма *папа* (ср. Срезневский 1893–1903, II, 876–877). Обе формы засвидетельствованы в старославянских памятниках (Садник, Айцетмюллер 1955, 84), однако

моравизм *папежь* (< др.-в.-нем. *bâbes, pâpes* < ср.-лат. *papex* — контаминация лат. *papa* и *pontifex*, см. Фасмер, Трубачев 1964–1973, III, 200–201) в древнерусском был вытеснен грецизмом *папа* (< гр. *πάπας* < лат. *papa*). Поэтому *папежь* в XV в. надо рассматривать как повторное заимствование из того же моравско-го источника, но другим путем: зап.-русс. *папеж* (ССУМ 1977–1978, II, 126) < польск. *papież* < чешск. *papež* (ср. Гардинер 1965, 163; Басай 1966, 60; Булыко 1972, 235–236; Лиминг 1976, 86).

К подобным повторным заимствованиям относится и слово *миша* «католическая обедня», также известное в церковнославянских текстах моравского происхождения (хотя оно было малопонятным, поскольку часто глоссировалось словом *служба*, ср. «съ ѿтоу мъшею рекъше съ слоужьбою» — Успенский сборник 1971, л. 106б, 194; ср. также Успенский сборник 1971, л. 107а, 195 и л. 107в, 196), в которых оно восходит через старославянское посредство (Садник, Айцетмюллер 1955, 56) к моравской христианской терминологии до Кирилло-Мефодиевской миссии (< др.-в.-нем. *missa* < лат. *missa*, ср. Соболевский 1910, 187; Лиминг 1976, 81). В «Повести» Симеона — «нача [папа] потомъ мишу мишити» (Повесть 1878, 206) — мы имеем дело, несомненно, с повторным заимствованием из западно-русского (ср., напр., в зап.-русс. переводе чина католической обедни XV в., Соболевский 1910, 199), где оно восходит к тому же источнику через польск. *msza*, чешск. *tše* (ср. Лиминг 1976, 81; Басай 1966, 52–53); глагол *мишити* в сочетании *мишу мишити* является, по-видимому, индивидуальным новообразованием Симеона по образцу *службу служити*, так как аналогичного глагола в древнепольском нет (засвидетельствовано только *mszą czyść/śpiewać* «читать, петь обедню», ССтп 1953–2002, IV, 361). В более поздних переработках «Повести» *мишити* заменено глаголом *служити*: «папе же тогда мишу свою слоуживишу» (Попов 1875, 371; ср. также ПСРЛ XXV 1949, 257).

К западнорусизмам относится и слово *приклякати/приклякнути* «встать на колени»: «митрополиты вси <...> *приклякнуша* къ папѣ по ѳрязскому праву»; «а самъ [Исидор] по божницамъ ходя *приклякаетъ*, какъ и прочіи ѳрязове» (Повесть 1878, 206, ср. также 207); в «Повести» этим словом обознача-

ется именно католический обычай, явно ненавистный автору. Слово засвидетельствовано в западнорусском переводе чина католической обедни XV в. (покладкнѣ^м, Соболевский 1910, 199), ср. также совр. укр. *приклякати/приклякнути* (УРС 1953–1963, IV, 362), польск. *przykłękać/przykłęknąć* (с XVI в. СП 1966–2011, X, 358), польск. *kłękać* «опускаться на колени» (с XV в., ССтп 1953–2002, III, 287); ср. также польск. *kłęczeć* «стоять на коленях» (откуда позже русск. *клянчить*, см. ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 169). Несомненная связь глагола *приклякати/приклякнути* с католической обрядностью в «Повести», а также отсутствие слова в великорусских памятниках до этого времени (ср. КДРС), однозначно указывают на заимствование из западнорусского, где слово было усвоено из польского (ср. Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 452, прим. 2; Карский 1962, 311). Праславянское **kļękati*, **kļęknōti* «нагибаться, склоняться» (Славский 1952–1982, II, 218) получило в древнепольском специальное значение «стать на колени» именно в церковном употреблении, ср. ранние примеры употребления польских глаголов *kłękać* и *kłęczeć* почти исключительно в таком контексте (ССтп 1953–2002, III, 287; СП 1966–2011, X, 358–359). Можно полагать, что ст.-сл. *клячати* «стоять на коленях», засвидетельствованное только в Супрасльской рукописи (Садник, Айцетмюллер 1955, 45), является моравизмом.

В западнорусской форме употребляется в «Повести» и слово *крыж* «католический крест» (о различиях между православным «крестом» и латинским «крыжом» см. Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 452, прим. 1): «пришедшу митрополиту Исидору <...> на Москву <...>, нося предъ собою *крыжъ* и палицу серебряну: *крыжъ* нося во креста мѣсто, являя Латинскую вѣру <...>. Аще кто не приклянетъ ко *крыжу*, то палицею ударивше, приклякнути велить» (Повесть 1878, 207). В западнорусских памятниках *крыжъ*, *крижъ* засвидетельствовано с XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 513; Соболевский 1910, 201; Булыко 1972, 176–177); слово восходит через посредство польск. *krzyż*, чешск. *kříž* к романскому *stoge* < лат. *crucet* от *cruх* «крест» (Штибер 1974, 136–137; ср. Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 388; Славский 1952–1982, III, 256–258; Лиминг 1976, 73).

В единственном случае автор объясняет значение западнорусского слова: «Потомъ же патриарху Юсиѡу умершу, и положиша его въ томъ градъ Ѡлорентиі въ клаштарѣ, а поруски въ манастырѣ» (Повесть 1878, 205). Зап.-русск. *клашторъ* «католический монастырь» (ССУМ 1977–1978, I, 476), *кляшторъ* (Булыко 1972, 157; Карский 1962, 312) восходит к польскому *klasztor*, которое через немецкое (др.-в.-нем. *klōstar*) или чешское (*klášter*) посредство восходит к ср.-лат. *clostrum* < лат. *claustrum* «замкнутое место» (Славский 1952–1982, II, 190; Басай 1966, 45; Лиминг 1976, 67).

«Слово избрано...»
и летописная редакция «Повести»

Интересно отметить, что в позднейших московских переработках «Повести» Симеона западнорусская лексика не исчезает, а наоборот, вводятся еще новые западнорусизмы. В 1461–1462 гг. «Повесть» включается в произведение «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго» (см. Попов 1875, 344–359; ср. Казакова 1980, 66). Для истории «Повести» важно, что она вошла в летописные своды кон. XV — XVI в. как раз в редакции «Слова» (Казакова 1980, 67), поэтому в летописной «Повести», которая читается, например, в Московском летописном своде кон. XV в. (ПСРЛ XXV 1949, 253–258) и в Софийской II летописи (ПСРЛ VI 1853, 151–169), больше западнорусизмов, чем в первоначальной, авторской редакции «Повести».

К западнорусизмам, которые впервые появляются в «Слове» и сохраняются в летописной «Повести», относятся: *жакъ* «католический дьякон»: «и *жакомъ* и(х) поющи(м) не малю» (Попов 1875, 365; в ПСРЛ XXV 1949, 254 прочтено неправильно: ижаком, ср. также ПСРЛ VI 1853, 153), ср. зап.-русск. *жакъ* (ССУМ 1977–1978, I, 353; Булыко 1972, 112–113; Соболевский 1910, 197, 199) через польск. *zak*, чешск. *žák* из лат. *diacopus* < греч. *διάκονος* (Фасмер, Трубочев 1964–1973, II, 34; Басай 1966, 92; Лиминг 1976, 107); *костель* «католический храм»: «вниде

папа Еоугении в *костель* сирѣчь въ ц(е)рк(о)вь» (Попов 1875, 365; ср. ПСРЛ XXV 1949, 254; ПСРЛ VI 1853, 153), ср. зап.-русск. *костель* (ССУМ 1977–1978, I, 502; Булыко 1972, 173) через польск. *kościół* < чешск. *kostel*, др.-в.-нем. *kastel* из лат. *castellum* «замок, крепость» (Славский 1952–1982, II, 553–554; Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 347; Басай 1966, 46; Лиминг 1976, 72); *коруна* «корона»: «[папа] въскладаше роукавици <...> и на главѣ шапку с *короунами* висока» (Попов 1875, 371; ср. ПСРЛ XXV 1949, 157; ПСРЛ VI 1853, 159), ср. зап.-русск. *коруна* (ср. уже в Галицко-Волынской летописи в связи с коронацией Даниила под 1255 г. «Присла папа послы чѣтны носѣще [...] короуноу еже наречѣтъ королевьскыи санѣ», ПСРЛ II 1962, 826; ср. Срезневский 1893–1903, I, 1292; СРЯ 1975–2008, 7, 340; ср. также ССУМ 1977–1978, I, 500; Булыко 1972, 172) через польск. *korona* (с XV в. также *koruna*, ССтп 1953–2002, III 346–347) из лат. *corona* (Фасмер 1953–1958, II, 334; Славский 1952–1982, II, 492–494; ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 325; Лиминг 1976, 71–72); *клячити/клевчити* «стоять на коленях»: «се ли есть смирение <...>, еже и бискупы оучители и(х) творѣтъ и капланове и(х) *клячатъ*, также и вси *лахове* и весь латыньскыи рш(д) <...> *клячат*(т) до скончѣнїѧ бѣгомьрскаго пѣнїѧ ихъ» (Попов 1875, 374; ср. ПСРЛ XXV 1949, 257), ср. укр. *клячати*, *клячити*, польск. *kłęzczeć* (Славский 1952–1982, II, 215–216); *окрутный* «жестокий»: «в тои же грамотѣ написаще <...> *окрутную* свою тяжкую *клатвоу*» (Попов 1875, 383; в Соф. 2-й летописи непонятное, по-видимому, слово заменено: «*окружную* свою тяжкую *клятву*», ПСРЛ VI 1853, 167), ср. зап.-русск. *окрутныи* (Срезневский 1893–1903, II, 651; ССУМ 1977–1978, II, 80; Булыко 1972, 225; ГЛБМ 1970, 91–92) из польск. *okrutny* < чешск. *ukrutný* (Карский 1962, 313; Кохман 1971–1974, IV, 24–25; Кохман 1975, 103–104); *справедливый*: «вса *праве(д)ливаа* Марко Глаше пре(д) нами» (Попов 1875, 367), ср. «вся *справедливаа*» (ПСРЛ XXV 1949, 255), «вся *справедливая*» (ПСРЛ VI 1853, 154), ср. зап.-русск. *справедливыи* (ССУМ 1977–1978, II, 374) из польск. *sprawiedliwy* < чешск. *spravedlivý* (Мельников 1967, 108; Кохман 1972, 52; Кохман 1975, 127–129; Пальцев 1973, 131; Басай 1966, 74). Фиксация прилагательного *справедливый* в «Слове» свидетельствует о причастности книжников западнорусского про-

исхождения к составлению этого произведения в 1461–1462 гг., так как в великорусских памятниках *справедливый* и производные начинают употребляться лишь со второй пол. XVII в., причем сперва только в переводных памятниках. В XV–XVI вв. *справедливый*, *справедливость* и другие дериваты встречаются только в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, где они характеризуют дипломатические заявления польско-литовской стороны (ср. Кохман 1975, 128), а также в некоторых других документах, написанных на западнорусском языке или переведенных при западнорусском посредстве, но сохранившихся в великорусских списках, как например, в западнорусском переводе латинской грамоты папы Пия II польскому королю Казимиру IV от 3 сентября 1458 г., включенном в состав Софийской II летописи: «подлугъ *справедливого* суду Римской церкви» (ПСРЛ VI 1853, 168; ср. ПСРЛ XX 1910–1914, 1, 255 — КДРС; в латинском оригинале: «*iusto romano ecclesie iudicio*», Прохаска 1923, 69) или в жалованной грамоте киевской княгини Анастасии Троице-Сергиеву монастырю 1458/1459 г., сохранившейся в московском списке нач. XVI в.: «А на лѣпшей *справедливолости* [!] к семъ листъ печать нашъ привѣсили (АСЭИ 1952–1964, I, 200); описка в московском списке (*справедливолости* вм. *справедливости*) свидетельствует о необычности существительного *справедли-вость* в великорусском языке нач. XVI в. Слово *справедливыи* и производные стали общеупотребительными в русском языке только в 1-й пол. XVIII в. (Кохман 1972, 52), между тем как прилагательное *справедливыи*, существительное *справедливість*, наречие *справедливо/справедливѣ* западнорусским деловым языком были усвоены уже к сер. XV в. (см. ССУМ 1977–1978, II, 373–374).

Подытоживая показания великорусских произведений о Флорентийском соборе, можно установить, что уже в 30–40-е гг. XV в. русская церковная дипломатия в общении с Западной Европой обильно использовала западнорусскую лексику для характеристики западноевропейских, католических реалий и понятий вообще; сформировавшаяся в условиях существования в Западной Руси польско-литовской католи-

ческой и восточнославянской православной культур специальной лексика для обозначения соотносимых с православными, «русскими» понятиями и реалиями «латинских», польско-литовских понятий и реалий в трудах великорусских книжников распространилась на всю «латинскую» культуру; западнорусский язык, развивавшийся на границе двух культур, выступал в этот период как активный посредник в культурном общении Московской Руси с Западной Европой. Несомненно, что до установления непосредственных дипломатических сношений Московской Руси с западноевропейскими странами при Иване III главным проводником информации не только о православном Востоке, но также о латинском Западе было русское духовенство, которое в Западной Руси в 1-й пол. XV в. еще относительно мирно сосуществовало с католиками, в том числе и с русскими католиками (ср. Соболевский 1910, 194–195). До окончательного разделения русской церкви на московскую и литовскую митрополии (1458 г.) все православное восточнославянское население подлежало единой церковной юрисдикции (с некоторыми перерывами, да и те были заполнены борьбой за восстановление единства), что обеспечило постоянный культурный обмен между политически разделенными восточнославянскими землями. Языковая близость, воспринимавшаяся в этот период, по-видимому, еще как тождество, обусловила беспрепятственное использование великорусским книжным языком западнорусских лексических элементов в качестве своих собственных экзотизмов для обозначения любых (не только польско-литовских) западноевропейских католических десигнагов. Этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в великорусском книжном языке, а также в деловом языке великокняжеской дипломатии не получили широкого распространения прямые великорусские заимствования для тех же понятий из средне-нижненемецкого (напр., *пискуп*, *провст*, ср. Томас 1976, 57), несмотря на то что на Северо-Западе (Псков, Новгород) контакты великорусского населения с католическим миром начались раньше, чем интенсивное польско-латинское воздействие в Западной и Юго-Западной Руси. Большинство нижненемецких заимствований остались узколокальными словами не только

—
98
—

в том смысле, что они редко выходят за пределы новгородско-псковских памятников, но и в том, что они сохраняются в них для обозначения лишь прибалтийских немецких десигнатов, не превращаясь в экзотизмы общезападноевропейского характера, между тем как большинство западнорусизмов, засвидетельствованных в произведениях о Флорентийском соборе, на протяжении XV–XVII вв. получило широкое распространение в дипломатической переписке Москвы с западноевропейскими странами (не только с Польско-Литовским государством), а часть их со временем перешла в основной словарный фонд русского языка.

Документы канцелярии митрополита Ионы 1448–1461 гг.

Наше предположение о том, что главным проводником западнорусского влияния в Московской Руси в сер. XV в. было духовенство, подтверждается также анализом грамот, вышедших из канцелярии митрополита Ионы. Иона был поставлен в митрополиты собором великорусских епископов по инициативе Василия II в кон. 1448 г.; его поставление на первых порах не было признано законным со стороны литовских властей, так как в Западной Руси законным митрополитом «всёя Руси» считался и в дальнейшем Исидор, изгнанный из Москвы ещё в 1449 г. из-за принятия унии на Флорентийском соборе. Первые два года правления митрополита Ионы были наполнены борьбой за восстановление единства митрополии «всёя Руси», разумеется, под управлением его самого. В этой борьбе, закончившейся к началу 1451 г. подчинением Ионе литовских епархий (под номинальным управлением Исидора оставалась только галицкая епархия), московский митрополит, ставленник московского великого князя, мог рассчитывать на поддержку православных князей и магнатов в Литве, чтобы через них повлиять на литовский сенат («раду») и подготовить благоприятное для себя решение великого князя Казимира IV. Имеются сведения о

том, что Иона активно участвовал и в политическом сближении Москвы и Литвы, в частности в подготовке мирного договора между Василием II и Казимиром IV, заключенного в 1449 г. (ДДГ 1950, 160–162), и при этом его заслуги были высоко оценены также со стороны Казимира IV. Об этом свидетельствует послание Ионы Казимиру около 1450 г., в котором говорится: «Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, Великому князю Василью Васильевичу своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы <...> а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ с нимъ, чтобы вашъ богомолецъ общій попеченіе имѣлъ межю васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ 1836, 36; ср. Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 492–493). Василий II, в свою очередь, поддерживал притязания Ионы на литовские епархии, на что указывается в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «мы Казиміръ <...> гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ Васильемъ Васильевичемъ, и съ нашими князьми и паны, съ нашею Радою, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Іону» (РИБ VI 1908, 563–564). Таким образом, признание Ионы главой православной церкви в Литве можно считать результатом совместных усилий московской церковной и светской дипломатии. Для успешного проведения этой акции митрополиту Ионе нужны были люди, хорошо разбирающиеся во внутривосточных условиях Литвы и в то же время промосковской политической ориентации. Таких людей можно было найти легче всего в окружении православных князей в Литве: укажем в первую очередь на киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича, сына того Владимира Ольгердовича, который не перекрестился в католичество в 1386 г. Александр Владимирович был ревностным покровителем православия в Литве еще и потому, что был женат на Анастасии Васильевне, сестре Василия II. О контактах Ионы с киевским князем свидетельствует грамота митрополита, адресованная этому князю до 31 января 1451 г. (РИБ VI 1908, 555–564); роль Владимира Александровича в подчинении Ионе литовской православной церкви подтверждается подписью князя на цитированной выше грамоте Казимира IV от 31 января 1451 г.

—
100
—

(см. РИБ VI 1908, 566). О том, что семья киевского князя поддерживала личные контакты с московским великокняжеским домом, свидетельствует известие Никаноровской летописи как раз под 1451 г.: «был на Москвѣ князь Семень Олелковичъ оу своєї бабы великие княгини Софии [Витовтовны. — А.3.] и оу великого князя Василия, оу дяди своего» (ПСРЛ XXVII 1962, 116); напомним, что киевского племянника московского великого князя крестил в свое время не кто иной, как митрополит Фотий (в 1420 г.), только что получивший обратно духовную власть над западнорусской церковью, которой в 1415–1419 гг. управлял Григорий Цамблак (см. Попов 1875, 330, прим. 1). Из других влиятельных православных политических деятелей в Литве, содействовавших признанию Ионы, можно назвать князя Свидригайло Ольгердовича, служившего раньше Василию I (см. Воскресенские летописи под 1408 г., ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 82), и канцлера Великого княжества Литовского Михаила Кези-гайловича, подписи которых также фигурируют на указанной настольной грамоте Казимира IV (ср. Галецкий 1915, 92).

По-видимому, этими контактами митрополита Ионы объясняется то обстоятельство, что западнорусизмы в его грамотах встречаются раньше, чем он стал «общим богомольцем» как Василия II, так и Казимира IV. Надо при этом учитывать, что все послания Ионы сохранились в списках 1-й пол. XVI в. и многие западнорусские черты в орфографии, морфологии и синтаксисе могли стираться при переписывании. Несмотря на это, в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу, написанной до официального признания Ионы со стороны Казимира IV, наряду с лексическими западнорусизмами, мы находим западнорусскую конструкцию *писати до кого*: «[Казимир] *писаль до насъ, до своих богомолцовъ, свои листь*» (РИБ VI 1908, 561–562). Это может свидетельствовать о том, что в московской митрополичьей канцелярии выходцы из Литовской Руси работали и до 1451 г. Из лексических особенностей на западнорусского писца указывает употребление слова *лист* не только для обозначения западнорусской грамоты; но и московской. В грамоте Ионы Казимиру IV около 1450 г.: «А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ *листьхъ* написал <...>, братъ вашъ Князь Великій о все-

мъ къ тебѣ на своемъ *листу* написаль»; «А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего *листу* иметь мой дякъ Василей Карло говорить рѣчми» (ААЭ 1836, 36–37), хотя противопоставление московской *грамоты* иностранному (западнорусскому, польскому и вообще западноевропейскому) *листу* в московских дипломатических документах и летописных известиях выдерживается довольно последовательно еще в XVI в. (см. Кохман 1978, 82–84; ср. Золтан 1983, 341). На основании этих немногочисленных, но все же показательных данных можно предположить, что западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.

Как было отмечено выше, в этих ранних грамотах Ионы фиксируются также западнорусские по происхождению слова *господарь* и *господарство*; отметим еще употребление прилагательного *польский*, которое засвидетельствовано только в составе титула Казимира IV как польского короля: «И какъ Богъ положить на сердце великому господарю, благородному славному превысокому, отъ Вседержителя Бога превъзвышенному *польскому* королю и великому князю литовскому Казимиру, самодержцу великихъ двоихъ господарствъ»; вне титула употребляется в том же предложении обычное в древнерусском языке в данном значении прилагательное *лядский*: «какъ отъ своего господарства отъ *лядскихъ* державъ въ своихъ же державахъ какъ будетъ въ литовской земли» (РИБ VI 1908, 561–562). По-видимому, прилагательное *польский* появилось в великорусском языке впервые в составе польского королевского титула. Сравним с летописным известием 1430 г. о съезде монархов у Витовта: «король польский Ягаило Олгердовичъ» (Сокращенный летописный свод 1495 г., ПСРЛ XXVII 1962, 343). В XV–XVI вв. поляков называли в Московской Руси обычно *ляхами*. Само название поляков — *поляк*, как и прилагательное *польский*, стали общеупотребительными в Московской Руси с нач. XVII в. (Черных 1956, 202; ср. Кохман 1967, 77).

102 — После занятия киевской кафедры Иона обращается к Казимиру IV с просьбой о подчинении себе также галицкой православной церкви. В соответствующем послании новых западнорусизмов мало, отметим лишь форму *княжату* (*прускому*) в официальной титулатуре короля (РИБ VI 1908, 566–567; ср. Срезневский 1893–1903, I, 563), восходящую к западнорусскому *княжа* «князь» (ср. в титуле польских королей: *княжа Пруское*, ССУМ 1977–1978, I, 480; эта форма возникла в западнорусском под влиянием польск. *książe* «князь», ср. Дамерау 1963, 72). О необычности этой формы в великорусском свидетельствует неправильное склонение (должно быть *княжати*, дат. п.; позже, в XVI в., в аналогичных случаях в московских грамотах, адресованных польским королям, пишут просто *княже*, см. ПИГ 1951, 213).

В посланной одновременно с этим посланием грамоте литовскому канцлеру Михаилу Кезигаюловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречаются грамматические: *до* + род. п. вм. *к* + дат. п., а также форма 1 л. мн. ч. *есмо* от *быти*, ср. «А нынѣ, сыну, послали *есмо до великого господаря* <...>, и *до васъ, до великихъ пановъ*» (РИБ VI 1908, 568); ср. также в грамоте 1456 г., адресованной полоцкому епископу Симеону: «Листъ твой, сыну, *до насъ* пришелъ» (РИБ VI 1908, 611). Можно полагать, что эта грамота была написана вообще на западнорусском языке.

В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и Литвы Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доволу всяко божественныхъ и священныхъ правил и церковнаго правильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же <...> князи и *панове*, и архимондриты и протопопове, и игумены и *мъстичи* <...>. А также сынове, благославляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ». Документы эти названы, впрочем, *листами*: «Данъ *листъ* сій въ Новѣгородку» (РИБ VI 1908, 572).

Слово *мъстичь* «горожанин», вопреки утверждениям некоторых исследователей (Гринчишин 1962, 73; ср. также Укр. лекс. 1983, 249, 269), не является древнерусским (общевосточносла-

вянским) по своему происхождению. Оно, правда, встречается довольно рано в восточнославянских памятниках, но до XV в. только в западнорусских, как например, в грамоте Кейстута торунским купцам 1341 г. (в форме *мѣстичь*, см. Срезневский 1893–1903, II, 244–245; ССУМ 1977–1978, I, 627); проверка летописных источников, цитируемых в словаре И.И. Срезневского, приводит также к выводу, что слово это в XII–XIV вв. было известным только в Западной Руси. В Ипатьевской летописи слово *мѣстичь* встречается только в составе Галицко-Волынской летописи: «[Мстислав] **созва боиары Володимѣрьскына брѣ своего и мѣстичѣ Роуци и Нѣмцѣ**» (1287 г., ПСРЛ II 1962, 905); «**мѣстичѣ** [вар.: мѣстичи] **же не быахуца по Болеславѣ с горожаны, но рекоша, кто садеть княжити во Краковѣ, то нашъ князь**» (1290 г., ПСРЛ II 1962, 934); в последней цитате «*мѣстичи*» противопоставлены «*горожанам*» в соответствии с польской семантикой производящих основ (ср. польск. *miasto* «город» и *gród* «крепость»). В Летописце Переяславля-Суздальского (сп. XV в.), дошедшем до нас в составе сборника, составленного в Западной Руси (Соболевский 1980, 59), слово *мѣстичь* встречается в составе «Жития Феодосия Печерского»: **Ѣдиноу бо емоу любяще некое мѣстича, имене мѣ Яна** (под 1091 г., Переясл. лет. 50). В древнейших списках «Жития» (Успенский сборник 1971, л. 26а — 67в, 71–135; ПСРЛ I 1962, 183–198) этот эпизод отсутствует; эпизод «О преречении святого» появляется только в Касиановской редакции Киевского патерника (1462 г., сп. кон. XV в.), но там Ян назван *вельможей* (Пат. Печ. 1911, 61). Таким образом, следует принять, что слово *мѣстичь* попало в этот текст позже (не раньше 2-й пол. XV в.) в результате западнорусской переработки «Жития». Зап.-русск. *мѣстичь* заимствовано, по всей вероятности, из др.-польск. *mieścic* «горожанин» (см. ССтп 1953–2002, IV, 243), несмотря на то что древнепольское слово засвидетельствовано позже (1391 г.), чем западнорусское (1341 г., не считая летописных данных), так как дериват *мѣстичь* со всей очевидностью связан не с восточнославянским (и праславянским) значением прасл. **město* («locus»), но со вторичным его значением («civitas»), возникшим в западнославянских языках под немецким влиянием (ср. нем. *Stadt* и *statt*).

Др.-польск. *mieścic* было самостоятельным польским дериватом от *miasto* (может быть, по аналогии с *szlachcic* от *szlachta*, как название определенного слоя населения). Впоследствии в самом польском языке *mieścic* было вытеснено богемизмом *mieszczanin* (отмечается с 1400 г., ССтп 1953–2002, IV, 237–238; ср. Мельников 1967, 104). В великорусских памятниках, кроме указанной грамоты Ионы, которая была адресована православным Литвы, слово *мѣстичь* появляется в летописном известии 1456 г. о прибытии в Москву смоленского епископа Мисаила: «Прииде ись Смоленьска к великому князю на Москву владыка Смоленскы Мисаило со многими *мѣстичи* Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустиль икону пресвятыя богородица, ея же плѣномъ взялъ Юрга» (ПСРЛ XXV 1949, 273; ср. ПСРЛ XVIII 1913, 209; ПСРЛ XXVI 1959, 213). Слово *мѣстичь* позднее встречается еще в летописном известии 1500 г., относящемся к Литве: «Также и ко князем Руским и к Виленским *мѣстичем*, и ко всеи Руси <...> посылал к ним» (ПСРЛ XXVI 1959, 292). Как видно, слово *мѣстичь* в великорусских памятниках употреблялось только для обозначения городского населения Литовской Руси (ср. также СРЯ 1975–2008, 9, 10), и, таким образом, можно его считать экзотизмом в великорусском языке, в отличие от западнорусского, где оно в это время входило в основной словарный фонд (ср. Спринчак 1956а, 119). Однако вскоре и в западнорусском старый полонизм *мѣстичь* был заменен новым *мѣщанинѣ* (ср. ССУМ 1977–1978, I, 630); при взятии Смоленска 1514 г. привели к крестному целованию уже «князеи и боярь Смоленских, и *мѣщанѣ*, и всѣх людеи» (ПСРЛ XXVI 1959, 304; ср. Золтан 1977). Слово *мѣщанинѣ* в XVI в. оставалось еще экзотизмом (ср. СРЯ 1975–2008, 9, 143–144); широкое распространение оно получило в великорусском, по-видимому, позже, в связи с основанием в Москве в XVII в. Мещанской слободы, заселенной военнопленными и добровольными выходцами из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г. (см. Бोगоявленский 1980, 15–21).

Слово *посполно* «совместно» восходит к зап.-русс. *посполно* «то же» (ССУМ 1977–1978, II, 205), заимствованному, очевидно, из др.-польск. *pospólnie* «то же» (ССтп 1953–2002, VI, 444–445).

Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе; преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чешск. *důchod* «доход, прибыль» являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ 1963–2007, I, вып. 5, 180; БЕР 1971–1979, I, 415–416; СПрасл. 1974–1983, IV, 29; бóльшую осторожность по отношению к этому слову проявляет О.Н. Трубачев, который не только не приводит отдельной статьи *dochodъ*, но и не упоминает о нем даже в статье *dochoditi*, см. ЭССЯ 1974–1984, вып. 5, 52). Однако на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно испытывать некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шаткая аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цитированное в СПрасл. 1974–1983) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом; упускается также из виду то, что в сербскохорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* — в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов — имеет значение «приходить», значит, с.-х. *доходак* — это «то, что приходит» (ср. венг. *jövedelem* «доход» от *jön* «приходить», калькирующее, по-видимому, как раз с.-х. *доходак*), и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола *dochoditi*, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение («доходить до какого-либо предела»). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* «доход» следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать о мак. *доход*, в котором уже само наличие -х- указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы рассматривать **dochodъ* «proventus, tributum» как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodьkъ*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русск. *доходъ* с XIV в. (принимаемая в СПрасл. 1974–1983 вслед за СРЯ 1975–2008, 4, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении действительно засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣции же рустии челоуѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко “много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”», ПСРЛ IX–XII 1965, X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям — в период между 1526–1530 гг., Клосс 1980, 51). Примеры, приведенные И.И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезневский 1893–1903, I, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII–XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках сер. XV в. (см. ПРП 1952–1959, III, 465–491), а читается только в т.н. «пространной» и «смешанной» коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т.е. фальсификации) т.н. «краткой» коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47–50; слово *доходъ* в одном из списков «смешанной коллекции» см. Приселков 1916, 110). Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т.е. в 1-й пол. XVI в. Пример И.И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И.И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современной датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайло своему брату Скиригайло 1387 г., изданной по подлиннику (см. Пещак 1974, 74–79);

эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка. Таким образом, до указанной грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходѣ* в великорусском (в КДРС после указанной выше, вошедшей в СРЯ 1975–2008 цитаты из Никоновской летописи следует фиксация слова *доходѣ* в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале, начиная с 1585–1586 гг.); имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в западнорусском начиная с последней четв. XIV в. (ССУМ 1977–1978, I, 323). В западнорусской деловой письменности XIV–XV вв. слово *доходѣ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходѣ* (457 словоупотреблений в источниках ССУМ 1977–1978) — *приходѣ* (76 раз, ССУМ 1977–1978, II, 249) — *пошлина* (92 раз; ССУМ 1977–1978, II, 218); между тем как в великорусской письменности до самого кон. XV в. случаи употребления этого слова являются спорадическими, и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Западной Русью. Отметим, что слово *доходѣ* к этому времени закрепилось в западнорусском языке не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это следует, например, из жалованной уставной грамоты упомянутого выше киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1414 г., данной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему Сидору <...> села вся ц(е)рк(о)вьяная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воиводы <...> не въступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди и въ вси *доходы*, и въ все пошлины, и ни въ что»; «съ всѣми *доходы* <...> и съ всѣми пошлинами» (Щапов 1976, 180). Слово *доходѣ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши многи пошлины <...> а нынѣ

намъ отъ колка лѣтъ даний и *доходовъ* нѣтъ съ тыхъ нашихъ волостей» (СРИО 1882, 15); «абы наши данники тыи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (СРИО 1882, 48).

108 — Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в. Приведем пример в докончании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» (ДДГ 1950, 339); многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495–1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т.д. (Кочин 1935, 107; ср. Кочин Сл. 1937, 103). К сер. XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (АФЗХ 1951–1961, II, 195); «пожаловал есми теми селы и деревнями <...> со всеми угоды <...> и з *доходом* з денежным и с хлебным» (АФЗХ 1951–1961, II, 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено разговорным языком. Уже в 1-й пол. XVI в. слово могло употребляться в церковнославянском языке, как например, в речи против нестяжательских взглядов Максима Грека митрополита Даниила, произнесенной на соборе 1531 г.: «Да ты же, Максим, святыя божия соборныя апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (Клосс 1980, 97). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении «окончание, приближение к концу»; известны лишь единичные записи производных от *доход* «прибыль»: *доходка* «прибыль, доход» (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* «являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход» («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ 1965–1983, VIII, 160–161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведенный материал довольно

убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из западнорусского. Правда, в русском языке второй пол. XVII в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола *доходити* в значении «поступать в качестве дохода» (СРЯ 1975–2008, 4, 346), которое могло бы мотивировать существительное *доходъ* «прибыль»; однако, принимая во внимание путь распространения слова *доходъ* из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. **dochoditi* в подобном значении не засвидетельствованы ни в одном другом славянском языке (ср. ЭССЯ 1974–1984, СПрасл. 1974–1983), несостоятельность этимологии, согласно которой *доходъ* на великорусской почве мотивировано глаголом *доходити*, становится очевидной. Следует принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. *доходити* в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в XVI в. существительным *доходъ*.

Существительное *доходъ* не мотивировано глаголом *доходити* также в западнорусском. В староукраинских памятниках XIV–XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ 1977–1978, I, 322–323). В связи с этим можно предположить, что зап.-русск. *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochód* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., ССтп 1953–2002, II, 906), чем в староукраинском, но, имея в виду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochód* в древнепольском намного раньше его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное число несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка (см. Гумецкая 1969, 219–228; Гумецкая 1971, 113–918; Золтан 1978, 215–296). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochód* (ср. ССтп 1953–2002, II, 105–106), нам кажется

110 — вполне вероятным, что данное слово и в древнепольский было
— заимствовано в готовом виде — из древнечешского, в котором
— *dóchod* засвидетельствовано в первичном своем значении «ре-
зультат», мотивированном древнечешским значением глагола
dochoditi/docházěti — «достигать» (см. Гебауэр 1903–1916, I, 282–
283), которое в древнепольский могло перейти в более узком,
специально экономическом значении как «результат эконо-
мической деятельности, польза от нее, доход». Таким образом,
современное общеславянское распространение данного слова
обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей
его миграцией, «цепной передачей» (по выражению А. Шенкера:
Шенкер 1983, 257) из одного славянского языка в другой.

Отметим, что западнорусизмом в великорусском следует считать не только *доход*, но также *приход* в значении «прибыль», которое в великорусском деловом языке появилось, по-видимому, позже (в словаре И.И. Срезневского в данном значении еще не отмечается, см. Срезневский 1893–1903, II, 1488–1489), а в XVII в. употреблялось не только как антоним слова *расход*, но как полноценный синоним слова *доход*, ср., у Котошихина *доход* засвидетельствовано 37 раз, а *приход* (в синонимическом значении) — 26 раз (Пеннингтон 1980, 473, 644). В материалах КДРС слово *приходъ* в данном значении засвидетельствовано впервые в цитированной нами выше в другой связи соборной грамоте литовских епископов о поставлении Григория Цамблака 1415 г., в которой митрополит Фотий обвиняется в том, что он «ниже бо хотяше съдѣти у церкви <...>, но точію *приходы* церковныа сбирати и живяше индѣ. и старая устроєніа и честь кієвскоѣ церкви на ино мѣсто полагаше» (РИБ VI 1908, 310–311). В церковнославянских памятниках, а реже также в великорусских грамотах, в значении «прибыль, доход» на протяжении XI–XVII вв. употреблялось слово *прибытокъ* (КДРС), заимствованное, по-видимому, из ст.-сл. *прибытъкъ* «прибыль, доход» (Садник, Айцетмюллер 1955, 103). В указанной соборной грамоте наряду с *приходъ* употреблено и *прибытокъ*: «И царь Моноилъ не восхотѣ послушати прошенія его [Витовта. — А.З.] праведнаго, своихъ дѣля *прибытоквъ* неправедныхъ» (РИБ VI 1908, 311). Поскольку в украинских гра-

мотах XIV–XV вв. *прибытокъ* вообще не засвидетельствовано (ср. ССУМ 1977–1978), несомненно, что в этом церковнославянском тексте *прибытокъ* является традиционным элементом книжного языка, а *приходъ* — отражением западнорусского разговорного субстрата (ср. аналогичное явление употребления титулов *господарь* и *господинъ* по отношению к Витовту в этом же тексте, см. ранее, гл. I). Как было отмечено ранее, слово *приходъ* в данном значении в западнорусском засвидетельствовано уже в памятниках XIV–XV вв. (ССУМ 1977–1978, II, 249); зап.-русск. *приходъ* имеет точную аналогию в др.-польск. *przychód* «доход» (ССтп 1953–2002, VII, 240–241).

Наличие западнорусских элементов в указанных грамотах митрополита Ионы о назначении митрополичьих наместников для западнорусской церкви было бы проще всего объяснить тем, что их составление было поручено кому-то из местного западнорусского духовенства во время пребывания Ионы в Литве; в пользу такого объяснения говорит место написания грамоты: «Данъ листь сій въ Новѣгородку», т.е. в Новгородке Литовском (совр. Новогрудок в Белоруссии). Такое объяснение, однако, представляется не единственно возможным и даже не самым вероятным. Как было указано ранее, западнорусизмы встречаются уже в тех грамотах Ионы, которые были написаны до 1451 г. Анализ других грамот митрополита Ионы приводит нас к выводу о том, что такая грамота могла быть составлена в митрополичьей канцелярии в Москве, так как западнорусская лексика обильно представлена в тех грамотах, которые датированы в Москве.

Так, в послании смоленскому епископу Мисаилу 1454 г. митрополит Иона пишет: «Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся състало отъ того князя Ивана Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его Осподаремъ надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая *шкота* <...>, а сыну нашему Великому Князю, у нужи, по слѣду Князя Ивана *достати*, да въ обиду ему себе не мощно *поддати* <...>. А сыну нашему *пану* Мисаилу *канцлерю* говорилъ бы еси, чтобы христіанства дѣля, также о томъ поберегль» (АИ 1841, 104).

Слово *шкота, щкота, шкода* «убыток, вред» было широко распространенным в западнорусском деловом языке XV в. (ССУМ 1977–1978, II, 559–560; Булыко 1972, 364; ср. Ильенко 1958, 7); оно восходит через польск. *szkoda* к др.-в.-нем. *scado* (ср. нем. *Schade* «убыток, вред» (см. Тамань 1960, 123; Гардинер 1965, 242; Кохман 1967, 145; Соби́к 1969, 366)). На неисконность глагола *доставати/достати* в значениях «раздобыть, приобрести; овладеть» в великорусском впервые обратил внимание С. Кохман (Кохман 1967, 106); к этой точке зрения присоединилась и А. Пеннингтон (Пеннингтон 1980, 387). Оба автора рассматривают глагол *доставати/достати* в данном значении как новое явление в русской лексике XVII в., возникшее под влиянием польск. *dostawać/dostać* «раздобыть, получить». Необходимо в связи с этим уточнить, что данный глагол, кроме цитированной грамоты митрополита Ионы 1454 г., засвидетельствован также в московском проекте договора Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты *доставати* своего отчъства Княжества Кіевского <...>» (ПДС 1851, 39; московский текст этого договора отличается, впрочем, явными западнорусизмами, ср. дальше: «а будеть нам *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ <...>»; другие ранние примеры из подобного рода памятников см. СРЯ 1975–2008, 4, 333–334; кроме того, известны единичные случаи употребления глагола *доставати* в указанном значении также в московских грамотах 2-й пол. XV в., ср. «доставати своеѣ ѡтчины и дѣдины» (ДДГ 1950, 200), так что широкое распространение данного глагола можно отнести к XVII в., но в московском канцелярском языке он был известен уже в XV в., и это обстоятельство свидетельствует о том, что новое значение русск. *доставати/достати* появилось не под непосредственным польским воздействием в XVII в., но уже раньше и, по-видимому, через посредство западнорусского языка.

Глагол *поддати, поддатися* и производные — *подданный, поддание* — рассматриваются исследователями единогласно как заимствования из польск. *poddać, poddać się, poddany, poddanie*, которые, в свою очередь, калькируют соответствующие латинские слова (ср. лат. *subditus* «подданный», см. Фа-

смер 1953–1958, II, 383; Фасмер, Трубочев 1964–1973, III, 296; Кохман 1967, 130; Собик 1969, 299–300).

По КДРС первая фиксация глагола *поддати* относится к посланию Василия II Константинопольскому Патриарху 1441 г.: «[Исидор] къ сему же *подда* и поработи насъ подь отлученную многих ради ересей святыми и богоносными Отци Римскую церковь и Римьскаго папу» (АИ 1841, 74; такая же грамота, но адресованная византийскому императору, включена также в Софийскую II летопись под 1438 г., см. ПСРЛ VI 1853, 165). Судя по церковнославянскому языку этой грамоты, она была написана в митрополичьей канцелярии. Как известно, грамота эта не была послана, так как «прииде вѣсть, яко царь отъиде въ Римъ на царство и ста въ Латыньскую вѣру; и [князь великий] пославъ пословъ възвратити воспятъ» (ПСРЛ VI 1853, 167); в 1460–61 гг. она (или копия с нее) находилась, по-видимому, в митрополичьей канцелярии, так как Иона, несомненно, воспользовался ею при составлении своей грамоты 1460–66 гг. тому же смоленскому епископу Мисаилу; ср. текстуальное совпадение этой грамоты с грамотой Василия II 1441 г.: «къ сему же *поддати* и поработити хотя насъ под отлученную, многих ради ересей, святыми Отци римскую церковь, подь римского папу» (РИБ VI 1908, 660). Данные ранние фиксации слова позволяют отнести его к западнорусизмам (ср. ССУМ 1977–1978, II, 164–165) в великорусском языке.

Слово *канцлер(ъ)* заимствовано не прямо из немецкого, как принято считать в этимологических словарях русского языка, которые датируют появление слова XVII в. (Фасмер, Трубочев 1964–1973, II, 182; ЭСРЯ 1963–2007, II, вып. 8, 50), а из западнорусского (ср. ССУМ 1977–1978, I, 470), в котором оно восходит к немецкому источнику (*Kanzler*) через польское посредство (*kanclerz*) (ср. Кохман 1967, 65).

В великорусских памятниках XV–XVII вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром I в 1709 г. (Сергеев 1971, 177–180; ср. также СРЯ 1975–2008, 7, 60–61).

В 1458 г. Иона назначает своим западнорусским наместником полоцкого архимандрита Каллиста. В соответствующей

114
—
—

грамоте он обращается к Каллисту как к «нареченному въ настоятельство того священного *столица*», т.е. киевской митрополичьей кафедры. В данном значении («трон, престол; архиерейская кафедра») в древнерусском, как и в старославянском, употреблялось слово *столя* (Срезневский 1893–1903, III, 517; Садник, Айцетмюллер 1955, 124); в западнорусском языке XV в. распространилась форма *столець* (ССУМ 1977–1978, II, 388–389) под влиянием др.-польск. *stolec* «трон; столица» (Булыко 1972, 308), которое в польском языке лишь в XVI в. было заменено богемизмом *stolica*, заимствованным позже (в нач. XVII в.) из польского также в русский язык (Кохман 1970, 73–75; Кохман 1975, 129–130). В великорусских памятниках *столяць* > *столець* засвидетельствовано в разных значениях, но в значении «трон; кафедра» поздно и в контекстах, относящихся явно к Западной Руси (Срезневский 1893–1903, III, 519–520; Кохман 1970, 73; Кохман 1975, 929; ср. также КДРС). Слово *столець* засвидетельствовано, впрочем, также в настольной грамоте Казимира IV митрополиту Ионе 1451 г.: «и дали есмо ему *столець* митрополичь Кіевський и вся Руси» (РИБ VI 1908, 564–565).

Западнорусизмы встречаются и в грамотах Ионы, адресованных в великорусские области, как например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу около 1451 г.: «А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе *господаре*ве, будучи и не наша вѣры, также и *княжата* и *панове* тое вѣры <...> какую великую честь держать» (РИБ VI 1908, 574; ср. АСЭИ 1952–1964, III, 25). Здесь употребление лексических западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение католических литовских князей и магнатов к православной церкви в Литве.

На западнорусское происхождение писца этой грамоты, известной по московскому списку около 1535 г., указывает наличие в тексте форм сложного будущего времени, образованных при помощи глагола *буду* + инфинитив: **а не ѡборониш(ь) мена тѣ, мои с(ъ)нѣ, и тѣ поберегися вѣзданиа ѡт б(о) га, іазѣ бѣдѣ сѧ ѡт нѣх боронити законом б(о)жымъ что ни бодѣт именоватис(ь) християни** (АСЭИ 1952–1964, III, 25). Употребле-

ние этой конструкции как во время составления цитированной грамоты, так и во время возникновения сохранившегося списка можно объяснить только западнорусским влиянием, так как сложное будущее с *буду* + инфинитив выступает в западнорусских грамотах XIV–XV вв. уже как обычная грамматическая форма (ср. Станг 1935, 49; Укр. Морф. 1978, 328), между тем как в великорусском оно было чуждым письменному языку еще в сер. XVII в. (Котков 1974, 265–266; ср. Кржижкова 1960, Пеннингтон 1968; Горшкова, Хабургаев 1981, 323–325). Характерно, что Котошихин в своем большом произведении «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667 гг.) употребляет эту конструкцию всего лишь один раз, и то вкладывая ее в уста иностранных послов, между тем как в своем коротком письме шведскому сенату 1666 г., изобилующем лексическими полонизмами, он употребляет ее три раза (Пеннингтон 1980, 281).

Есть случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста. В послании в Новгород, датированном условно 1448–1458 гг., засвидетельствован явный западнорусизм *збродень*: «еще же и наймовати на то на злое и богоненавистное дѣло <...> *збродней*, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоувѣкъ» (РИБ VI 1908, 549). Слово это приводится И.И. Срезневским в реконструированной форме *събродѣнь* и толкуется как «сброд» (Срезневский 1893–1903, III, 653); ср., однако, зап.-русск. *збродень* «преступник», заимствованное из др.-польск. *zbrodzień* «преступник» (см. Булыко 1972, 118; ср. Брюкнер 1970, 648; Варш. сл. 1900–1927, VIII, 392; Речек 1968, 636).

По КДРС (*сбродень*) это слово засвидетельствовано еще в грамоте Пскова Риге 1463–1465 гг.: «не даваите воли такимъ *зброднямъ* над нашими купщинамы» (ГВНП 1949, 323) и в Рогожском летописце (сп. XV в.) под 1354 г.: «князь Олегъ <...> съ своими Рязанци съ потаковники ему *сбродни*, много зла христіаномъ сътвориша» (ПСРЛ XV 1965, I, 63). Слово это не получило распространения в великорусском, и, по-видимому, оно не связано прямо со словом *сброд*, которое в КДРС отмечается только с XVII в.

Возможно, что к западнорусизмам следует отнести наречие *зався, завсе* «всегда», которое засвидетельствовано в гра-

мотах Ионы, адресованных как в великорусские области, так и в Литву, как например, в послании в Вятку (ок. 1452 г.): «зався своему господарю, великому князю, грубите и приставаете к его недругу» (РИБ VI 1908, 591); ср. также в послании 1459 г. в Литву: «желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ» (РИБ VI 1908, 633). Под влиянием митрополичьей канцелярии могло попасть это слово в церковнославянскую грамоту Василия II византийскому императору Константину Палеологу 1451–1452 г.: «*Зáвсе* [Так в издании. — А.З.] того жалахомъ и проискывахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ» (РИБ VI 1908, № 71, 582 — КДРС). Правда, *зáвсе/завсé/завсё* «всегда» широко распространено и в северновеликорусских говорах (СРНГ 1965–1983, IX, 342), однако следует учитывать, что на протяжении XV–XVI вв. наречие *завсе* употреблялось главным образом в языке московской дипломатии; ср., например, с наказом московским боярам, провожавшим в 1495 г. Елену Ивановну в Литву: «да молвити о томъ, какъ пригоже, чтобы паніи не *завсе* сидѣли у княжны въ тапканѣ» (СРИО 1882, № 31, 167). Большинство фиксаций слова *завсе* в КДРС относится также к памятникам дипломатических сношений XV–XVI вв., великорусское диалектное *завсе* отражается, по-видимому, только в единственном примере кон. XV в., вошедшем в СРЯ 1975–2008 — в великорусской грамоте около 1492 г., в которой цитируется свидетельство местного жителя: «А Есип, г(о)с(поди)не, самъ *завсе* въ дворѣ жилъ у кн(я)зя Андрѣя Дмитриевича» (АСЭИ 1952–1964, II, 244 — СРЯ 1975–2008, 5, 160). Нам кажется, что в памятниках церковной дипломатии около сер. XV в. наречие *завсе* могло употребляться скорее под влиянием западнорусского делового языка, чем великорусской диалектной речи. Зап.-русск. *завсе* «всегда» (ССУМ 1977–1978, I, 372) образовано по аналогии польск. *zawsze* «всегда» (Карский 1962, 247).

Если употребление западнорусской лексики в грамотах, адресованных в Западную Русь, объяснимо участием в их составлении выходцев из Западной Руси, хорошо знающих западнорусскую социально-экономическую терминологию, которые обличают себя иногда и употреблением нетермино-

Гринченко 1907–1909, I, 432; ССУМ 1977–1978, II, 390; в староукраинском актовом материале засвидетельствована только форма несов. вида *доступоватыся* — ССУМ 1977–1978, I, 321; ср. польск. *dośćpować*, несмотря на слабую засвидетельствованность глагола *доступити* в украинских грамотах, его известность в западнорусском не подлежит сомнению ввиду его фиксации в Ипатьевской летописи в составе Киевского летописного свода, см. СРЯ 1975–2008, 4, 341) калькирует польск. *dośćpić*; кроме засвидетельствованного в данной грамоте значения этот глагол встречается в великорусских памятниках XVI–XVII вв. также в военном значении «атаковать» (Срезневский 1893–1903, I, 717; Кохман 1967, 63, 106).

К западнорусизмам следует отнести, по-видимому, и наречие *добровольно* «беспрепятственно, свободно». В этимологических словарях русского языка слова *добровольно*, *добровольный* не приводятся. Их этимология, на самом деле, очевидна, однако их история в великорусских памятниках указывает на то, что они возникли не на великорусской почве, а были заимствованы в готовом виде из западнорусского. Характерно при этом, что наречие *добровольно* появляется в великорусских памятниках раньше, чем прилагательное *добровольный* (не считая приведенную И.И. Срезневым фиксацию прилагательного *добровольныйи* из сочинений Иоанна, экзарха болгарского, по списку XII в. в другом значении — «достойный», которое явно сюда не относится, ср. Срезневский 1893–1903, I, 675). По КДРС первая известная фиксация наречия *добровольно* относится к жалованной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, датируемой 1435–1447 гг. и дошедшей до нас в списке XVI в.: «А торгуютъ и в озере у неводов *доброволно* сущом и рыбою» (АСЭИ 1952–1964, II, № 77, 48). Из грамот, сохранившихся в подлиннике, *добровольно* появляется почти одновременно в Новгороде и Москве; ср. в новгородско-ливонском договоре 1448 г.: «А приѣхати имъ на тои съѣздъ и розѣхатися *доброволно*, безо всякой пакости, по сему крестному челованью» (ГВНП 1949, 118) и в договоре великого князя Василия Васильевича с суздальским кня-

зем Иваном Васильевичем, датируемом кон. 1448 — 1-й пол. 1449 г. Этот документ был составлен после поставления Ионы в митрополиты и по его «благословению»; как было отмечено ранее, это первая известная договорная грамота, в которой московский великий князь называет себя «господарем» (а не «братом старейшим», как это было принято в более ранних княжеских договорах) по отношению к одному из удельных князей. В этой грамоте читается статья, согласно которой «А боаром, и дѣтем боарьским, и слугам *добровольно* межи нас волным вол▲» (ДДГ 1950, 157, 159). В более ранних московских договорных грамотах статья подобного содержания была сформулирована без слова *добровольно*: «А боаром и слугам меж нас волным вол▲» (ДДГ 1950, 71; ср. также ДДГ 1950, 81; 83; 86; 88; 91, 94, 97, 99; 102, 104; 109, 111, 114, 116; 120; 122; 124; 126; 128; 131, 134, 137, 140; 145; 148); многочисленные фиксации данной статьи свидетельствуют о том, что она переходила автоматически из текста одного договора в другой без изменений; в грамоте 1448–1449 гг. в эту статью вдруг неорганически вставлено слово *добровольно*. Слово *добровольно* выступает в этой грамоте еще раз, в статье о торговле: «А гостем нашим всего нашего велико(о) кн(▲)ж(е)ныа гостити н торговати в твоеи вотчинѣ, в твоеи державѣ, *добровольно*, без зацѣпок и без пакости» (ДДГ 1950, 157, 159); поскольку здесь выступает наречие *добровольно* рядом с другим несомненным западнорусизмом *зацѣпка* (о нем см. далее), мы должны предположить, что данная грамота была составлена не только «по благословению» митрополита Ионы, но и при активном участии его канцелярии (на участие митрополичьей канцелярии указывает, на наш взгляд, то, что Иона — сразу после поставления на митрополичий престол — назван в тексте «святым»: «А ѿ чем с[▲] [судь]и сопрут, ино им третей ѿтець наш, с(в▲)ты Іѡна, митрополит всея Рус(и) — ДДГ 1950, 157, 159); ср. статью подобного содержания в тверско-литовском договоре 1427 г. (тверская грамота): «А людемъ нашимъ, гостемъ, гостити межи насъ путь ч(и)сть, без рубежа и без пакости» (ДДГ 1950, 63). Следующая фиксация наречия *добровольно* относится к докончанию

—

119

—

120

Василия II с Казимиром IV 1449 г. (сохранилась московская грамота в западнорусском списке XVI в.): «А которыи люди с которых местъ вышли *добровольно*, ино тым людем волнымъ вола, где хотать, тутъ жывѣть. А которые люди выведены ѡтколе невольно <...>, ино ихъ ѡтпустити *добровольно* зъ ихъ статъки къ ихъ местомъ» (ДДГ 1950, 962); во втором случае наряду со словом *добровольно* выступает другой западнорусизм — *статки* (см. далее). Имея в виду наличие западнорусизмов в более ранней и сохранившейся в подлиннике московско-суздальской договорной грамоте, мы не вправе предположить, что эти западнорусизмы попали в текст московской грамоты при ее переписывании в Литве; они должны были быть уже в московском оригинале. Если учесть сказанное на основе исторических сведений об участии митрополита Ионы в дипломатической подготовке этого договора, то становится вполне вероятным, что его канцелярия участвовала в составлении этой великокняжеской грамоты. Все известные историческим словарям русского языка фиксации наречия *добровольно*, а также прилагательного *добровольный* относятся к более позднему времени (СРЯ 1975–2008, 4, 259; Срезневский 1893–1903, I, 674–675), между тем как в западнорусских грамотах данное слово богато засвидетельствовано, уже начиная с 1366 г., как в значении «беспрепятственно, свободно», так и в значении, сохранившемся донныне в русском языке, «без принуждения, по собственной воле» (ССУМ 1977–1978, I, 306; в первом значении см. также в полоцкой грамоте 1407 г.: «штобы полочаном *добровольно* ехат(и) к Ризѣ, такъже рижаном к Полоцку без всакоа завады, ни одног(о) не выемши, *добровольно* ему купит(и) и продат(и)» — Полоцкие грамоты 1977–1978, I, № 38, 109). На неисконность наречия *добровольно* в великорусском указывает и то обстоятельство, что оно появляется в памятниках раньше, чем мотивирующее его прилагательное; можно допустить, что, наоборот, употребление прилагательного *добровольный* в сочетании *добровольные люди* в псковских летописях при описании событий 60–70-х гг. XV в. (СРЯ 1975–2008, 4, 259) мотивировано именно наречием *добровольно* в значении «свободно». Наречие *добровольно* «по собст-

венной воле» засвидетельствовано в Геннадиевской Библии 1499 г., в составе переведенной с латинской Вульгаты книге Ездры (I. 4): «что доброволю принесѣт цркви бжии» (ср. лат. «quod voluntarie offerunt templo Dei» — КДРС).

Следует отметить, что как наречие *добровольно*, так и прилагательное *добровольный* засвидетельствованы в русских народных говорах весьма слабо: в СРНГ 1965–1983 (СРНГ 1965–1983, VIII, 77) *добровольно* представлено всего лишь одной записью в значении «постепенно, само по себе» (Курская губ., 1915 г.), а *добровольный* — двумя записями (*добровольная собака*, Якутия, 1901 г., и *добровольный рой*, без указания места, 1856 г.). В значении «добровольно, по доброй воле» фиксируется еще наречие *доброволь* (Якутия, 1901 г. и Костромская обл., 1945 г.); существительные *доброволец*, *доброволка* «беглый крестьянин», «беглая крестьянка» засвидетельствованы только в смоленских говорах (1914 г.). Все это подтверждает неисконность слов *доброробовольно*, *добробовольный* в великорусском. Зап.-русск. *добровольный*, *добровольно*, *добровольнѣ* заимствованы, очевидно, из др.-польск. *dobrowolny*, *dobrowolnie* (ССтп 1953–2002, II, 78–80), где наречие *dobrowolnie* также имеет значение «свободно, беспрепятственно» и «по собственной воле, без принуждения», ср. также др.-чешск. *dobrowolný* «добровольный» и *dobrowolně* «добровольно» (с XIV в.), Гебауэр 1903–1916, I, 175); нам кажется, что значение «по собственной воле» возникло в западнославянских языках под влиянием нем. *gutwillig* «добровольный, добровольно», так как сочетанием **dobra vol'a* непосредственно мотивировано лишь значение типа «благосклонный, добродетельный», также засвидетельствованное в древнепольском (ССтп 1953–2002, II, 81), хотя в данном случае можно считаться с влиянием лат. *benevolus*. Во всяком случае, история слов *добровольно*, *добровольный* на восточнославянской территории свидетельствует об их миграционном характере, поэтому, на наш взгляд, возникновение сложного прилагательного *добровольнѣ*, а также наречия *добровольно/добровольнѣ* нельзя отнести к праславянскому лексическому фонду, как это принимается на основе их общеславянского распростра-

нения в этимологических словарях праславянского языка (ЭССЯ 1974–1984, вып. 4, 45; СПрасл. 1974–1983, IV, 308–309).

122 — В связи с указанными грамотами митрополита Ионы, адресованными в Казань, необходимо отметить, что имеется одно летописное известие, текст которого также свидетельствует о том, что около сер. XV в. западнорусский язык мог использоваться в великорусско-татарских сношениях. В летописном известии 1447 г.: «Татарове же рекоша: “а мы пришли ис Черкас <...>, слышали бо про великого князя, что братия над ним *израду* учинили и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его *до нас* было”» (ПСРЛ XXV 1949, 268; ср. также ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII 1913, 120; СРЯ 1975–2008, 6, 201). Эти татары (или их переводчики) говорили, по-видимому, на западнорусском языке, ср. конструкцию *до нас* вм. *к нам*, а также слово *израда* «измена, предательство», заимствованное из зап.-русск. *zrada*, *izrada* «измена» (Ильенко 1958, 12; ср. ССУМ 1977–1978, I, 408), которое восходит к польск. *zdrada* (Тамань 1960, 114–115; Булыко 1972, 120), калькирующему ср.-в.-н. *verrât* (Брюкнер 1970, 650; Фасмер 1953–1958, I, 462, 475).

Если слова западнорусского происхождения, отмеченные в грамотах митрополита Ионы 1448–1458 гг., относятся преимущественно к светской сфере, то в его грамотах после 1458 г. засвидетельствовано большое число западнорусизмов, употребление которых обусловлено острой антиуниатской полемикой, вызванной тем, что в 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «чрезъ свой листь» (РИБ VI 1908, 709) принял в качестве киевского митрополита «Исидорова ученика» Григория, поставленного римским папой и константинопольским патриархом-униатом Григорием Маммой (см. Прохаска 1923, 59–64; Голубинский 1901–1911, II, ч. 1, 414–531; Грушевский 1905, 385–422; Ходыницкий 1934, 50–63 и др.), и, таким образом, «сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Киевѣ» (ПСРЛ VI 1853, 169). С этим событием связана оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами, в которой, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже со времен

Флорентийского собора, а с другой — появляются также некоторые новые заимствования из западнорусского.

К новым заимствованиям, не встреченным в произведениях о Флорентийском соборе, относится слово *отщепенец* «схизматик». В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским: «Григорей не истинный митрополит, но ложный, носить съ собою *листы* папины <...>, а въ тѣхъ *листьхъ* пишеть на осподина нашего Иону, митрополита кievьскаго и всея Руси, а именуеть его *отщепенцемъ*» (РИБ VI 1908, 633); в послании, датированном кон. 1460 г. или нач. 1461 г. сам Иона цитирует это обвинение: «Нынѣ пакъ, слышимъ, пришелъ туто къ вамъ въ литовское *господарство* отъ римския церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григоріе (а именуеть себе митрополитомъ кievьскимъ и всея Руси) съ *папешьскими листы*, да и съ первоначалника отступника съ патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Сидоровыми; и пишеться Сидоръ въ нихъ *легатосомъ, кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенцемъ*, а сами будучи зліи отступници отъ православія» (РИБ VI 1908, 558); последнюю фразу — по другому списку — ср.: «и пишеться Сидоръ въ нихъ *легатосомъ, кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенцемъ*, рекше *отступникомъ*» (АИ 1841, 505). Сохранение написания *кгардинал* в обоих московских списках 1-й пол. XVI в. однозначно указывает на то, что в данном послании цитируется западнорусский текст «папиных листов», т.е. на то, что соответствующие папские грамоты стали известны в Москве в западнорусском переводе. Один из переводов этих грамот на западнорусский язык (грамоты папы Пия II польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV) сохранился в составе Софийской II летописи (сп. XVI в.); в западнорусском тексте Иона на самом деле назван «отщепенцем»: «А которыи подъ панствомъ твоего княженія и твоей опеки живутъ, отъ московскихъ и отъ сторонъ высшіи, которыи стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Иону черныца, который же учинился архіепископомъ Рускимъ, и отсѣлъ его, и отнялъ и отвернулъ и отдѣлилъ тую Кіевскую церковь <...>»; «а не припустилъ бы того Ионы *отщепенца*,

любю которого иного на мѣсто его во архіепископство взять» (ПСРЛ VI 1853, 168); перевод был сделан, по-видимому, с латыни в Западной Руси, ср. латинский текст: «et que sub tuo temporali dominio existerent, a Moschouiensi et Russie Superioris partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem eandemque Chieuiensem ecclesiam <...>»; «non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* vel alium loco sui in illis partibus in archiepiscopum recipi» (Прохаска 1923, 69). Зап.-русск. *отщепенец* восходит к др.-польск. *odszczepieniec*, которое калькирует лат. (из греч.) *schismaticus* (см. Виноградов 1947, 7–12; Булахов 1965, 47–48; ср. также Кохман 1975, 15). В связи с этим необходимо указать, что папские грамоты о Флорентийской унии, а также грамота Исидора о том же, сформулированные параллельно на латинском и греческом языках, были переведены в Московской Руси на церковнославянский язык (по всей видимости, с греческого текста), и так они и попали в летописи (см., напр., ПСРЛ VI 1853, 156–158, 159–160, 160–161), между тем как западнорусский перевод указанной грамоты с латинского языка был выполнен, очевидно, при посредстве польского языка (ср. хотя бы заключительную фразу этого последнего: «А ты, (отъ) того дѣла заслужишь себѣ отплату щастья вѣкуистого, и абы темъ мы высокость твою кралевскую слушными хвалами у панѣ Бозѣ могли-бысьмо вельбити» — ПСРЛ VI 1853, 169; ср. «Tuque proinde consequaris premia felicitatis eterne ac nos eciam celsitudinem regiam condignis possimus in domino laudibus commendare» — Прохаска 1923, 69; западнорусский текст можно считать скорее морфонологической транскрипцией польского перевода, чем самостоятельным западнорусским переводом с латинского).

В западнорусском переводе стала известна Ионе латинская грамота Григория Маммы Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. (см. Прохаска 1923, 71–72). Западнорусский перевод этой грамоты не сохранился, но имеется характерная цитата из него в окружном послании митрополита Ионы западнорусским епископам, датированном 1458–1459 гг.: «[Григорий Мамма] всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуютъ

нынѣшняя самая его писанія, еже пишетъ сице: “Григорій, милостию божіею *арцибискупъ* коньстантиноградскій” <...>. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ константиноградскій себе именовалъ “*арцибискупомъ* константиноградцкімъ?”» (РИБ VI 1908, 622). Поскольку, как мы видели в произведениях о Флорентийском соборе, западнорусское слово *арцибискуп* как в западнорусском, так и в великорусском ассоциировалось однозначно с католическим архиепископом, употребление этого слова в нормальной, впрочем, титулатуре константинопольских патриархов показалось Ионе очевидным свидетельством того, что Григорий Мамма обратился в католичество. Если этот аргумент Иона считал серьезным, а не только риторическим приемом, то это свидетельствует о том, что он читал западнорусский текст как «свой текст», не отдавая себе отчета в том (или — во втором случае — нарочно игнорируя), что употребление в нем слова *арцибискуп* вм. *архиепископ* обусловлено только тем, что переводчиком текста был человек, который мало разбирался в различиях между католической и православной церковными терминологиями. Переводы латинских грамот о назначении митрополита Григория на западнорусский язык были выполнены, по всей вероятности, в литовской великокняжеской канцелярии, где переводчиком мог быть светский чиновник, быть может, даже католик, или, судя по тексту сохранившегося западнорусского перевода грамоты папы Пия II, можно также предположить, что был сделан сперва перевод с латинского языка на польский в латинском отделении литовской канцелярии, который потом был передан в «русское» отделение, где он был переписан западнорусским писцом.

Западнорусские переводы этих грамот были доставлены в Москву, по всей вероятности, посольством Казимира IV к Василию II, которое имело своей целью уговорить московского великого князя признать митрополита Григория в Москве, «зانه бо Иона митрополитъ престарѣлся уже». Из сообщения Софийской II летописи видно, что грамоты Ионы, в которых цитируются западнорусские переводы грамот Пия II и Григория Маммы, были написаны после приезда королевского

126 — посольства и отказа Василия Васильевича («Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Иона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа» — ПСРЛ VI 1853, 169; указание на это посольство имеется, впрочем, и в грамотах самого Ионы: «Нынѣ пакъ, сыну, приѣздили отъ короля къ великому князю посольствомъ о томъ отступницѣ о Григорыи королевський писарь Якубъ да Ивашенець, о томъ, чтобы его князь великий принялъ и держалъ себѣ отцемъ и богомолцемъ, митрополитомъ» — РИБ VI 1908, 668–669). В связи с этим посольством в великорусские летописи попадает слово *писарь* (заменившее в западнорусском др.-русск. *дьякъ* уже с кон. XIV в., ср. ранее): «Тоя же весны <...> пришелъ на Москву посоль отъ короля Казимира Якубъ *писарь* да Ивашенець» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 153; то же: ПСРЛ XXV 1949, 280; ср. Ильенко 1958, 7–8). В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским кон. XV в. слово *писарь* выступает только как титул польско-литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским грецизмом *дьякъ* (см. Кохман 1971–1974, II, 72–73; ср. неубедительную попытку доказать собственно великорусское происхождение слова *писарь* — Чурмаева 1968). Из церковнославянских памятников *писарь* впервые отмечается в Геннадиевской Библии 1499 г., в переведенной с латинской Вульгаты I книге Паралипоменон (XVIII, 16), где оно передает лат. *scriba*; характерно, что слово *писарь* здесь сопровождается на поле глоссой *книгчи* (КДРС).

Грамоты митрополита Ионы, в которых цитируются хотя и небольшие фрагменты западнорусских текстов, интересны между прочим и тем, что в них засвидетельствованы первые случаи того беспереводного цитирования западнорусских документов в великорусских ответных письмах, которым объясняется наличие показательного числа западнорусизмов в московских грамотах, адресованных в Польско-Литовское государство, в частности в дипломатических посланиях Ивана Грозного (ср. Золтан 1983). Пример отражения посольства

«королевского писаря» как в грамотах Ионы, так и в летописях подтверждает существование тесной связи посольской документации с летописанием (ср. Лихачев 1947, 345; Лурье 1955, 175; Казакова 1980, 100) и дает основание привлечь летописные материалы в качестве надежных источников для исследования лексики тех дипломатических актов, которые не сохранились, но пересказываются в летописных известиях, как напр., документы, связанные с женитьбой Ивана III на Софье (Зое) Палеолог в 1472 г. (см. далее).

Основная масса западнорусской лексики в грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы (1448–1461 гг.), зафиксирована в документах, адресованных в Западную Русь (*арцибискупъ, достати, доходъ, канцлеръ, листъ, мѣстичь, отщепенецъ, папежский, писарь, поддати, польский, посполно, столец*), и это свидетельствует о том, что в обязанности «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии входило в первую очередь делопроизводство, связанное с западнорусской церковью как в годы совместного управления Ионы западно- и восточнорусской церковью (1451–1458 гг.), так и до этого времени (1448–1450 гг.) и после окончательного разделения двух митрополий (1458–1461 гг.). Вместе с тем, небольшое число западнорусизмов засвидетельствовано в посланиях великорусским адресатам; часть их в этих грамотах связана с западнорусским контекстом (*княжа, панъ*), другие являются западнорусскими вкраплениями (*зався, збродень*); единственным западнорусским элементом, введенным в великорусский текст сознательно, является, на наш взгляд, элемент великокняжеского титула *отчичь и дѣдичь*; кроме того, грамоты митрополичьей канцелярии, адресованные в великорусские области, несомненно содействовали распространению и закреплению титула *господарь*, который был заимствован несколько раньше. Интересный эпизод представляет собой участие «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в сношениях митрополита Ионы с Казанским ханством; как было отмечено ранее, сохранившиеся документы, относящиеся к посольству Ионы в Казань, были написаны на западнорусском языке, в них наряду с лексическими

западнорусизмами (*добровольно, доступити; господарьство, щкота*; последние два примера засвидетельствованы также в грамотах в Литву) отражаются грамматические особенности западнорусского языка.

128 — В конечном счете количество западнорусских слов, засвидетельствованных в грамотах митрополита Ионы великорусским адресатам, весьма скромно. Тем не менее, самый факт существования «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в центре Московского государства свидетельствует о непрерывности использования западнорусского делового языка в дипломатических сношениях Московской Руси, о той традиции использования западнорусского языка в качестве *lingua franca* в дипломатическом общении Москвы с Западом, которая отражается впоследствии в посольской документации, сохранившейся с кон. XV в. Немногочисленные, но все же имеющиеся западнорусские вкрапления в грамотах великорусским адресатам, а также некоторые указанные случаи вероятного влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую позволяют предположить, что некоторые западнорусские по происхождению слова, получившие впоследствии широкое распространение в великорусском деловом языке, закрепились в языке государственной администрации под влиянием митрополичьей канцелярии. В некоторых случаях, при решении вопроса о реальной истории отдельных русских слов, первая или ранняя фиксация того или другого слова в грамотах митрополита Ионы зарубежным адресатам не может, разумеется, считаться доказательством его распространенности в великорусском, но тем не менее может осветить ту предысторию этих слов в великорусском, знание которой столь необходимо для прослеживания межславянской миграции слов, особенно тех, которые никакими формальными признаками не обращают внимания на свое инославянское происхождение, как например, слова типа *доход, добровольно*.

ГЛАВА III

ЗАПАДНОРУСИЗМЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И В АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В 40–70-х гг. XV в.

Возможность влияния
митрополичьей канцелярии
на великокняжескую в середине XV в.

В связи с историей слова *добровольно* мы попытались обосновать предположение о том, что «западнорусское отделение» канцелярии митрополита Ионы могло иметь отношение к составлению двух великокняжеских грамот 1448–1449 гг., поскольку в московско-суздальском договоре (ДДГ 1950, № 52) имеется прямое указание на участие митрополита Ионы в подготовке этого акта, а в случае литовско-русского договора (ДДГ 1950, № 53) имеются косвенные свидетельства о посредничестве Ионы между Василием II и Казимиром IV. В принципе, конечно, ничто не противоречит тому, что западнорусские элементы в московский текст грамоты Василия II Казимиру IV могли попасть без участия митрополичьей канцелярии, поскольку при составлении московской грамоты могли воспользоваться литовским проектом, из которого могли перенять формулировки, которые в конце переговоров оказались приемлемыми для московской стороны. Если бы мы ничего не знали о существовании «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в этот период, приходилось бы именно так объяснять наличие

130 — западнорусских слов в этом московском тексте (исходя из того обстоятельства, что эта грамота сохранилась в списке XVI в., внесенном в Литовскую Метрику западнорусским писцом, можно было бы также думать, что некоторые западнорусские слова попали в текст при переписывании). Такое объяснение представляется нам маловероятным; западнорусский писец мог ввести в переписываемый им великорусский текст свои орфографические навыки, диктуемые своим произношением, напр., вм. *-чи-* он пишет *-чы-*, мог изменить и некоторые флексии, но едва ли решил бы заменить одно слово другим в тексте важного государственного документа. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что лексически западнорусизмы, читающиеся в сохранившемся тексте, вполне могли иметься в подлиннике). Однако в таком случае трудно было бы найти удовлетворительное объяснение для наличия западнорусизмов в почти одновременном, но все-таки предшествующем этому акту московско-суздальском договоре, в оформлении которого литовская сторона никак не могла принимать участия. Поэтому нам представляется, что самым естественным звеном, соединяющим эти грамоты, является личность митрополита Ионы, который был причастен к обоим договорам, и, как показывает лексика других документов митрополичьей канцелярии, западнорусизмы в этих двух договорах вполне удовлетворительно могут объясняться участием в их составлении митрополичьей канцелярии.

В московско-суздальском договоре обращает на себя внимание употребление слова *зацѣпка* «помеха, препятствие» (ДДГ 1950, 157); это первая известная в литературе фиксация слова в великорусских документах (см. СРЯ 1975–2008, 5, 336, где приводятся примеры из дипломатической переписки кон. XV — нач. XVI вв.). В более ранних московских, а также новгородских и смоленских договорных грамотах (XIII–XV вв.) это же содержание — «право на свободное передвижение послов и купцов по территории другого княжества» — выражалось устойчивым словосочетанием *путь чисть* (Сергеев 1978, 88–90). Как установлено М.-Е. Собик на

основе более поздних материалов, слово это восходит в конечном итоге к польск. *zaczepka* «помеха, препятствие»; русск. *ц* объясняется автором или как заимствование из польской диалектной формы *zasepka*, или как результат отождествления корневой морфемы с русск. *цепить, цепляться* (Собик 1969, 222–223). Первое объяснение маловероятно, поскольку предполагает непосредственные великорусско-польские контакты на междиалектном уровне; в западнорусском языке мы находим *зачепка*, ср. в тексте польско-литовского посольства в Москву в 1488 г.: «такии *зачѣпки* знакомиты починаются и землямъ нашимъ шкоды велики дѣются» (СРИО 1882, № 4, 16). Поэтому приемлемо только второе объяснение, т.е. великорусск. *зачѣпка* нужно считать по существу словообразовательной калькой зап.-русск. *зачѣпка*, заимствованного из польск. *zaczepka*. В некоторых случаях, как например, в литовско-русском договоре 1494 г., великорусское выражение *путь чистъ* могло сочетаться с выражением западнорусского происхождения *без всяких зацепок*: «А посломъ нашим по н(а) шим землям на обе стороны *путь чистъ без всяких зацепокъ*» (ДДГ 1950, 331; ср. Сергеев 1978, 89).

К литовско-русскому договору 1449 г. относится первая известная нам фиксация слова *статок* в великорусском тексте: «А которые люди выведены отколе невольно, <...> ино ихъ отпустить добровольно зъ их *статъки* къ ихъ местомъ» (ДДГ 1950, 15 — КДРС).

О происхождении слова *статок* («движимое») имущество», засвидетельствованного в великорусских памятниках XV–XVII вв. преимущественно делового характера, мнения ученых сильно расходятся. Я.А. Спринчак приводит слово *статокъ* «имущество нарушителя закона» в списке слов, употреблявшихся в московских грамотах XIV–XV вв., но неизвестных памятникам белорусского и украинского языков, т.е. как типичное великорусское слово, характеризующее великорусский деловой язык в противопоставлении с западнорусским (Спринчак 1956а, 121), несмотря на то что неизвестное современному русскому литературному языку слово *статок* широко распространено в украинском и белорусском

132 — языках (*статок* 1. «имущество», 2. «скот» — Гринченко 1907–1909, IV, 200; 1. «достаток, состояние, имущество»; *статки* мн. ч. «достатки», 2. обл. «скот» — УРС 1953–1963, V, 494–495; *статак* «стадо» — БРС 1962, 880), а также засвидетельствовано в смежных с ними великорусских областях, в том числе и псковских (*статок* «достаток, именье, стяжанье, нажитье или богатство» характеризуется В. Далем как «старое и западное, псковское» — Даль 1880–1882, IV, 310). А.В. Исаченко, характеризуя язык московских судебных кон. XV — XVI в., отмечает это слово в Судебнике 1497 г. (ср. Судебники 1952, 25) и причисляет его к словам западнославянского происхождения. При этом указывается на чешск. *statky* «имущество» и польск. *statki* «посуда» с указанием того, что, по мнению А.В. Исаченко, значение «имущество» в польском не засвидетельствовано (Исаченко 1980, 241–242); это последнее замечание указывает, по-видимому, на то, что автор считал возможным возвести данное русское слово прямо к чешскому, без посредства не только западнорусского, но и польского языка. Между тем, слово *статок* было хорошо известно западнорусскому языку. Правда, в словарных источниках оно приводится из несколько более поздних западнорусских памятников, чем литовско-русский договор 1449 г. (ССУМ 1977–1978, II, 385 — с 1459 г.; Булько 1972, 307 — с 1488 г.), однако оно засвидетельствовано в Крестоцеловальной записи князя Ф.Л. Воротынского Казимиру IV, написанной в Троках 5 февраля 1448 г., причем в такой же фразе, в какой мы его встретили в польско-русском договоре 1449 г.: «А люди г(о)с(по)д(а)ря нашего, короля, которьи зашли из литовьского княженя в Московьскую землю, князю Ивану Аньдреевичу выпустити добровольно со всеми их *статки*» (ДДГ 1950, 150). Об известности слова *статок* в западнорусском языке в более раннее время свидетельствует его фиксация в Ипатьевской летописи под 1190 г., т.е. в составе Киевского летописного свода: «и дврь зажгоша, и *статокъ* его весь поимаша» (ПСРЛ II 1962, 669; ср. Срезневский 1893–1903, III, 509). Из этого контекста видно, что *статокъ* означало «движимое имущество». Слово *статокъ* фиксируется также в псковских летописях при

описании морового поветрия в Пскове в 1352 г.: «<...> и богатым бо всяким тщится послужити и въ животе и по смерти, да наследуютъ что отъ имения ихъ; аще кто кому отдаваху *статокъ* свои живота или дети, то и тии тако жъ мнози, на борзе разболевшеся, умираху» (Псковские летописи 1941, I, 22 — Псковская I летопись по списку кон. XVI в.; ср. то же в Псковской III летописи по списку 60-х гг. XVI в. — Псковские летописи 1941, II, 101). Отметим, что в Псковской II летописи, сохранившейся в списке кон. XV в., этот рассказ отсутствует, под 1352 (6820) г. в ней читается только ссылка на это описание: «Бысть моръ золь въ Пскове и по селомъ и по всеи волости хракотныи; о сем пространне обрящеши в Русском летописци» (Псковские летописи 1941, II, 27), поэтому нельзя уверенно сказать, относится ли появление слова *статок* в псковском говоре только к XVI в. или к более раннему времени. Слово *статок* в цитированном отрывке И.И. Срезневским толкуется как «наследство» (Срезневский 1893–1903, III, 509), хотя здесь возможно и значение «имущество». В великорусских юридических текстах второй пол. XV — XVI в. слово *статок* могло употребляться также в значении «наследство», в списках Музейного вида Карамзинской группы Русской правды оно заменяет основной для Русской правды термин в этом значении — *задница* (РП 1940–1963, I, 385–387; ср. Живов, 2002, 203–204, прим. 20).

Для великорусского делового языка сер. XV в. слово *статок* является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба.

После литовско-русского договора 1449 г. или почти одновременно с ним слово *статок* засвидетельствовано в

одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе, датированной 1448–1461 гг.: «<...> яз князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевскаго и всея Руси, тех его христиан пожаловал того Левка *сстатком* и конми и животиною и рожью и ярью, и что ни есть того Левка *сстатка*, тем есмь всех тех митрополичих христиан пожаловал, и в того бы *сстаток* Левков нихто ся не вступал. А хто ся имет вступати в тот Левков *сстаток*, и яз дал на того пристава своего <...>» (АФЗХ 1951–1961, I, № 16, 108 — по сп. XVI в.). Так как в других жалованных грамотах Василия II слово *сстаток* не встречается, можно предположить, что слово попало в этот текст из предшествовавшей жалованной грамоте челобитной митрополита Ионы, т.е. в великокняжеской грамоте отражается в конечном итоге языковая практика митрополичьей канцелярии (о механизме составления постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, см. Шмидт 1958, 258–259). Таким образом, ранняя история слова *сстаток* в языке московской государственной дипломатии (литовско-русский договор 1449 г.) и в указанной великокняжеской грамоте может объясняться влиянием «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии. Закреплению слова в московском деловом языке могло способствовать частое его употребление в дипломатических документах литовской великокняжеской канцелярии, адресованных в Москву. Слово *сстатки* (обычно в форме мн. ч.) встречается постоянно при перечислении обид литовской стороны начиная с первых сохранившихся такого рода документов, ср.: «А платья и иных *сстатковъ* всего взяли на шесдесятъ рублевъ», «Кони и коровы и иную каждую животину, платья и все домовые *сстатки* побрали» (СРИО 1882, № 1, 2), «А животы и *сстатки* все побрали» (СРИО 1882, № 8, 36). Слово *сстатки* засвидетельствовано и в западнорусских юридических текстах, как например в Судебнике Казимира IV, данном Литве в 1468 г.: «А будет ли в дому *сстатков* татя того, и он домовыми *сстатки* плати» (ст. 4, см. Яковкин 1936, 12; ср. также ст. 6).

В московских великокняжеских грамотах после упомянутых двух случаев около сер. XV в. *сстатки* встречается в по-

ручной грамоте Ивана Воронцова великому князю Ивану III около 1474 г. (по списку кон. XV — нач. XVI в.): «а животы и села и *състатки* кн(я)жи Даниловы всѣ, а то великомъ кн(я)зю» (АСЭИ 1952–1964, III, 35).

В великорусских юридических памятниках слово *статок* «имущество», «наследство» часто встречается в Судебнике Ивана III 1497 г. Можно думать, что значение «наследство» возникло в великорусском из более раннего значения «движимое имущество» как раз в юридической терминологии. В статье о наследстве Судебника 1497 г. *статок* относится определенно к движимому имуществу в составе наследства, так как упоминается о «статке» и о «землях» отдельно: «А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино *статок* весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода» (ст. 60, Судебники 1952, 27). В других статьях, в которых говорится о воровстве, слово *статок* может быть замемено по смыслу как словом *имущество*, так и словом *наследство*, но поскольку в этих контекстах оттенок наследства отодвигается на задний план (нет речи о наследниках, так как имущество вора конфискуется), можно принять, что слово *статок* употребляется в этих статьях в основном своем значении «имущество», ср., например, в ст. 11: «А поймают татя вьдругие с татбою, ино его казнити смертною казнию, исцево заплатити изъ его *статка*, а досталь его статка судье. А не будет у того татя *статка* с ысцеву гибель, его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнию» (Судебники 1952, 20).

Слово *статок* впоследствии переходило из Судебника 1497 г. в более поздние судебники, а также в другие юридические акты. Сравним с Судебником 1550 г.: «А не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатити из его *статка*» (ст. 52, ПРП 1952–1959, IV, 245). В Судебнике 1589 г. появляется в данном месте форма множественного числа: «<...> а исцево заплатити из его *статков*» (ст. 103, ПРП 1952–1959, IV, 425). В Сводном Судебнике нач. XVII в. слово встречается в форме то единственного,

то множественного числа в рамках одной и той же статьи: «<...> и заплатили исцово из его *статка*; а что его *статка* останетца за исцовым — и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихого столко *статков*, чем исцово заплатить, ино его исцу в его гибели не выдавати, казнити его смертною казнью» (грань 9, гл. 61, ПРП 1952–1959, IV, 507). Вне состава судебныхник это слово употреблялось обычно в форме множественного числа уже в кон. XV — 1-й пол. XVI в.; например, в правой грамоте рязанских писцов около 1535 г.: «а подворишка гне наши разграбили, а животы и *статки* поимали» (ПРП 1978, № 66, 103) или в Губной белозерской грамоте 1539 г.: «<...> тех бы разбойников подворья, животы и *статки* отдавали б естя тем людем, которых учините у себя в головах» (ПРП 1952–1959, IV, 178). По наблюдениям Е.Н. Поляковой, слово *статки* «имущество» широко употреблялось в пермских деловых документах XVII в., но оно не оставило по себе никаких следов в народных говорах. Все это указывает на то, что данное слово было элементом не народного языка, а принадлежностью специальной приказной лексики (Полякова 1976, 46–47). Отметим еще наличие этого слова (в качестве двух самостоятельных заглавных слов *статки* и *статок*) в рукописном лексиконе XVIII в. (Аверьянова 1964, 390). В словарях современного русского литературного языка это слово не засвидетельствовано, оно вышло из употребления, по-видимому, в XVIII в.

Если вернуться к вопросу о происхождении этого слова в = великорусском, констатация факта, что оно было заимствовано из западнорусского, подтверждает точку зрения А.М. Булыко, который *статок* в западнорусском (старобелорусском) рассматривает как заимствование из польск. *statek* (Булыко 1972, 307). Правда (и в этом отношении прав А.В. Исаченко), в современном польском языке *statek* имеет значение «корабль» (с нач. XVII в., Брюкнер 1970, 514; это значение засвидетельствовано и в русском переводе с польского XVII в.: *статки морские* в соответствии с польск. *statki morskie* — Двор цесаря тур., 42, КДРС) и *statki* (только мн. ч.) — «орудия, инструменты, посуда», но современные значения поль-

ского слова развились из более раннего значения «движимое имущество», хорошо засвидетельствованного в древнепольских памятниках начиная с кон. XIV в. (ССтп 1953–2002, VIII, 429–430). Поэтому нельзя согласиться с указанным предположением А.В. Исаченко о том, что великорусск. *статок* могло быть заимствованным прямо из чешск. *statek*. В древнечешском *statek* засвидетельствовано — как и в древнепольском — в значении «движимое имущество» (Гебауэр 1903–1916, I, 218, s. v. *dědina*). Нельзя согласиться и с мнением В. Махека, согласно которому чешск. *statek* — слово праславянского происхождения (Махек 1971, 575), так как приведенные им параллели из восточнославянских языков (в южнославянских языках это слово неизвестно), как мы видели, заимствованы из польского. Остается выяснить взаимоотношение чешского и польского слов; возможно, что в данном случае мы имеем дело с ранним богемизмом в польском языке.

Западнорусская лексика
в летописных известиях о дипломатических
сношениях Московского государства
с зарубежными странами

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Западной Европой до 1487–1488 гг. не дошли до нас в непосредственной форме (в виде грамот, договоров, посольской документации и т.п.), однако начиная со 2-й пол. XV в. официальное летописание все шире использует актовый материал, в летописи включаются документы, касающиеся дипломатических сношений (см. Лихачев 1947, 354–360). Благодаря этому обстоятельству летописные известия о дипломатических сношениях в некоторой степени могут заменить несохранившуюся документацию. Языковые особенности этих известий показывают, что западнорусский язык в 1460–80-е гг. выступал в качестве языка-посредника в сношениях Москвы с Западом.

Известия о русско-итальянских
сношениях по случаю брака
Ивана III с Софьей Палеолог

138

— После Флорентийского собора контакты Москвы с папским двором и Италией возобновились в 1469 г., когда в Москву прибыл Юрий Грек с посольством от кардинала Виссариона, с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III: «Прииде из Рима от гардинала Висариона Грекъ Юрьи именем к великому князю с *листомъ*, в нем же писано, что: “есть в Риму деспота Яморѣискаго Фомы Ветхословца от царства Костянтина града дочь его София именем, православная христьянка. Аще восхощеша поняти ея, то аз учиню в твоём государствѣ <...>”» (ПСРЛ XXVI 1959, 225; ср. также ПСРЛ XXV 1949). Термин *лист* для обозначения грамоты кардинала Виссариона свидетельствует о западнорусской языковой стихии, хотя, судя по церковнославянскому языку перевода, сама грамота была написана на греческом языке, что вполне естественно, так как кардинал Виссарион был также греком — митрополитом никейским, видным сторонником унии среди греков на Флорентийском соборе. Знамательно также, что Юрий Грек (Траханиот) в Софийской II летописи назван «*паном* Юргой» (ПСРЛ VI 1853, 196; ср. Хорошкевич 1980, 180).

Посредством западнорусского перевода стала известна в Москве папская охранная грамота для послов Ивана III, как об этом свидетельствует ее пересказ в Воскресенской летописи под 1469 г.: «А *листы* своя далъ Ивану Фрязину таковы: что посломъ великого князя ходити *добровольно* два года по всѣмъ землямъ, которые под его *панежствомъ* *присягаютъ*» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 155 — КДРС; ср. также ПСРЛ XXV 1949, 281). Кроме западнорусских слов, отмеченных в более ранних памятниках (*лист*, *добровольно*, *панежство*, см. гл. II), обращает на себя внимание глагол *присягати*, который в великорусском тексте засвидетельст-

вован здесь впервые (ср. КДРС). Русск. *присяга, присягать/присягнуть* рассматриваются обычно как «общеславянские», т.е. праславянские образования посредством приставки *pri-* от *segati* «касаться», т.е. *присяга* значит буквально «прикосновение (к предмету клятвы)» (ср. КЭС 1979, 365; Брюкнер 1970, 445; Махек 1971, 535; Фасмер 1953–1958, II, 434; Сергеев 1978, 19–20). Слова *присага* «клятва», *присагати* «клясться» на самом деле были известны старославянскому языку (Садник, Айцетмюллер 1955, 105) и спорадически попадали и в церковнославянские тексты русской редакции XI в. (Срезневский 1893–1903, II, 1476), но, по-видимому, они не получили распространения в древнерусском языке, в котором употреблялись в синонимическом значении слова *клатва* и *рота*. После введения христианства в Киевской Руси начинает распространяться обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов (Сергеев 1978, 5–19); основным термином в московском деловом языке XIV–XVII вв. для данного понятия оставалось *крестное целование* (обряд крестного целования для XVII в. подробно описан Котошихиным, см. Пеннингтон 1980, 84; ср. Сергеев 1978, 11). Московскому обряду *крестного целования* в памятниках дипломатических сношений кон. XV в. противопоставляется *присяга* как типичный западно-европейский обычай; см. в инструкции московским послам, отправленным к Максимилиану Габсбургу в 1490 г.: «А не захочет Король *креста цѣловати*, а похочет *присягу* дати по своему обычаю, и Король бы далъ *присягу* на докончанной грамотѣ по своему закону» (ПДС 1851, 41). В памятниках сношений Москвы с Польско-Литовским государством слова *присяга, присягати/присягнути* характеризуют речь представителей польско-литовской стороны; см. в речи литовского посла в 1437 г.: «и мы есмо ихъ *присяги* изъ ихъ записовъ не выпустили» (СРИО 1882, № 1, 3) или в записи ответа Казимира IV московским послам в 1489 г.: «бо тот князь Дмитрей намъ и великому князству Литовскому *присягнуль* и записался и докончаніе вчинилъ; про то мы съ тоѣ *присяги* не выпускаемъ» (СРИО 1882, № 9, 40). Слова

140 — *присяга, присягать* могут относиться только к польско-литовской стороне еще в XVI в.; см. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: «поругаючись нашему крестному целованью, что мы к тебе на грамоте крест целовали, и через *присягу* послов своих, которое они учинили за твою душу» (ПИГ 1951, 217), «ты на том *присягал*, что тебе Лифлянской земли доступати» (ПИГ 1951, 229). Слова эти глоссируются еще в московском переводе-редакции Литовского Статута: «*присягнутьъ, сирѣчь кѣрестъ поцелуютъ*» (Лаппо 1916, 35), «очиститься *присягою, сирѣчь крестнымъ целованьемъ*» (Лаппо 1916, 37), «под *присягою* нашею, сирѣчь за *крестнымъ целованьемъ*» (Лаппо 1916, 85) и др. Из текстов, написанных на церковнославянском языке, глагол **присащн** отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., в ветхозаветной книге Неемии, переведенной с латинского: **и присагль на бѣа** (ср. лат. «et adiuravi in Deo», Неем. XIII, 25 — КДРС).

Ранняя история слов *присягати/присягнути, присяга* в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во 2-й пол. XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом, а не продолжают соответствующие церковнославянские слова, засвидетельствованные спорадически в древнерусских памятниках. Повторное заимствование из западнорусского подтверждается тем, что на протяжении XV–XVII вв. эти слова в великорусском употреблялись в качестве экзотизмов — они обозначали не свой, а чужой обычай. Слова эти стали общеупотребительными в русском языке лишь к нач. XVIII в., когда крестное целование выходит из употребления (ср. Сергеев 1978, 14, 22). По свидетельству «Российской грамматики» А.А. Барсова (1783–1788 гг.), в языковом сознании 2-й пол. XVIII в. еще отражалось иноязычное происхождение слова *присяга*. Так, А.А. Барсов, возражая «прежним грамматикам», которые отвергали формы превосходной степени с префиксом *наи-* как «отъ польскаго языка къ намъ пришедшіе», приводит между прочим и аргумент, что «польское ихъ происхождение по сродству польскаго языка съ Россійскимъ чрезъ славенскій не должно имъ

вредить, тѣмъ паче, что и кромѣ того есть польскія слова въ нашъ языкъ принятыя какъ: *присяга, опекунъ*, и проч. то должно и ихъ уже знать и употреблять безъ сомнѣнiя» (Барсов 1981, 486–487).

В западнорусском языке *присяга, присягати/присягнути (присячь)* засвидетельствованы большим количеством примеров уже со второй пол. XIV в. (ССУМ 1977–1978, II, 249, 271). Слова *przysięga, przysięgać/przysięc* с многочисленными дериватами широко представлены в древнепольских памятниках кон. XIV — XV в. (ССтп 1953–2002, VII, 344–355), поэтому можно предположить, что слова *присяга, присягати/присягнути* заменили цсл. *крестное цѣлование, цѣловати крестъ* в западнорусском (ср. ССУМ 1977–1978, I, 512) под польским влиянием (ср. Кохман, Шнигер 1984).

Западнорусская лексика широко отражена в переводе папской грамоты 1472 г., пересказанной в летописях: «Мѣсяца же Іуніа 24 отпустиша царевну Союю изъ Рима за великого князя <...>. И поидоша не тѣмъ путемъ, куды Ѡрязинъ шель, но все (вар.: всю) областію *панежскою* къ морю. А папа по всѣмъ градомъ послалъ *листы* своя, такоже и по мѣстомъ, имиже имъ ити бяше <...>, а пиша имъ, чтобы всѣ князи земель тѣхъ и *панове* честніи и *бискупы* и вся земля, гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы есте ее и чтили и кормъ давали <...>. И по тѣмъ *листомъ панежскимъ* велику честь вси земли тѣ въздаша царевнѣ Союи» (ПСРЛ IX–XII 1965, XII, 147; ср. ПСРЛ XXV 1949, 296). Отметим в связи с этим, что непонятно, почему «изменение маршрута кортежа Софьи — не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике — заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака», как пишет А.Л. Хорошкевич. Нам думается, что этот брак, призванный возвысить авторитет московского государя на международной арене, мог вызвать сопротивление польской дипломатии. Необходимо указать, что выделенные нами в цитированном пересказе папской грамоты полонизмы не свидетельствуют ни о какой-либо роли поляков в подготовке брака Ивана III с Софьей, ни об «участии в переводе польских толмачей» (Хорошкевич 1980,

182, прим. 637). Переводчиками латинской грамоты вполне могли быть выходцы из Западной Руси, находившиеся на службе московской дипломатии. В приведенной цитате нет ни одного слова, которое было бы неизвестным западнорусскому языку, и все они (*бискуп, лист, пан, папежский*) встречаются в памятниках московской церковной дипломатии сер. XV в. (ср. ранее, гл. II). Наличие их в этом тексте свидетельствует лишь о продолжении в 70-е гг. XV в. той традиции использования западнорусского языка в сношениях Москвы с Западной Европой, которую мы обнаружили уже в произведениях о Флорентийском соборе.

Появление латинского «крыжа» и в этот раз вызвало резкое возражение в Москве. Посольство уже приближалось к Москве, когда великому князю стало известно, что «тотъ посол Антонию лягатос идетъ со царевною, а пред ним *крыж* несут» (ПСРЛ XXV 1949, 299), при этом советники Ивана III прямо ссылаются на митрополита Исидора: «нѣсть се бывало в земли нашей, что почести быти Латынской вѣре, учинил бы то един Сидоръ, и он и погипе» (ПСРЛ XXV 1949, 299). После совещания с митрополитом Филиппом Иван III «посла к тому лягату, чтобы не шел пред ним *крыж*, но повелѣ скрыти его» (ПСРЛ XXV 1949, 299).

На западнорусское посредство в русско-итальянских контактах, завязавшихся в связи с посольствами в Рим, указывает и слово *муроль* (*муляръ*) «зодчий», появившееся в летописных известиях 1475 г., когда возвратился из Венеции в Москву посол Ивана III и «привел с собою мастера *муроля*, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем», т.е. Аристотеля Фиораванти (ПСРЛ XXV 1949, 303; ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VIII, 181; ср. Казакова 1980, 96); в том же известии засвидетельствован другой вариант этого слова — *муляръ*: «Венецѣйский *муляръ* Аристотель начать рвы копати на основание церкви Пречистой Богородици» (ПСРЛ XXV 1949, 303; ПСРЛ XVIII 1913, 260; ср. СРЯ 1975–2008, 9, 307). Слово *муроль/муляръ* заимствовано не из итальянского, произошло не от прилагательного *murale* «стенной», как полагает Л.А. Хорошкевич (Хорошкевич 1980, 228), а из за-

паднорусского *мураль*, *мурарь*, *мулярь* (см. Ильенко 1958, 12), заимствованного из польск. *murarz*, *mularz* «каменщик» (Булыко 1972, 209), которое образовано от *mur* «стена» (ССтп 1953–2002, IV, 364–365); форма *mularz* возникла в результате диссимилиации из *murarz* (Брюкнер 1970, 348). В современных белорусском и украинском языках *муляр* «каменщик» является основным названием данной профессии; в великорусском это слово не получило распространения (ср. также образованный от того же корня глагол *муровати*, отмеченный ранее в Хождении неизвестного суздальца на Флорентийский собор).

—
143
—

В том же известии Аристотель также титулуется словом *мистр*: «*Мистр* Венецѣиский Аристотель начат разбивати церкви Пречистыя непадшиа стены новыя» (ПСРЛ XXV 1949, 303). Слово это встречается и в более ранних памятниках, но в другом значении — «магистр рыцарского ордена» (впервые по отношению к магистру ордена на Родосе в Хождении Зосимы 1420 г., см. Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 627–628; позже по отношению к главе немецкого ордена в Прибалтике, см. СРЯ 1975–2008, 9, 178); в значении «мастер» это слово засвидетельствовано здесь впервые (ср. СРЯ 1975–2008, 9, 178–179, где цитируется форма *мистро* из летописного известия 1490 г., относящегося также к итальянскому специалисту: «И приведоша съ собою <...> лекаря, мистро Олена Жидовина, из Вѣнецѣи» — ПСРЛ XXIII 1910, 187). Быть может, форма *мистро* в данном случае представляет собой контаминацию итал. *maestro* и слова *мистр*, заимствованного посредством зап.-русск. *мистр* из польск. *mistrz*, которое вместе с чешск. *mistr* восходит к ср.-в.-н. *meister*, которое заимствовано из лат. *magister* (Булыко 1972, 204; Лиминг 1976, 80). Поэтому форму *мистр* в летописном известии 1475 г. Л. Хорошкевич необоснованно считает словом, вошедшим в русский язык «в венецианском произношении» (Хорошкевич 1980, 228). Эта форма характеризует второй член сложений, заимствованных русским языком из польского через западнорусское посредство, ср. *бурмистр*, *кухмистр* (Гардинер 1965, 152).

Известия о взятии Константинополя турками

144 — На основе некоторых лексических особенностей известий о турках, встречающихся в великорусских летописях и в грамотах государственных и церковных деятелей 60–70-х гг. XV в., можно предположить, что некоторая информация о турецком наступлении в Южной Европе поступила в Москву и в другие великорусские области через Западную Русь или посредством выходцев из Западной Руси, находившихся на службе московской дипломатии. После падения Константинополя в 1453 г. появляется в московских источниках прилагательное *турецкий*, заимствованное из польск. *turecki* (Фасмер, Трубачев 1964–1973, IV 125–126, s. v. *турок* и *Турция*), по-видимому, через западнорусское посредство. В связи с этим необходимо указать, что основной формой прилагательного, образованного от этнонима *турок*, на протяжении XV–XVII вв. и в нач. XVIII в. было не *турецкий*, а *турский* (*турской*) (см. Живов 1982, 340). В ранних известиях о турках в великорусских памятниках выступает обычно *турский*; ср. с цитированной ранее в другой связи заметкой неизвестного суздальца, автора «Хождения на Флорентийский собор», о встрече с сербским деспотом Георгием Бранковичем в 1440 г. в Загребе: «запленено бысть црѣство его серпское от *турьского* царя Амурата» (Хождение 1970, 70; ср. Казакова 1980, 39). В такой же форме засвидетельствовано это прилагательное и в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера по списку нач. XVI в.: «проиде сквозе все рати морския *турского*» (Русские Повести 1878, 61), хотя в этом тексте встречается ряд лексических западнорусизмов (*израда* «измена», *гуфа* «отряд», *башта* «башня», *дело* «пушка», *пицаль* «род огнестрельного оружия», *збруя* «снаряжение» и некоторые другие, см. Штрикер 1979, 173–183); отметим, что около сер. XV в. форма *турский* не была еще чуждой западнорусскому языку; рассмотрим запись о падении Константинополя в Волынской краткой летописи (сп. нач. XVI в.) под 1453 г.: «Попущениемъ

божиимъ взят бысть Царьград царемъ турьскимъ месяца мая 29». В староукраинских грамотах XV в. преобладает уже форма *турецкий* (19 раз, начиная с 1433–1443 гг., ССУМ 1977–1978, II, 450), но отмечается еще и *турский* (3 раза, ССУМ 1977–1978, II, 450). Форма *турский* совпадает с соответствующими прилагательными в южнославянских языках (ср. болг., с.-х. *турски*); можно полагать, что русск. *турский* было заимствовано из этих южнославянских форм, так как по историко-географическим соображениям вполне вероятно, что первые известия о турках могли распространиться как в Западной, так и в Московской Руси посредством балканских славян уже в XIV в.

Наряду с основной формой *турский* довольно рано появляется в великорусских памятниках и полонизм *турецкий*, который указывает на другой канал информации о турках — через Западную Русь. М. Фасмер указывает на Ивана Пересветова, в сочинениях которого ему впервые встретилась форма *турецкий*; у Пересветова, выходца из Западной Руси, как известно, встречается ряд западнорусизмов (см. Тамань 1960, 98–104; Тамань 1961, 198–199). Отметим, что *турецкий* засвидетельствовано лишь в списках одной из редакций (т.н. неполной) сочинений Пересветова, например: «*Турецкий* царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *турецким*, а греческия книги прочет, и написал слово в слово *по-турецки*» (Пересветов 1956, 187); другие примеры см. Пересветов 1956, 188, 189, 193; в т.н. полной редакции читается везде *турской*: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *по турским*, а се греческия книги прочел, и написал слово в слово *по-турски*» (Пересветов 1956, 151). Можно полагать, что в автографе употреблялась западнорусская форма *турецкий*, которая в одной из редакций была заменена более обычной для Московской Руси XVI–XVII вв. формой *турской*.

Указанная М. Фасмером фиксация формы *турецкий* в великорусских памятниках не является самой ранней. Эта форма засвидетельствована уже в 60–70-е гг. XV в.; см. в послании Ивана III новгородскому архиепископу Ионе, датированном 1465–1470 гг., в котором великий князь, ссылаясь на падение

146
—
—

Константинополя, упоминает о том, что там «большіе церкви Божья соборные *турецкий* царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрeяpху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ; ни звону у нихъ нѣтъ, поють безъ звону» (РИБ VI 1908, 711). О западнорусском источнике этой информации свидетельствует и наличие слова *звон* «колокол», отмеченного В.В. Ильенко в сходном контексте в Тверской летописи под 1465 г. (Ильенко 1958, 92). Сравнение этих двух текстов показывает, что, несмотря на диаметрально противоположную интерпретацию того же факта, они восходят к одному и тому же источнику: «Того же лѣта взять былъ Царьградъ отъ *Турского* отъ салтанаа; а вѣры Рускыя не преставилъ, а патриарха не свель, но одинъ въ градѣ *звонъ* отнялъ; у Софіи премудрости Божія и по всѣмъ церквамъ служатъ литургію божественную, и заутреню и вечерню поють безъ звону, а Русь къ церкви ходять, а пѣнія слушаютъ, а крещение Руское есть» (ПСРЛ XV 1965, 495). В общем западнорусском источнике читалось, по-видимому, *турецкий*, которое в летописи заменено формой *турский*, но сохранилось здесь другое западнорусское слово — *звон* «колокол» (ср. укр. *дзвін*, польск. *dzwon* «колокол»). Отметим, что в подобном контексте употребляется слово *звон* и в Большой челобитной Ивана Пересветова: «<...> Махмет-салтан, *турецкий* царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял <...>, и красоту церковную обезчестил, *звоны* церковныя поотымал, и кресты с церковей снимал, и образы чудотворныя из церковей повиносил, и в церквах мезгити поделал на свои скверныя молитвы» (Пересветов 1956, 205; ср. в полной реданции: «<...> турецкой царь <...> звон церковный поотнимал <...>», Пересветов 1956, 178 — КДРС). Слово *звон* употреблялось в великорусских памятниках XV–XVI вв. в других значениях («действие по глаг. *звонити*», «звучание, звук колокола, звон», «звук, гул, отзвук» и др., СРЯ 1975–2008, 5, 356–357; с западнорусским *звон* «колокол» может быть связано только отмечаемое с XVI в. значение «несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания», см. СРЯ 1975–2008, 5, 356–357).

На то же событие — взятие Константинополя турками — ссылается и митрополит Филипп в своей грамоте нов-

городцам 1471 г.: «а какъ оставя истину, да съединился Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною <...>, не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ *Турьцкихъ* ли рукахъ и нынѣ?» (АИ 1841, 514); форма *турьцкий* является контаминацией форм *турский* и *турецкий*. По-видимому, более редкая форма *турецкий* в кон. XV в. воспринималась как более высокая, чем общеупотребительная форма *турский*; во всяком случае, в исповедании епископов времени митрополита Симона (1495–1511 гг.) употреблялся как раз полонизм по происхождению *турецкий*, а не общая с южнославянскими языками форма *турский*: «Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ [после Спиридона Сатаны. — А.З.] когда случится кому приити на Кіевъ отъ Рима латинскаго, или отъ Царяграда турецкія дрѣжавы» (РИБ VI 1908, 451–452, прим. 3; ср. Малинин 1901, 483).

—

—

Слово *турецкий* засвидетельствовано также в Псковской II летописи (сп. кон. XV в.) под 1485 г.: «Того же лѣта вольньскыи [д.б. волошский, т.е. «молдавский». — А.З.] воевода Стефанъ и угорскыи царь и ляцькыи литовьскыи князь великыи король Андрѣи съ всѣми своими князми, и понаимовавше множество *жолнырей* немецких, идоша на поганого царя *турецкого* и отняша преже Бѣлгород и по том Келию град вольньскыи» (Псковские летописи 1941, II, 67). О западнорусском источнике этого известия свидетельствует и слово *жолнырь* «наемный солдат» (< польск: *żołnierz*, см. Фасмер, Трубачев 1964–1973, II, 61; Лиминг 1976, 107).

В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом употребляется в кон. XV — нач. XVI в. обычно *турский* (СРИО 1884, 74 et passim), форма *турецкий* встречается редко, например, в инструкции русским послам 1502 г., сформулированной, по-видимому, западнорусским писцом, находившимся на службе московской дипломатии: «да и про *турецкого* ему пытати, где будет и с ким *валчит*» (СРИО 1884, 405; ср. Сергеев 1972, 43–44); на западнорусского автора указывает здесь *валчити* «воевать». В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским форма *турецкий* характеризует сначала

ла только высказывания польско-литовской стороны; см. в ответе польского короля московским послам в 1490 г.: «ещо и чужій товаръ брали *турецкихъ купцовъ*» (СРИО 1882, 46), однако со временем этот вариант закрепляется в документах московской дипломатии; например, в ответе Ивана III польско-литовским послам 1498 г.: «А мы, коли ещо хотѣли <...> своихъ пословъ слати до Менли-Гирея и до *турецкого*» (СРИО 1882, 248) или в речи московских послов в Литве: «А что послы наши ходять до перекопского и до волошского и до *турецкого* <...>» (СРИО 1882, 254).

Таким образом, если и не подлежит сомнению, что из вариантов *турецкий* и *турский* последний был основным, общеупотребительным в великорусском языке XV в., каким он и оставался до нач. XVIII в., то в определенных сферах письменности (в языке дипломатии, а также в некоторых памятниках церковной письменности) уже в 60–70-е гг. XV в. появляется вариант *турецкий*, который впоследствии (в XVIII в.) вытесняет вариант *турский*.

Представленный материал позволяет сформулировать некоторые выводы:

—

1. Использование лексических элементов западнорусского языка великорусским дипломатическим языком в общении с Западной Европой имеет более древнюю традицию, чем принято считать на основе посольской документации Московского государства, сохранившейся с кон. XV в. (1487–1488 гг). Языковая практика, которая наблюдается в памятниках дипломатических сношений кон. XV в. и впоследствии прослеживается на протяжении XVI–XVII вв. в документах Посольского приказа, засвидетельствована уже для языковой практики членов русского церковного посольства на Флорентийский собор 1439 г. Непрерывность традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии на протяжении 40–70-х гг. XV в. подтверждается сохранившимися или пересказанными в летописях документами как церковной, так и государственной дипломатии. Таким образом, отмеченное исследователями наличие большого числа западнорусских слов не только в документах сношений с Польско-Литовским государством, но также с другими европейскими странами, в частности, с Германией, не является новшеством кон. XV в., а продолжением традиции, сложившейся уже в 1-й пол. XV в.

—

2. Западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой благодаря тому обстоятельству, что по историческим причинам этот язык в качестве административного языка восточнославянских областей Польско-Литовского государства стал эквивалентом средневековой латыни, употреблявшейся в качестве административного языка в других областях этого государства и в то же самое время функционировавшей

в качестве языка дипломатии во всей Центральной и Западной Европе. Таким образом, под прямым влиянием латыни или, чаще всего, под влиянием ее польского разговорного субстрата западнорусский язык обогатился рядом терминов, соотносимых не только с польскими, но вообще западноевропейскими реалиями и понятиями. Близкое языковое родство (и в целом отсутствие каких-нибудь следов, которые указывали бы на отражение в языковом сознании XV в. факта распада восточнославянской языковой общности) позволило московским дипломатам воспринимать эти термины западнорусского языка как свои, великорусские экзотизмы, и использовать их для передачи западноевропейских реалий и понятий в сочинениях, предназначенных для великорусских читателей. Можно полагать, что наличие именно западнорусской экзотической лексики в великорусских текстах, рассказывающих о контактах с разными западноевропейскими странами, объясняется тем, что в этих контактах с западноевропейской стороны в качестве языка-посредника выступала латынь, а с великорусской стороны — соотносимый с нею западнорусский язык. На такую языковую практику указывает и то обстоятельство, что в московских переводах с латыни XV в. постоянно встречаются западнорусизмы.

3. Закреплению элементов западнорусского языка в языке московской дипломатии несомненно способствовало и то обстоятельство, что окончательное разделение русской церкви наступило намного позже основного политического разделения восточнославянских земель между Литвой и Москвой. Как показал анализ документов, вышедших из канцелярии последнего общерусского митрополита Ионы (1448–1461 гг.), в годы его правления и западнорусской, и восточнорусской церковью (1451–1458 гг.), в московской митрополичьей канцелярии составлялись документы и на западнорусском языке. Документы эти были адресованы в большинстве случаев государственным и церковным деятелям Литовской Руси, но на основе двух западнорусских грамот митрополита Ионы, адресованных в Казанское ханство, можно предположить, что в практике митрополичьей канцелярии западнорусский язык воспринимался как язык дипломатии вообще.

4. Язык дипломатии, хотя и обслуживал специфическую сферу общения с иностранцами, не мог быть герметически изолированным от других сфер применения великорусского административного языка. Единичные западнорусские слова проникают и в те грамоты митрополита Ионы, которые адресованы в великорусские области; можно даже утверждать, что некоторые западнорусизмы, как например, элементы великокняжеского титула *господарь*, *отчичь* и *дюдичь*, были введены в великорусский деловой язык сознательно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что около сер. XV в. западнорусизмы характеризуют прежде всего те московские великокняжеские грамоты, которые так или иначе связаны с деятельностью митрополита Ионы, что дает основание предположить, что к их составлению была причастна митрополичья канцелярия. Язык церковной дипломатии, таким образом, мог оказать влияние как на язык документов государственной дипломатии, так и на язык актов внутреннего управления.

—
151
—

5. Опыт — в том числе и языковой опыт — московской церковной дипломатии, накопленный начиная с участия во Флорентийском соборе, был использован, по-видимому, московской государственной дипломатией, когда Москва при Иване III завязала дипломатические контакты с рядом европейских стран. Летописные известия 1469–1475 гг., пересказывающие несохранившиеся документы дипломатических сношений Московского государства с папским двором и с итальянскими городами, однозначно подтверждают, что государственная дипломатия продолжала ту же языковую практику, которая сложилась раньше в церковной дипломатии.

6. Анализ лексики памятников московской церковной и государственной дипломатии XV в. позволяет считать язык дипломатии важным каналом проникновения в великорусский деловой язык западнорусской лексики, в том числе прочно усвоенных западнорусским языком лексических и семантических европеизмов. Правда, большинство из анализируемых, около 50 слов, оставалось на периферии русской лексики не только в пределах XV в., но и позже, на протяже-

нии XV–XVII вв.; они употреблялись в великорусских текстах в качестве экзотизмов, для обозначения чужих понятий и реалий. Однако позже, в нач. XVIII в., когда возникла потребность в словах, точно соотносимых с соответствующими словами западноевропейских языков, некоторые из них, например *право*, *присяга*, *справедливый*, вошли в основной словарный фонд русского литературного языка, вытеснив или оттеснив на периферию свои традиционные церковнославянские эквиваленты. Бытование таких слов в языке великорусской дипломатии XV–XVII вв., а также в переводных памятниках XVI–XVII вв., с точки зрения истории русской литературной лексики, можно назвать их предысторией.

7. Знание предыстории таких великорусских слов, особенно тех, которые состоят из одних славянских морфем и на фоне русской литературной лексики не отличаются никакими признаками заимствованных слов, приобретает первостепенную важность при изучении межславянских языковых контактов. Как раз то обстоятельство, что некоторые великорусские слова, прежде чем стать элементами общепотребительной русской литературной лексики, на первых порах их бытования в великорусских памятниках употреблялись в качестве экзотизмов или в составе языковых клише дипломатических документов, позволило в некоторых случаях «поймать с поличным» трудно уловимую иначе миграцию отдельных слов и лексических значений из одного близкородственного языка в другой и тем самым доказать миграционный характер некоторых великорусских слов и лексических значений, считавшихся на основе их общеславянского распространения принадлежностью праславянского наследия, как например, *господарь* > *государь* «монарх», *господарство* > *государство*, *добровольно*, *доход*. Выявление межславянских заимствований имеет значение как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии русского языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ

—
155
—

Изучение польско-русских языковых контактов страдает некоторой односторонностью, заключающейся, как это ни парадоксально, в двусторонности, т.е. в их трактовке именно как польско-русских, а не осложненных украинско-белорусским посредничеством. Несмотря на то что в исследованиях последних десятилетий обычно признается роль украинского и белорусского как активных посредников в заимствовании русским языком многих лексических полонизмов (ср. Кохман 1967, 101; Кохман 1971–1974, IV, 15–16; Кохман 1975, 22–27; Собик 1969, 163–167), остается все еще много неясностей в интерпретации фактов, содержащихся в некоторых памятниках, возникших, несомненно, на великорусской языковой территории, но адресованных политическим деятелям Польско-Литовского государства и содержащих, как правило, больше полонизмов, чем обычно. К таким памятникам относятся, в частности, послания Ивана Грозного к Стефану Баторию (ПИГ 1951, 213–238) и польско-литовским магнатам¹.

В литературе, посвященной этому вопросу, преобладает убеждение, что употребление полонизмов в указанных посланиях имеет стилистический характер, и, следовательно, польская по происхождению лексика у Ивана Грозного рассматривается как индивидуальное стилистическое средство в рамках якобы однородных в языковом отношении документов.

¹ Послания Полубенскому (ПИГ 1951, 197–204), Яну Ходкевичу (ПИГ 1951, 205–207), а также приписываемые с большой вероятностью Ивану Грозному послания от имени бояр: четыре послания Сигизмунду II Августу (ПИГ 1951, 241–246, 249–254, 257–264, 274) и четыре послания Григорию Ходкевичу (ПИГ 1951, 247–248, 255–256, 265–273, 275–277).

—
156 —
Такая трактовка полонизмов у Грозного берет свое начало от исследований В.М. Тамань (Тамань 1953; ср. также Тамань 1960, Тамань 1961), которая в свое время пришла к выводу, что «польская лексика в языке посланий Ивана Грозного используется в стилистических целях как средство выражения брани, иронии, сарказма и свидетельствует лишь о том, что русский царь знал польский язык и умело пародировал его» (Тамань 1960, 124); по мнению автора, «у Ивана Грозного польская лексика обычно бывает эмоционально окрашена, служит выражением негодования, досады: *фалишеры, паны, бискупы, зрадцы, опаты, лотры, машкарство, нецнотный, зрадный, дуда, блазн* в употреблении Ивана Грозного означают “лгуны, обманщики”, “изменники, предатели”, “разбойники, мошенники”, “шутовство, скоморошество”, “безчестные, подлые люди”, “шуты, дураки”. *Омыляют* значит “обманывают”, *голдовники* “подчиненные люди, которые обязаны платить дань, холопы, данники”. Настоятелей католических монастырей Грозный называет не *игуменами*, а только *опатами*» (Тамань 1961, 200). Это «остроумное», по выражению Д.С. Лихачева (Лихачев 1979, 205), замечание В.М. Тамань, судя по новейшим работам, касающимся этого вопроса, все еще накладывает свой отпечаток на интерпретацию полонизмов в языке указанных посланий Ивана Грозного.

Не выходит за рамки стилистической интерпретации полонизмов также А.В. Исаченко, который в качестве иллюстрации приводит следующий отрывок из послания Грозного к Баторию от 29 июня 1581 г. (ср. ПИГ 1951, 213–214), выделяя в нем полонизмы:

«Что прислал еси нам гонца своего Хриштофа Держка з грамотоу, а в грамоте своей к нам писал еси, что послы наши великие <...> *до тебя пришли з листом* нашим верующим, в котором пишем *до тебя, абых ты* им веру дал, чтоб они именем нашим тебе *мовили*. *Якож* они *объявили* тебе, иж з *зупелною наукою* пришли на *покой хрестьянский становити*, а *кгда* еси *позволил* им с *паны радами* твоими *намовы чинити*, они *чотыре замки* в *земли Лифлянской* <...> в *сторону нашу мети* хотели и *ещо домовлялися*

к тому городов, которые *прошлого лета за помощью Божьею в руки твои пришли, зачем, дела не зделавши, отправлены от тебя быти мели*»².

По мнению А.В. Исаченко, в такого рода посланиях проявляется «хамелеонская» способность Грозного приспосабливаться к языку адресата; автор даже задает себе вопрос, почему эта грамота не была написана прямо по-польски, т.е. польской латиницей (Исаченко 1980, 267). Мы еще вернемся к этому отрывку; здесь отметим только, что приведенная цитата может ввести в заблуждение неосведомленного читателя, внушая представление, будто бы вся грамота была выдержана в подобном «стиле», что, однако, в действительности отнюдь не так.

Самое удачное, на наш взгляд, объяснение действительных причин наличия столь многочисленных полонизмов в посланиях Грозного к польско-литовским адресатам было дано С.О. Шмидтом (Шмидт 1958, 256–265), который язык посланий Грозного рассматривал, между прочим, с точки зрения их связи с деловой письменностью данной эпохи. Послания Грозного к польско-литовским адресатам, по С.О. Шмидту, несмотря на их индивидуальные черты, подчиняются принятым в то время жанровым требованиям деловой переписки. «Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которой принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким <...>. Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснять и наличие в некоторых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности полонизмов и западно-

² Исаченко 1980, 266–267. Курсивом А.В. Исаченко выделил лексические, семантические и синтаксические полонизмы; этимологические объяснения к ним даются им там же в подстрочных примечаниях.

русизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию» (Шмидт 1958, 258–259). В дальнейшем автор, к сожалению, не продолжает этот, единственно плодотворный, на наш взгляд, ход мыслей, который должен привести к выводу, что и послание Баторию 1581 г., будучи ответным письмом, должно содержать «близкие к тексту, иногда дословно близкие» совпадения с тем письмом Батория, на которое отвечает Грозный в данном послании, и, имея в виду, что дипломатическая переписка Польско-Литовского государства с Москвой велась на западнорусском деловом языке, в основе ответа Грозного должен был лежать документ на этом языке. Как это будет показано далее, полонизмами особенно насыщены как раз те части этого послания, в которых пересказывается письмо Батория и цитируются другие дипломатические документы на западнорусском языке. С.О. Шмидт, имея уже в руках ключ к решению проблемы, вместо того чтобы воспользоваться им, возвращается к стилистической интерпретации полонизмов, близкой к концепции В.М. Тамань. Рассмотрение языка посланий Грозного приводит автора к следующим выводам: «Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковнославянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства» (Шмидт 1958, 264–265). Не оспаривая утверждения автора о соотношении церковнославянских и простонародных элементов в указанных посланиях, которое объясняется общей языковой ситуацией (церковнославянско-русской диглоссией) в Московском государстве XVI в., нам представляется нужным и возможным дать другое освещение вопросу о полонизмах в языке посланий в Польшу. Уточнения требует также опре-

деление «слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства». Во второй пол. XVI в. это, скорее, слова, употребительные в восточных областях Речи Посполитой, т.е. лексические элементы западнорусского делового языка, общего в своих основных чертах для украинской и белорусской народностей.

Выводы С.О. Шмидта — как заключительные, так и те, в которых говорится о зависимости языка посланий в Польшу от легших в основу ответа предыдущих грамот адресата, — обширно и в основном сочувственно цитируются в новейшем обстоятельном исследовании о стиле Грозного (и Курбского), принадлежащем Д.С. Лихачеву. Цитированное нами выше наблюдение С.О. Шмидта о жанровых особенностях ответных документов Д.С. Лихачев считает только частичным объяснением: «однако частичное объяснение это не отменяет другого: зависимости стиля Грозного от его поведения, обусловленного, в частности, актерством Грозного» (Лихачев 1979, 196).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оба крупных ученых, изложивших в последние годы свое мнение по интересующему нас вопросу — А.В. Исаченко и Д.С. Лихачев — приписывали наличие полонизмов в посланиях Грозного индивидуальному стилю русского царя («хамелеонское» приспособление к языку адресата» у А.В. Исаченко, «актерство» у Д.С. Лихачева).

Нам представляется, однако, что употребление полонизмов в посланиях Грозного к польско-литовским адресатам имеет более прозаичные причины. Ниже мы попытаемся доказать это на примере послания Ивана Грозного к Стефану Баторию от 29 июня 1581 г.³ Если следовать предположениям С.О. Шмидта, данное послание как ответное

³ Мы ограничимся рассмотрением первой части этого послания (ПИГ 1951, 213–227), сохранившейся в московском списке, приблизительно современном написанию памятника, оставляя пока в стороне вторую часть (ПИГ 1951, 227–238), известную только в западнорусском списке, сохранившемся в составе Литовской метрики. Ср. археографический обзор Я.С. Лурье (ПИГ 1951, 573–574).

160 — письмо должно содержать пересказ предыдущего письма Батория. Странно, что авторы, посвятившие специальные исследования языку посланий Грозного, в том числе и это- го, не обратили серьезного внимания на письма Батория к Грозному, несмотря на то что в комментариях Я.С. Лурье имеются прямые указания на эти письма. Комментарии да- ются Я.С. Лурье к изданию, которым пользовались сами ав- торы (ПИГ 1951, 656–668). Поэтому мы считаем уместным привести здесь полный текст грамоты польского короля к Ивану Грозному в сопоставлении с начальной частью от- ветного послания русского царя:

*Грамота Стефана Батория
к Ивану Грозному
от 4 июня 1581 г.:*

Отъ Великого Господара Стеоана, Божою милостью Короля Полского, Великого Князя Литовского, Руского, Пруского, Жомойтского, Ма- зовецкого, Лиолянтского, Кнежати Седмикротского и иныхъ — Великому Господару, Князю Ивану Васильевичу, Божию милостью Господару всея Руси, и Великому Князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казаньскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Перм- скому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ.

Послы твои великие, двора- нинъ твой и наместникъ Му- ромский Остаеи Михайловичъ Пушкинъ, а дворянинъ твой и Наместник Шатский Ѳедоръ Писемский, а дьякъ Иванъ

*Грамота Ивана Грозного
к Стефану Баторию
от 29 июня 1581 г.:*

Всемогуция святыя и живо- началныя троицы, отца и сына и святого духа во единстве по- кланяемаго, истиннаго бога на- шего, всеодержительныя десни- цы его непобедимые милостию мы, смиренный Иван Васильевич сподобихомся носители быти крестоносные хоругви и креста христова Росийскаго царствия и иных многих государств и царств и скифетродержатель ве- ликих государств царь и великий князь всеа Русии <...> по божью изволенью, а не по многомятеж- ному человечества хотению, Сте- фану божью милостию, королю Польскому, и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемойцкому, Мазовецкому, княже Седмиградцкому и иных.

Что прислал еси к нам гон- ца своего Хриштофа Держка з

Андреевъ, сынъ Трифанова, до насъ пришли з листомъ твоимъ верущимъ, в которомъ пишешъ до насъ, абыхмо имъ веру дали, штобы они имене-мъ твоимъ намъ мовили. Яко жъ они объявили намъ, ижъ зъ зупольною наукою пришли на покой хрестиянский становити. А кгда есмо имъ позволили с паны радами нашими намовы чинити, они чотыри замки въ земли нашей Июлянтской: Новгородокъ Июлянтский, Серенескъ, Адежь и Ругодевь, у сторону твою мети хотели: и еще домавлялися к тому городовъ, которые прошлого лета за помочью Божою у руки наши пришли. За чимъ дела не зделавшы, отправены отъ насъ быти мели, а за тымъ просили, абыхмо дозволили имъ послати до тебе по науку о всихъ делехъ, которые имъ объявляны отъ насъ, каковымъ обычаемъ межи нами приязни статися пригожо. Чого есмо имъ позволили. И ты бы, углянувши в писанье своехъ пословъ, во всехъ тыхъ речахъ науку достаточную имъ далъ, и моцъ зупольную на листе своемъ отвористомъ прислалъ, за которымъ бы листомъ, посломъ твоимъ, дела таковыя становити и доканчивати можно на покой хрестияньский ку стверженью приязни и братства межи нами, а намъ бы имоверно ку застановенью покою приходити. А посылалъ бы еси до пословъ своихъ з наукою и з моцью супольною

грамотою, а в грамоте своей к намъ писал еси, что послы наши великие, дворянин наш и наместник Муромской Остефей Михайлович Пушкин, а дворянин наш и наместник Шацкой Федор Писемской, а дьяк Иван Ондреев сын Трифанова до тебя пришли з листом нашим верующим, в котором пишем до тебя, абых ты им веру дал, чтоб они именем нашим тебе мовили. Якож они объявили тебе, иж з зупольною наукою пришли на покой хрестьянский становити, а кгда еси позволил им с паны радами твоими намовы чинити, они чотыре замки в земли Лифлянской — Новгородок Лифлянский, Серенск, Адеж и Ругодив в сторону нашу мети хотели и еще домавлялися к тому городов, которые прошлого лета за помочью божьею в руки твои пришли, зачем, дела не зделавши, отправлены от тебя быти мели. А затым просили, абых еси дозволил им послати до нас по науку о всех делех, которые им объявлены от тебя, каковым обычаем межи нами приязни статися пригоже, чего еси им позволил. И нам бы, углянувши в писанье своих послов, во всех тых речах науку достаточную им дати и моцъ супольную на листе отвористом прислать, за которым бы листом послы наши дела таковыя становити и доканчивати могли на покой хрестьянский к утверждению приязни и братства межи нами; а тебе бы

и достаточно не мешкаючи, кгдажь намъ войска зобраные держати въ панстве нашомъ шкода, а, приведши ихъ ближе къ границамъ, тогда бы и твоему панству от нихъ без шкоды не было. А што есмо посломъ твоимъ велели припоменути о городокъ Себежъ, на земли Полоцкой збудованый, вчинили есмо то не для которого пожитку, только для того, абы приязнь постановленная сволными людьми межи насъ не была нарушена, кгдажь около Себежа везде села и люди Полоцкие суть, а намъ бы миритися межи себе такъ, какъ бы дело доброе непорушне утвержалосе на добро хрестиянское, а межи насъ бы приязнь множилася: ведь же то пуцаемъ на баченье и уваженье твое. А мы для добра хрестиянского тымъ малымъ деломъ большихъ порушити не хочомъ.

А которые люди наши невинные купецкие задержаны суть в земли твоей, тыхъ абы еси со всеми маетностями ихъ теперь доброволне выпустити казаль, чымъ намъ знакъ прихилности своее къ доброму з нами пожитью окажешъ. А зъ симъ листомъ нашимъ послали есмо до тебе дворянина нашего Криштоа Держка, ты бы, ни чымъ его не задерживаючи, к намъ отпустилъ, ижъ бы онъ на рокъ, который есмо посломъ твоимъ назначили, до насъ быти не омешкалъ. Писанъ у Вилни, лета Божъя нарожденья 1581, месяца Июня 4 дне.

КПМЛ II 1843, 139–140.

имоверно къ застановенью покою приходити. А посылати бы нам до послов своих с наукою и с мощью супольною и достаточно не мешкаючи, гды ж тебе войска собранные держати в панстве своем шкода, а приведши ихъ ближе къ границе, тогда бы и нашему панству от нихъ без шкоды не было. А что еси послом нашим велел припомянути и город Себеж на земли Полоцкой збудованый вчинил еси, то не для которого пожитку, толко для тово, абы приязнь поставленная свольными людьми меж нас не была нарушена, кгда ж около Себежа везде села и люди полоцкие суть; а намъ бы миритися межи себя так, какъ бы дело доброе непорушне утвержалося на добро хрестьянское, а межи насъ бы приязнь множилася.

Ведь же то пуцаешь на баченье а уважение наше, а ты для добра хрестьянсково тым малым делом болших дел порушити не хочешь. А которые люди твои невинные купецкие задержаны суть в земли нашей, и тых абы нам со всеми маетностями их теперь доброволне выпустити казали, чим тебе знак приходности твоей къ доброму с тобою пожитью окажем. А с сим листом с своим послал еси до нас дворянина своего Хриштофа Дершка и намъ бы, ничем его не задерживая, к тебе отпустить, ижъ бы он на рок, который еси послом нашим значил, до тебя быти не омешкал.

ПИГ 1951, 213–214.

Из сопоставления видно, что цитированная часть послания Грозного является, по сути дела, *копией* грамоты Батория. Языковая обработка сводится, собственно говоря, к замене первого лица вторым и обратно, следуя логике ответного письма, что и отмечено Я.С. Лурье (ПИГ 1951, 657). При этом сохраняются не только лексические, семантические, грамматические и синтаксические особенности западнорусского оригинала, но не стираются целиком даже некоторые орфографические черты (напр., *кгды*). Разумеется, небезынтересно и то, что изменилось (напр., в титуле Батория форма *седмикгротский* < польск. *siedmiogrodzki* «транильванский» автоматически заменяется церковнославянской формой *седмиградский*; неправильная замена 1-го лица мн. ч. Батория *абыхмо имь веру дали* 2-м лицом ед. ч. В виде *абых ты им веру дал* неправильная передача непонятого, по-видимому, места *чымь намь знакъ прихилности своее ку доброму з нами пожитью окажешь* искаженной по смыслу фразой *чим тебе знак приходности твоей ку доброму с тобою пожитью окажем* и др.), но подробное рассмотрение всех отклонений от переписываемого образца выходило бы за рамки настоящей статьи.

—

163

—

Такая же насыщенность полонизмами (следует отметить, что, в первую очередь, это — западнорусизмы; другое дело, что они в западнорусском являются обычно заимствованиями или кальками из польского) характеризует и те места рассматриваемого послания Ивана Грозного, где он ссылается на более ранние дипломатические заявления польских королей:

Из инструкции польско-литовским великим послам, отправленным в Москву 20 декабря 1558 г.:

Господарь нашъ,
Кгды насъ, послы свои, от-
правовальдо тебе, брата своего,
поручиль намъ не только меж
собою и тобою, братомъ сво-
имъ, постановень чинити, але
и все Христианство радъ бы,

*Из грамоты Ивана Грозного
к Стефану Баторию
от 29 июня 1581 г.:*

<...> От лета семь тысяч шезде-
сят семаго, как присылал кроль
Жигимонт Август послов своих
воеводу подляшского пана Ва-
силья Тишкевича с товариши,
а с ними к нам приказывал о
лифлянтех, кабы о чужой земле:

его милость, успокоено видель,
и велель тебе, брату своему, го-
ворити:

Кгды ты, братъ нашъ, скло-
няешся ку доброму, яко и самъ
ку намъ сказываешъ, хотячи пе-
чаловати о высвобоженъи Хре-
стианскомъ, мы ижъ быхъмо
ради видели все доброе межи
Христианъ, а ведаючи ижъ ты,
братъ нашъ, вальку ведешъ зъ
закономъ реши Немецкое,
земли Лиолянтское, которихъ
Цесарь, его милость и реша Не-
мецкая не опустятъ, подобно
кромъ обороны, щого бы пото-
мъ могло ку немалому зашстью
и розлитью крови прийти. А къ
тому, ижъ княже Брандебор-
ский Вильгелмъ арцибискупъ
Ризьский есть кровный нашъ,
для которого кривды мы на
тую землю прошлого году сами
особою нашою Господарьскою
тегнули есьмо; ведь же кгды ся
они узнали въ своемъ выступе
и насъ просили, мы стерегучи,
абы кровь Христианская не
розливалася, и привергнувъши
князя арцибискупа во всемъ
ку первой его достоинности
упокоренье, а прозбу отъ нихъ
есьмо приняли, а не казечи зем-
ли, при всемъ ихъ зоставили,
кгдыжъ Христианы суть. А про
то и тебе, брата нашего, напоми-
наемъ, абы еси стерог кровопро-
литья Христианьского, а звла-
ща съ княземъ арцибискупомъ
Ризскимъ, кровнымъ нашимъ
спокойне ся заховаль.

КПМЛ I 1843, 149–150.

что государь их им поручил, не
толко меж собою и нами поста-
новенья учинити, но и все хре-
стьянство в покое рад видети;
а ведаючи то, что мы валку ве-
дем з законом Реши Немецкие
земли и Лифлянские, чего не
опустят цесарь и Реша Немец-
кая, а к тому, что княже Бран-
доборский Вильгер, арциби-
скуп Рижский — кровный его,
для которого кривды на ту
землю прошлого году тягнул,
докуды ся узнали в своем вы-
ступе и его просили и он, при-
вернувши князя арцибискупа
во все прежнее его достоинст-
во, и их просьбу принял, а их
земли не казючи, что крестьяне
суть, про то и нас напомина-
ет, чтобы есмья стерегли кро-
вопролитья хрестьянского,
а лутчи со князем арцибиску-
пом Рижским, с кровным его,
покойне ся заховать.

ПИГ 1951, 224.

Из инструкции польско-литовскому послу Мартину Володковичу, отправленному в Москву в кон. 1559 г.:

<...> И ты, братъ нашъ, о дела давно зашлые постановенья зъ нами не вчинивши, и еще якобы не хотячи доброго въ Христианъстве видети, меноваль еси Июлянты своими данъники, которая земля отъ Цесарства Христианъского здавна оalebнымъ продкомъ нашимъ ку отъчизьному панъству Великому Князству Литовъскому подана подъ моцъ и въ оборону, якожъ то и недавно прошлыхъ часовъ они отновили. <...> приездилъ до насъ мистръ прийдучий тое земли, княже Кетлеръ съ послы отъ всего закону, жалобливе передъ маестатомъ нашимъ припадаючи <...>

КПМЛ I 1843, 179–180.

Из грамоты Ивана Грозного к Стефану Баторию от 29 июня 1581 г.:

<...> А после того прислал к нам король Жигимонт Август лета семь тысяч шестьдесят осмаго своего посланника Мартына Володкова, и с ним к нам приказывал о Лифлянской земле, что она издавна предком его от цысарства хрестьянского подданна ко отчинному панству их к великому княжеству Литовскому под мочь и в оборону. <...> А в грамоте своей писал, что княжате, мистр Кетлер и иные, втеклися припадаючи до маистаду его.

ПИГ 1951, 225.

—

—

Слово *маестат* встречается еще в одном месте, также явно цитатного характера (ПИГ 1951, 662):

Грамота Стефана Батория к Ивану Грозному от 26 июня 1579 г.:

<...> над то еще твои послы кгды передъ маестать нашъ были возвани <...>

КПМЛ II 1843, 45.

Грамота Ивана Грозного к Стефану Баторию от 29 июня 1581 г.:

<...> и в той твоей грамоте написано, что послы наши «перед маистад твой возвани» <...>

ПИГ 1951, 219.

Полонизмы, содержащиеся в приведенных выше отрывках послания Грозного, которые имеют прямое соответствие в цитированных западнорусских текстах, составляют большинство такого рода лексики в языке послания (морфологи-

ческие и синтаксические полонизмы встречаются почти исключительно только в этих местах). В остальных же частях послания полонизмов намного меньше. Это чаще всего слова, которые в великорусском языке 2-й пол. XVI в. можно считать экзотизмами, т.е. словами, обозначающими характерные реалии других народов, в данном случае польско-литовские, и вообще, западноевропейские, «католические» реалии. Употребление этих слов в великорусских памятниках в рассматриваемую эпоху уже не ограничивается сферой дипломатической переписки Москвы с Польско-Литовским государством, они засвидетельствованы также в летописях и исторических повестях при описании событий, связанных с западными соседями Московской Руси. К экзотизмам можно отнести, в частности, названия польско-литовских учреждений и должностных лиц: *паны, рада (радные), урядник, княжа, ротмистр, бискуп, арцибискуп, мистр, люторство, Коруна Польская* (в значении «Польша»). К экзотизмам следует причислить слова *присяга, присягать, предок, лист*, противопоставление которых с их великорусскими соответствиями *крестное целованье, крест целовать, прародитель, грамота* выдержано довольно последовательно (Кохман 1971–1974, III, 34). *Присяга, присягать* может относиться только к Баторию (ср.: «поругаючися нашему крестному целованью, что мы к тебе на грамоте крест целовали, и через присягу послов своих, которое они учинили за твою душу» (ПИГ 1951, 217); неправильное согласование *присягу... которое* объясняется, по-видимому, интерференцией более обычного для писца в этом значении слова *крестное целованье*); исключение составляют только те случаи, когда Грозный ссылается на высказывания польско-литовских деятелей («и после того панове твои учили говорити, будто мы через присягу вступились...», ПИГ 1951, 225; «а у панов твоих то и слово: о лифлянты воюет, порушил присягу, порушил опасной лист», ПИГ 1951, 226). Последняя цитата характерна и для контекстов, в которых употребляется западнорусский термин *лист* по отношению к московскому документу (ср.: «и после того почали паны твои рада говорити, что мы присягу и листы свои опасные порушили», ПИГ 1951, 225). Слово

предок употребляется только по отношению к предкам польского короля, по отношению к предкам царя выступает лишь *прародитель* («а и в предках твоих тово не бывало»; «а коли тех прежних государей *пишешь предки своими*», ПИГ 1951, 217; ср. характерное противопоставление: «будет пак у тебя *твоих предков* о Лифлянской земле, *наших прародителей* и наши грамоты есть какие», ПИГ 1951, 225). Кроме этих западнорусизмов, прочно закрепившихся (хотя бы в качестве экзотизмов) к этому времени в русском языке, к экзотизмам примыкают и те слова, которые как раз в эту эпоху входят в русский язык: *израда*, *израдца*, *израживати* «измена, изменник, изменять»; *побожный* «набожный»; *подданный*, *причина* (последнее у Грозного, судя по контексту, употребляется в значении «прецедент»: «а и в предках твоих тово не бывало <...> как ты учинил новую *причину*», ПИГ 1951, 217), которые впоследствии получают в русском языке меньшее (*израда* и др., *побожный*) или большее (*причина*, *подданный*) распространение⁴. Сюда же можно отнести и морфонологически еще не освоенное *постановенье* (вм. обычного в великорусских документах *докончанье*⁵, ср.: «а нашим послом мирного *постановенья* не уметь зделатьти», ПИГ 1951, 223). Варваризмов же, т.е. слов и выражений,

—

167

—

⁴ Слово *израда* и производные встречаются в памятниках XVII в. (см. Тамань 1960, 107; Кохман 1967, 153, Собик 1969, 225–226); они окончательно выходят из употребления в нач. XVIII в., см. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в., языковые контакты и заимствования. Л, 1972, 296; *побожный* часто встречается еще и в языке писателей XVIII в., как устаревшее отмечается в словаре Даля, см. Кохман 1975, 91–92; о слове *подданный* см. Кохман 1967, 130; Кохман 1972, 51; Пеннингтон 1980, 391–392; о слове *причина* см. Кохман 1967, 136; Кохман 1972, 51; в конце XVI в. и в XVII в. *причина* встречается не только в дипломатической переписке, но и в других светских памятниках, напр., в переведенном с польского руководстве по земледелию «Назиратель» (60 раз, в том числе несколько раз в сопровождении древнерусского — и старославянского — эквивалента *вина*, напр.: «о причинах и винах мѣлкости і тер'пкости овощей древеся лесныхъ» — л. 152, см. Назиратель 1973, 411); слово отмечается также у Котошихина, ср. Пеннингтон 1980, 393.

⁵ Ср. Кохман 1971–1974, III 34; Собик 1969, 307; форма со вставочным [л] появляется во второй пол. XVII в., у Котошихина засвидетельствовано и *постановение*, и *постановление*, см. Пеннингтон 1980, 392.

дублирующих уже существующие в русском языке данного периода слова и выражения, совсем мало. Это только слова *инший* (вм. *иной*, ср. «и тово ни при которых твоих предкех не бывало, чтобы тут опричь панов радных *иншие* люди были», ПИГ 1951, 222), *вязень* «пленник» (вм. обычного в московских деловых документах *полоняник*, ср. «наших послов обесчестя, посадил еси их за сторожи, як *вязней*, в великой нуже», ПИГ 1951, 216), *неоднотайный* «противоречивый» («пригоже ли так государем *неоднотайные* речи говорити», ПИГ 1951, 225) и языковые штампы *давно зашлые дела* (ср. «тебе отыскивать у нас Лифляньские земли и иных *давно зашлых дел*», ПИГ 1951, 223) и *по звиклому обычею* (ср. «чтобы ты *по звиклому обычею* послал к нам послов своих», ПИГ 1951, 220), заимствованные в готовом виде из языка западнорусских документов⁶.

Как видно из проведенного анализа послания Ивана Грозного Стефану Баторию от 29 июня 1581 г., употребление в нем полонизмов обусловлено прямым влиянием западнорусского делового языка. Полонизмами особенно насыщены те места послания, в которых Иван Грозный при составлении ответа цитирует документы, написанные на западнорусском языке. Эти места послания следует считать принадлежностью западнорусского языка, и полонизмы, выступающие в них, не могут быть привлечены к изучению полонизмов в русском (московском)

⁶ *Иниший* (< польск. *inśzy*) в западнорусских памятниках встречается с XIV в., ср. Срезневский 1893–1903, I. С 1108; в XVII в. слово имело некоторое распространение в дипломатической переписке Москвы с Польско-Литовским государством, ср. Кохман 1967, 65; *вязень* (< польск. *więzień*) в памятниках дипломатической переписки засвидетельствовано с 1504 г., см. Кохман 1971–1974, I, 45; ср. также Булько 1972, 75; *однотайный* (< польск. *jednostajny*) встречается часто в польско-литовских грамотах, адресованных в Москву, в том числе и в грамотах польских королей Ивану Грозному, см., например, КПМЛ I 1843, № 96, 148; № 114, 176; № 125, 191; в староукраинском и старобелорусском языках XV–XVII вв. слово встречается и с начальным *е*:- *однотайно* (ССУМ 1977–1978, I, 346), *однотайный*, *однотайне*, *однотайность* (Булько 1972, 106); выражение *дела давно зашлые* см., напр., в приведенной нами выше цитате из инструкции Мартину Володковичу 1559 г.; выражение *по звиклому обычаю* встречается часто в западнорусских документах, в том числе и в более ранних грамотах Батория к Грозному, напр., в грамотах от 12 июля 1576 г. (КПМЛ II 1843, № 1, 1) и от 26 июня 1579 г. (КПМЛ II 1843, № 22, 44).

деловом (и еще менее литературном) языке соответствующей эпохи. Если вычтеть полонизмы, выступающие только в этих западнорусских цитатах, то остается только группа экзотизмов и очень немногочисленные западнорусские лексические и фразеологические вкрапления, перенятые из языка дипломатической переписки. Наши наблюдения хотя бы пока на основании одного, но самого большого по объему из полонизированных посланий Грозного, не подтверждают распространенное в научной литературе мнение о стилистической окрашенности польской по происхождению лексики у Ивана Грозного, не говоря уже о пародировании польского языка царем. Впрочем, подобное пародирование могло бы относиться не к польскому, а только к западнорусскому языку (как известно — об этом свидетельствуют приведенные нами примеры — в качестве *lingua franca* в общении между Польско-Литовским и Московским государствами выступал именно западнорусский язык). Насколько бы ни был пропитанным полонизмами этот язык ко 2-й пол. XVI в. (Станг 1935, 121), отождествление его с польским означало бы отказ во всякой суверенности языку, обслуживавшему на протяжении ряда веков не только деловые, но и литературные потребности украинского и белорусского населения Польско-Литовского государства. В настоящее время мы не располагаем еще полными историческими словарями этого языка, но даже при помощи уже существующих лексикографических трудов⁷ можно установить, что полонизмы в языке посланий Ивана Грозного — не только те, которые выступают в рассмотренном нами послании Стефану Баторию, но все помещенные в списке В.М. Тамань⁸, — без исключения являются давно (часто уже в

—

169

—

⁷ Булыко 1972, ССУМ 1977–1978; ср. также лексикологические разделы в книгах Станга: Станг 1935, 142–162, Станг 1939, 130–136; а также Слоўнік мовы Скарыны. Мінск, 1977. I.

⁸ Тамань 1960, 104–124. В недоступной еще В.М. Тамань грамоте Ивана Грозного к Стефану Баторию от 1 октября 1579 г., опубликованной по списку ок. 1630 г. Д.К. Уо (D.C. Waugh) в 1972 г. (см. Уо 1972, 357–361), полонизмов совсем мало; это — отмеченные и в послании от 29 июня 1581 г. слова *израда*, *израдити*, *княжа* (только в титуле Батория: «*княжате седмиградскому*»), *люторский*, *маистат*, *пан*, *побожный*, *присягати*; кроме них мы обнаружили только *обрати* «избрать» и *стан* «сословие» — оба в контексте,

XIV–XV вв.) освоенными элементами западнорусского языка⁹. Впрочем, посредством западнорусского языка попали в язык Грозного не только полонизмы, но и собственно украинско-белорусские лексические единицы (напр., *пуга* «кнут», ср. Речек 1961, 152–153). Вывод А.В. Исаченко о том, что проанализированный им отрывок из послания Грозного Баторию свидетельствует якобы «о готовности русского языка без всяких ограничений воспринимать элементы польского языка в различных жанрах письменности» (Исаченко 1980, 267), следует отнести не к великорусскому, а к западнорусскому языку второй пол. XVI в., так как основой анализа А.В. Исаченко является не великорусский, а западнорусский текст.

Сказанным о полонизмах, т.е. западнорусизмах в посланиях Грозного, мы не хотим оспаривать стилистический талант и языковое чутье царя, отмеченные рядом исследователей. Индивидуальные стилистические средства Ивана Грозного следует искать, однако, не в скрупулезно переписанных им (или его дьяками) цитатах из западнорусских документов (что, в лучшем случае, еще раз подтверждает хорошее знакомство Грозного с материалами Царского архива, отмеченное С.О. Шмидтом (Шмидт 1958, 258)), а там, где он пишет от себя своими словами.

относящемся к избранию Батория на польский престол: «В своем роду первое тебя <...> *обрали* народы и *станы* королевства Польскаго...» (Уо 1972, 361). Оба слова получили некоторое распространение в русской письменности XVII в. и стали употребляться также по отношению к русским реалиям, ср. Кохман 1967, 84; 124–125; Пеннингтон 1980, 391.

⁹ В.М. Тамань полагает, что прилагательное *отвористый*, выступающее в послании Баторию 1581 г. («на листе *отвористом*») является «произвольным образованием» Ивана Грозного от польск. *otworzyć* и производных (Тамань 1960, 116). Как нетрудно убедиться по параллельно помещенному нами тексту грамоты Батория, термин *отвористый лист* попал в текст послания Грозного из грамоты Батория. Следовательно, термин этот отнюдь не является оригинальным творением Грозного, а западнорусским заимствованием из польск. *otworzysty list* (Булыко 1972, 231), калькирующего, в свою очередь, лат. *literae publicae*, ср. СП 1966–2011, XII, 275.

К ВОПРОСУ
О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ
« ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ »

—
171
—

Повествование о валашском воеводе Владе Цепеше дошло до нас в двух списках кон. XV в. и многочисленных списках XVII–XVIII вв.¹ В XVI в. рукописная традиция прекращается, однако это произведение, несомненно, было известно и в это время (Панченко, Успенский 1983, 61–62). Один из списков XV в. точно датирован: известный книгописец, монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, закончил переписку 28 января 1490 г. Он отмечает, что это произведение он переписывал и раньше — 13 февраля 1486 г.² Другой текст кон. XV в. или нач. XVI в. (по мнению Я.С. Лурье, он мог быть написан в период между 1499 и 1502 гг.) сохранился в сборнике псковского происхождения³.

Большинство исследователей считает, что автором истории о Дракуле мог быть дьяк Федор Курицын, влиятельный дипломат великого князя московского Ивана III, который в 1482 г. во главе посольства направился в Буду к королю Матьяшу, а затем через Молдаву и Крым вернулся в Москву до августа 1485 г. (к хронологии ср. Повесть 1964, 43–44; ср. еще Лурье 1970, 360–368). Несомненно, что в заключительной части произведения в основе сообщений о смерти Дракулы, о судьбе его сыновей, о происхождении воеводы Влада Монаха, пришедшего к власти

¹ Наиболее полное издание текста, с использованием 22 списков, см. Повесть 1964, где тексты напечатаны Я.С.Лурье с упрощенной орфографией. Оба списка кон. XV в. с сохранением первоначальной графики изданы в кн.: *Cazacu M. L'Histoire du prince Dracula en Europe Centrale et Orientale (XVe siècle). Présentation, édition critique, traduction et commentaire.* Genève, 1988. P. 169–211. (Изд. 2 –1996, изд. 3 – 2006, там же.)

² Повесть 1964, 122. О литературном творчестве Ефросина подробнее см. Лурье 1961, 130–168.

³ Повесть 1964, 98. Хотя сборник в целом псковского происхождения, следует отметить, что Повесть о Дракуле попала в него через западнорусское (староукраинско-старобелорусское) языковое посредничество. На западнорусские черты этого списка указано уже И. Богданом, ср. Богдан 1896, 121.

в Валахии в 1481 г., лежит достоверная информация, которую автор мог получить только на месте, а именно в Буде. Автор располагает верными знаниями о городах Буде, Пеште, Вишеграде, ему известно о варадинском епископе, он отмечает, что третьего сына Дракулы, Михаила, «мы видели здесь же, в Буде». Следовательно, в заключительной части произведения к раннее пересказанным анекдотическим историям свои комментарии добавляет такой свидетель, который знаком с жизнью в Валахии нач. 1480-х гг. и с тем, как сложилась судьба сыновей Дракулы в Венгрии. На основе этого уже А. Востоков (1842) высказал предположение о том, что автором этого произведения мог быть Федор Курицын или, возможно, другое лицо, входившее в состав возглавляемого им посольства, побывавшего в Венгрии, имя которого неизвестно (Востоков 1842, 511–512; ср. Повесть 1964, 8). Независимость русскоязычного произведения от немецких рукописных и печатных историй о Дракуле XV в. доказали И. Богдан (Богдан 1896, 119) и позже Й. Штридтер (Штридтер 1961, 398–427). Следовательно, можно исключить возможность достоверности высказываемых ранее мнений о том, что русская история о Дракуле может быть переводом одной из современных ей немецких повестей (переводом с немецкого языка считал древнерусскую версию, напр., А.И. Соболевский, Соболевский 1903а, 233; ср. Повесть 1964, 9; в более новое время Х. Рааб предпринял безуспешную попытку доказать такое мнение, Рааб 1958, 323–335; см. критику Штридтера, Штридтер 1961, 401).

Некоторые эпизоды анекдотического характера можем найти и в венгерской хронике А. Бонфини (Бонфини 1568, 558; ср. также новое издание: Бонфини 1936, 243). Однако ввиду того, что Бонфини прибыл в Буду только в 1486 г., его произведение не может считаться источником повествования (ср. Повесть 1964, 15–16). На этом основании Я.С. Лурье приходит к выводу, что русскоязычная история о Дракуле является самостоятельным русским литературным произведением, тема которого восходит к такому центральноевропейскому устному наследию, которое могли услышать члены русского посольства, побывавшего во дворе короля Матвея (Матьяша) Корвина. По

его мнению, опорой на устное наследие объясняются существенные различия между вариантами, написанными на немецком и русском языках, а также на латинском языке в хронике Бонфини, как в отношении числа отдельных эпизодов, так и их интерпретации. Общий для трех различных литературных произведений источник не может быть реконструирован. Что касается варианта на русском языке, сказанное свидетельствует о том, что он является самостоятельной литературной обработкой, выполненной русским автором, по всей вероятности Курицыным, и, таким образом, древнерусская «Повесть о Дракуле» является одним из первых произведений русской беллетристики (Повесть 1964, 35–36).

—
173
—

При всем этом, возникли и сомнения относительно авторства русского посла. Дело в том, что в тексте имеется несколько слов, чуждых русскому церковнославянскому языку XV в. Уже А.Н. Пыпин (1857) обратил внимание на то, что заключительная часть наиболее ранних текстов, производящая впечатление, что ее автор был свидетелем описанных событий, могла быть написана не самим автором, а она может быть комментарием читателя, т.е. дополнением к готовому (по мнению А.Н. Пыпина, южнославянскому) произведению (Пыпин 1857, 217; ср. Повесть 1964, 8–9). А.Д. Седельников также не исключает возможности, что русскоязычная история о Дракуле имела южнославянский источник, поскольку «сербо-валахи» могли быть и при дворе Матвея (Седельников 1929, 637). В дальнейшем мы намерены уточнить это предположение и при помощи языковых фактов подтвердить возможность того, что вместо «сербо-валашского» автора с большой уверенностью можно предположить наличие именно сербского автора.

Предположение о том, что данное произведение является работой не русского, а южнославянского автора и представляет собой древнерусский список работы румынского автора, написанной на среднеболгарском языке, доказывали главным образом румынские авторы. По мнению Н. Смокинэ и П.П. Панайтеску, данное произведение было написано на среднеболгарском языке румынским автором из Трансильвании, проживавшим

174 — при дворе короля Матвея, и впоследствии готовая повесть попала в руки членов русского посольства (Смокинэ 1939; Панайтеску 1959, 198–199; ср. Повесть 1964, 36). Язык древнерусской «Повести о Дракуле» был подвергнут тщательному анализу П. Олтяну, который рассматривал текст как памятник предполагаемой им карпатской редакции церковнославянского языка. Он считал, что автором текста был славянин (украинец) или румын, проживавший в северо-западной части Трансильвании, который был хорошо знаком с литературным церковнославянским языком и был близок ко двору короля Матвея и семье Влада Цепеша (Олтяну 1961). В то же время Я.С. Лурье убедительно доказывает, что при всем старании П. Олтяну не удалось выявить в тексте русскоязычной повести никаких карпато-украинских особенностей. Предположение о трансильванском происхождении автора опровергается тем, что в тексте нет каких-либо следов наличия конкретных знаний о Трансильвании и Валахии. В русской повести отсутствуют и эпизоды, повествующие о жестокостях, совершенных Владом Цепешем в Трансильвании. Они же, без сомнения, присутствуют в немецком варианте текста, составленном в Трансильвании (Повесть 1964, 36–40). В то же время, по нашему мнению, Я.С. Лурье не придает должного значения наличию в тексте слов, чуждых церковнославянскому языку русского извода XV в. Он считает, что некоторые из них служили стилистическим инструментом для выражения местного колорита, другие же были южнославянскими заимствованиями, которые появились к тому времени в русском литературном языке (Повесть 1964, 37–38).

Мысль об авторстве русского посла, побывавшего в Венгрии, в общем принимает и А.В. Исаченко, считая, что встречающиеся в тексте иностранные слова взяты из польского, словацкого, а также из сербохорватского языков. Он приходит к заключению, что упомянутые особенности текста «свидетельствуют о центрально-европейском влиянии на московскую светскую литературу XV века» (Исаченко 1980, 242–244).

При нынешнем состоянии исследований нет сомнения в том, что «Повесть о Дракуле» попала в русскую литературу посредством посольства, возглавляемого Федором Курицы-

ным. Несомненно, от члена русского посольства происходит и заключительная, документальная, часть произведения, в которой упоминается о сыновьях Влада Цепеша и Владе Монахе. Однако нет доказательств относительно того, что автором собственного литературного произведения — ряда анекдотов о Владе Цепеше — был русский посол, а также относительно того, что он первым положил на бумагу эпизоды жизни и дел Дракулы, услышанные в Венгрии.

При изучении перехода текстов из одного славянского языка в другой первостепенное значение имеет лексика. Фонетические, орфографические и морфологические особенности относительно быстро, почти автоматически заменяются на особенности системы языка перевода, а лексика изменяется медленнее (ср. Соболевский 1980, прил., 136–137). Как было показано, самый ранний дошедший до нас древнерусский список тоже не был составлен прямо на основе рукописи, привезенной русским посольством. Следует предположить, что самый ранний дошедший до нас текст и текст, привезенный в Россию русским посольством, связывает хотя бы один список (1486 г., упоминаемый Ефросином); или, возможно, эти тексты связывает несколько несохранившихся промежуточных списков. Если это так, то вряд ли можно сделать выводы относительно орфографии и морфологии оригинального текста на основе имеющегося в нашем распоряжении текста. Остается только вновь рассмотреть те лексические элементы русского текста, которые представляются чужими в русском литературном (церковнославянском) языке данной эпохи, и проверить, не вписываются ли они в лексическую систему какого-либо другого славянского языка данного периода. Если найдем такой язык, то предстоит рассмотреть вопрос о том, можно ли объяснить несомненно редко встречающиеся синтаксические и орфографические аномалии текста влиянием этого языка.

В канцелярии короля Матвея в дипломатической переписке пользовались одним из славянских языков — сербским языком. Сохранилось два письма, составленных в королевской канцелярии на сербском языке: одно из них — письмо

палатина и трансильванского воеводы Иштвана Батори бегу Али, а другое — от самого короля Матвея турецкому султану Баязиту II (1487 г.) (См. Радойчич 1953–1954, 355–367). Как это было доказано А. Холлошем, письмо короля Матвея Ивану III от 16 декабря 1488 г. (из Вены), копия которого сохранилась на русском языке, первоначально было написано на сербском языке (Холлош 1979, 189–193). На основе этого очевидным представляется предположение о том, что русские дипломаты, прибывшие из Москвы в Буду, имели прямые контакты с сербским отделением королевской канцелярии. Помимо контактов собственно дипломатического характера мог иметь место обмен литературными произведениями. Такой обмен — помимо схожести языка и письма — могла облегчить принадлежность к одной и той же религии: московским послам не приходилось предполагать, что в работах сербского писца кроется «латинское коварство». Следовательно, если история о Дракуле, сохранившаяся в русской рукописной традиции, имела источник на каком-то славянском языке, то, по всей вероятности, этим языком был сербский, поскольку, с одной стороны, предположение о присутствии при королевском дворе трансильванского румынского автора, писавшего на среднеболгарском языке, или украинского автора, писавшего на церковнославянском языке т.н. карпатской редакции, как это предполагается румынскими авторами, имеет сугубо гипотетический характер, с другой стороны, наличие сербского отделения в королевской канцелярии и его участие в контактах не только с турками, но и с Москвой, является историческим фактом. При этом отмечаем, что сербский язык в кон. XV в. был вполне приемлемым для Москвы, дипломатические документы, составленные на сербском языке, считались достоверными⁴. Позже сербский язык использо-

⁴ Московские послы, направленные в 1490 г. к императору Максимилиану Габсбургу, получили указание дать переписать составленный в Москве текст предусмотренного договора кириллицей, если у императора найдется сербский или «словенский» (болгарский?) писарь («говорити королю, чтобы велел писати грамоту свою докончальную руским письмом, будет у него писец сербин или словенин: а писати слово в слово с великого

вался в русско-турецких дипломатических контактах (Унбегаун 1975, 221–228; ср. еще: Хадрович 1947, 44–48; Хазаи 1976, 82–88; Лефельдт 2000). Вопрос в том, ознакомились ли русское посольство с историей о Дракуле, переходившей из уст в уста в королевской канцелярии, только в форме устного перевода (и в этом случае, по всей вероятности, при посредничестве сербских дьяков), или же существовал вариант этой истории в письменной форме на сербском языке. Фактом является то, что истории о Дракуле на сербском языке не сохранилось, хотя в ряде сербских исторических источниках того времени упоминается о Владе Цепеше как о исторической личности⁵,

—
177
—

князя списка»), и только в том случае, если нет писца, который умеет писать «русским письмом», т.е. кириллицей, может быть приемлем документ на немецком или латинском языке, но и в этом случае послы обязаны следить за тем, чтобы содержание документа буквально соответствовало русскому оригиналу («а не будет у короля такова писца, кому по руски писати, ино по латынски или по немецки, с великого ж князя списка. А как напишут грамоту латинским писмом или немецким, ино та грамота перевести на руское писмо того дела, чтобы пришла та грамота по великого князя списка слово в слово»), см. ПДС 1851, 41. Это указание послам, с одной стороны, свидетельствует о языковом сознании того времени, с другой стороны, показывает опыт московской дипломатии, согласно которому в канцеляриях европейских королей могут быть писцы, владеющие сербским или другим «русским» алфавитом. Такой опыт может быть основан на дипломатических контактах, поддерживаемых с венгерским королем Матвеем в 1480-е гг.

⁵ Ср., например, Записки Янычара 1912, 102–107, 267–270. Автор — янычар сербского происхождения Константин Михайлович (род. около 1435 г.), который во время похода 1463 г. короля Матвея в Боснию поступил к нему на службу, — описывает борьбу Владе Цепеша в 1462 г. против турок, когда Константин Михайлович воевал еще на стороне турок. На основе одной ссылки текста можно сделать вывод о том, что ему было известно о свирепостях Дракулы; по его сведениям (полученным, очевидно, позже в Венгрии), король Матвей бросил в заточение воеводу как раз из-за его жестоких поступков, ср. «A on [Drakuł] jechał do Węgier ku Krolowi Matyaszowi, ktorego Matyasz do więzienia miał dać i dał prze jego okrutne uczynki, ktore pachał [разночтение: podziałał]», Записки Янычара 1912, 107; «A Drakuł uciekł do Węgier do Krola Matyasza, ktorego Krol Matyasz dał do więzienia dla jego okrutnych uczynkow, ktore robił», Записки Янычара 1912, 270. Его сведения были неточными. Король Матвей посадил Дракулу в тюрьму, потому что в ноябре 1462 г. (уже из Венгрии) он послал письмо султану с тем, чтобы опять

178 —
—
но в этих фактических сообщениях нет анекдотических элементов (ср. Богдан 1896, 119; Повесть 1964, 28). Итак, нам неизвестен прямой источник сербско-язычной истории о Дракуле, однако возможность того, что такой источник существовал, нельзя исключить по причине того, что многие литературные произведения живущих в Венгрии сербских дьяков в то время попали в Россию. Таковым является, например, вариант венгерской легенды о святом Владиславе, представляющий собой сочетание этой легенды с легендой о святом Саве, который, без сомнения, является трудом сербского автора, жившего или побывавшего в Венгрии (см. Перени 1955, 227–244), а также сербский роман об Александре Македонском, самый ранний список которого на русском языке имеется в том же сборнике, переписанном монахом Ефросином, о котором упомянуто в начале настоящей статьи (Повесть 1964, 69; Александрия 1965, 186–187). В отношении сербского романа об Александре Македонском Ласло Хадрович привел доказательства того, что роман переведен с венгерского языка, хотя его вариант на венгерском языке не сохранился (Хадрович 1960, 235–293).

войти к нему в доверие, так что причиной его заточения было предательство (см. Элекеш 1937, 21–22), но они свидетельствуют о том, что о свирепостях Влада Цепеша было широко известно в Венгрии в то время, когда Константин Михайлович находился здесь, и позже, ввиду отсутствия более точных сведений, с этим обстоятельством связал заточение воеводы. Нам не известно, как долго пребывал автор в Венгрии. Он осуждает Матвея за то, что вместо турок, язычников, он начал воевать против чехов, христиан, и затем против «австрийской земли римского императора» (Записки Янычара 1912, 164). На основе этого, а также того факта, что ему было неизвестно об освобождении Влада и его повторном правлении в 1476–1477 гг., можно сделать вывод о том, что он покинул Венгрию после второго похода Матвея против чехов (1468 г.). Его работа дошла до нас только на чешском и польском языках. Согласно новейшим исследованиям, первичным является текст на чешском языке, однако, по всей видимости, первоначально автор его написал его на своем родном, сербском языке. Ср. Рогова 1978; Штольц 1978, 683–698. Об антитурецкой борьбе Влада Цепеша («Влада Дракуловича») и его изгнании в 1462 г. упоминается и в сербских летописях, см. Стоянович 1927, 245, 295. Антитурецкая борьба воеводы отражается и в сербском фольклоре, см. Висковатый 1935–1936, 160–163.

С учетом сказанного, стоит рассмотреть вопрос о том, можно ли вывести лексику «Повести о Дракуле», которая в то время считалась чужой, из сербского языка, или же придется — подобно позиции А.В. Исаченко — довольствоваться констатацией наличия какого-то неоднородного «центрально-европейского влияния». Рассмотрим наиболее проблематичные слова в порядке их появления в самом раннем списке Ефросина (Повесть 1964, 117–122):

—

—

поклисарь (лл. 204об, 205об), *апоклисарь* (лл. 211, 211об) «посол», *поклисарство* (л. 212) «посольство», ср. с.-х. *poklisār* «посол» с XIII в. (< ср.-греч. ἀποκρίσιάριος, см. РХС 1880–1976, X, 514; Скок 1971–1974, II, 696), *poklisárstvo* с XIV в. (РХС 1880–1976, X, 515). Встречается также в одном из сербских писем, выпущенных венгерской королевской канцелярией (Радойчич 1953–1954, 362–363). П. Олтяну также считает, что отсюда, из языка сербской канцелярии, это слово перешло в язык автора, которого, впрочем, он считал выходцем из Закарпатья (Олтяну 1961, 256). В русском языке XV в. это слово в других источниках не встречается (в словаре И.И. Срезневского имеется цитата только из второго наиболее старого (Румянцевского) списка (Срезневский 1893–1903, II, 1107), ср. также СРЯ 1975–2008, 16, 157). В русском варианте сербского романа об Александре Македонском оно заменяется русским словом *посол* (Александрия 1965, 191–192). В тексте Ефросина встречается и слово *посол* (лл. 206, 211об (2 раза), 212; *посольство* (л. 213), см. Повесть 1964, 118, 120–121). Во втором наиболее старом русском тексте при первом употреблении форма *поклисарие* сопровождается глоссой *посол* («От турского царя придоша некогда к нему поклисарие посол», см. Повесть 1964, 140; о том, что слово *посол* здесь является глоссой, см. Богдан 1896, 135 и особенно Богдан 1896, 143, прим. 2). По нашему мнению, маловероятно то, что это слово употребляется в тексте по стилистической причине, как это считает Я.С. Лурье (Повесть 1964, 37). Скорее следует считать, что слово *поклисарь*, последовательно употребляемое в оригинальном тексте, первый русский писец непоследовательно заменил соответствующим русским словом, поскольку, можно предположить,

ему, владеющему греческим языком, это слово было понятно. Вариант *апоклисарь*, не имеющийся в сербском языке, может быть результатом сознательной регрессивизации слова. Помимо сербского языка это слово встречается и в валашских славянских грамотах XV в. (Бернштейн 1948, 268, 319; ср. Олтяну 1961, 256; естественно, здесь тоже может иметь сербское происхождение, потому что в основе своей болгарский канцелярский язык Валахии в XV в. подвергался сильному сербскому влиянию, ср. Бернштейн 1948, 128–224).

капа (л. 204об) «вид головного убора», ср. с.-х. *kāpa* «шапка» с XIV в. (РХС 1880–1976, IV, 835; Скок 1971–1974, II, 38). В русском языке это первая фиксация данного слова (СРЯ 1975–2008, 7, 61), которое уже во втором древнем списке заменено словами *шапка* и *колпак* (Повесть 1964, 140; Богдан 1896, 243). Заимствованное слово среднелатинского происхождения (ср. также венг. устар. *kára* «манатя, капюшон» (ЭСВенг 1967–1984, II, 355–356), нем. *Kappe* «кепка» и др., см. Клюге 1999, 425) в русском языке кон. XV в. не может происходить из польского языка, как это считает А.В. Исаченко (Исаченко 1980, 243), потому что, с одной стороны, до 1500 г. это слово не встречается в польском языке (только слово *kapica* «манатя, капюшон», см. ССтп 1953–2002, III, 235–236), с другой стороны, слово *капа* и позже не имело значения «головной убор, шапка» (в XVI в. имеет значение «разного рода шинель, одеяло», см. СП 1966–2011, X, 74).

витязь (л. 205) «рыцарь», ср. с.-х. *vitěz* «рыцарь, витязь», встречается с нач. XV в. (РХС 1880–1976, XXI, 36), вообще считается заимствованием общеславянского периода из германского (из этнонима *викинг*, см. Фасмер 1953–1958, I, 322–323; ЭСРЯ 1963–2007, I, вып 3, 111). При всем том, что эта этимология представляется наиболее вероятной по сравнению с другими попытками определить этимологию этого слова, имеется несомненное основание поставить под вопрос утверждение о его распространении в общеславянский период. Дело в том, что в прежних исследованиях не уделялось достаточного внимания тому факту, что это слово в русских текстах встречается только в поздних памятниках (с кон. XV в.), и в первое время исключительно в текстах южнославянского происхождения, и

в качестве иностранного слова даже в XVII в. оно нуждалось в толковании (Срезневский 1893–1903, I, 265–266; СРЯ 1975–2008, 2, 194). Это слово часто встречается и в русском варианте романа об Александре Македонском (Александрия 1965, 12 (л. 32об), 18 (л. 49), 20 (л. 56), 22 (л. 60 об) и др.). Все это говорит о том, что *витязь* не является собственно русским словом, а оно получило распространение при посредстве южнославянской светской литературы. Подобная ситуация наблюдается и в староукраинском языке: в XIV–XV вв. оно засвидетельствовано исключительно в молдавских грамотах, где оно является заимствованием румынского *viteaz*, а румынское слово происходит из южнославянского (болг. *vímez*, с.-х. *vitěz*) или венгерского (*vitéz*, см. Тамаш 1966, 860). В старобелорусский язык дериваты этого слова (*звiтязство* ~ *звiтежство* ~ *звiтязство* «победа», *звiтязати* / *звiтязити* «победить», *звiтязца* «победитель», пришли из польского языка (Булыко 1972, 65), однако основное слово в форме *витезь* попало в старобелорусский язык литературным путем непосредственно из сербского языка. Ср. заглавие Познанского сборника кон. XVI в., в который среди других вошли и рыцарские романы, переведенные с сербского языка: «Починаеть са повесть ѡ *витезехъ* скнигъ сѣрбъскихъ. А звлаща ѡ славномъ рыцѣры Трысчане, ѡ Анцалоте и ѡ Бове и ѡ иныхъ многихъ *витезехъ* добрыхъ» (Biblioteka Raczyńskich w Poznaniu, грс. nr 92, к. 1; ср. АДБЛ 2003, 538). На основе этого можно установить, что в восточнославянском континуанты или дериваты гипотетического праславянского **vitę(d)zъ* нигде не исконны, поэтому вряд ли можно говорить о заимствовании в период общеславянского языка, скорее мы имеем дело с региональным заимствованием, имевшим место после расселения славян, которое вначале получило распространение только в южно- и западнославянских языках. На то, что слово *витязь* в русском тексте «Повести о Дракуле» является южнославянским словом, указал уже П.П. Панайтеску (он считает, что это слово попало в текст из среднеболгарского языка, Панайтеску 1963, 256), и в этой связи несостоятельно замечание Я.С. Лурье о том, что данное слово было известно уже в древнерусском языке (Повесть 1964, 38, прим. 53), поскольку ссылка на словарь

И.И. Срезневского (который, как мы видели, приводит примеры из одних памятников южнославянского происхождения) в данном случае не имеет никакой доказательной силы.

— дукат (л. 209) «золотая монета, дукат», ср. с.-х. *dùkat* ‘то же’ с XIV в. (РХС 1880–1976, II, 881). В XV в. имеется и в венгерском языке (ЭСВенг 1967–1984, I, 685). В русском языке впервые появляется в тексте «Повести о Дракуле» (Фасмер 1953–1958, I, 550; И.И. Срезневский не приводит его (СРЯ 1975–2008, 4: 372), приводит только более поздние данные XVI–XVII вв.). Естественно, европейское кочующее заимствование от среднелатинского *ducatus* русский автор мог бы использовать в стилистических целях, как это считает Я.С. Лурье (Повесть 1964, 37). Однако обращает на себя внимание то, что после того, как автор два раза подряд употребил сочетание *дукат злата* (л. 209), он переходит к употреблению субстантивированного прилагательного *златой* (209об), которое в XV в. еще не использовалось для обозначения денег на Руси, но в это время уже имелась некоторая традиция его использования в русском языке для обозначения иностранных (западных) золотых монет (ср. СРЯ 1975–2008, 6, 10, 59–60 s. v. *златой*² и *золотой*² соответственно). Для русского автора, которого предполагают многие, было бы проявлением непоследовательности употреблять два экзотизма попеременно для обозначения одного и того же вида иностранных денег. Более логичным представляется такое решение для русского писца: после того, как путем умозаключения на основе контекста он определил значение ранее неизвестного слова *дукат*, в ходе работы он перешел к употреблению более знакомого ему слова *златой*. Форма *злато*, несмотря на церковнославянскую форму корня, представляется более поздней русской вставкой, поскольку в других местах текста данное окончание и под ударением имеет церковнославянскую форму (ср. *просты* — л. 207).

— *сиромях* (л. 210) «бедный человек», ср. с.-х. *siròmah* «бедный человек» с XV в. (РХС 1880–1976, XV, 56; Скок 1971–1974, III, 243). Это слово, этимологически связанное с общеславянским *сирота*, в такой форме и в таком значении известно только в южнославянских языках; оно встречается также в валашских (среднеболгарских) грамотах (Олтяну 1961, 254). В русском

языке оно было неизвестно, поэтому в более поздних списках оно претерпевало изменение или было заменено другими словами⁶. Из известных нам текстов правильная южнославянская форма слова имеется только в наиболее раннем тексте, во втором в хронологическом порядке тексте читается уже искаженная форма *иромах* (Повесть 1964, 143; Богдан 1896, 140). Вряд ли можно согласиться с Я.С. Лурье, который отнес и это слово к инструментарию показа местного колорита (Повесть 1964, 37). В силу своего значения это слово не пригодно для того, чтобы русскому читателю XV в. внушать оттенок какой-либо «зарубежной экзотики». Намного логичнее считать, что в ранние русские списки оно перешло из сербского оригинала.

хранити (л. 210об) «кормить, питать», ср. с.-х. *hrániti* «кормить, питать» с XIV в. (РХС 1880–1976, III, 681; Скок 1971–1974, I, 684). В таком же значении данное слово имеется также в болгарском (из южнославянских) и в румынском языках. Оно имеется в церковнославянском и современном литературном русском, но в других значениях («беречь, охранять, защищать, сохранять», см. Срезневский 1893–1903, III, 1401–1402). Я.С. Лурье в этой связи считает, что в данном предложении (Дракула говорит жене бедного человека: «он должен есть сеяти и орати и тебе *хранити*») это слово в русском языке может быть истолковано в его привычном значении, т.е. данное предложение может означать и то, что «он должен сеять и жать и хранить тебя». Нетрудно увидеть, что такое толкование здесь неестественно; более логично, что бедный человек должен пахать и сеять, чтобы он мог *кормить*, т.е. *содержать* жену. Нам представляется, что Я.С. Лурье сам не очень верит собственному объяснению. Дискутируя с П.П. Патайтеску, он добавляет, что «даже если слово *хранити* было употреблено здесь в том смысле, какой оно имеет в болгарском языке — “кормить”, то этот единственный болгаризм не свидетельствовал бы о нерусском происхождении повести;

⁶ В списках XVII–XVIII вв.: на котором *рахъманине* (Повесть 1964, 132; м.б., под влиянием укр. *сирохан* «сирота»), узрѣ на нѣкоем мѣсцѣ человека (Повесть 1964, 138), после подзаголовка *О сирохани*: узре на некоем человеке (Повесть 1964, 148), узре на некоем месте *голеньково человека* (Повесть 1964, 155).

заимствования из южнославянских языков были, как известно, достаточно обычны в русском литературном языке XV в.» (Повесть 1964, 38). Автор забывает о том, что другие южнославянские элементы, которые на предыдущей странице он отнес к разряду экзотизмов, не перестали быть южнославянскими. Мы не намерены спорить относительно второй части предложения. Русский литературный язык того времени (церковнославянский язык), разумеется, к XV в. (и позже) не потерял своего южнославянского характера. Очевидно, что в русско-церковнославянском языке, импортированном на рубеже X–XI вв. наряду с принятием христианства, в XV в. следует считать заимствованиями слова, отражающие имевшие место к тому времени лексические и семантические нововведения в южнославянском, которые были чужды церковнославянскому языку русской редакции. В настоящих замечаниях мы оставляем в стороне многочисленные южнославянские слова и грамматические формы, которые характеризуют текст «Повести о Дракуле» как в основе своей церковнославянский текст.

бирев (л. 215об) «судья, городской голова». Поскольку слово в данной форме не найдено ни в одном языке, большинство исследователей предполагает, что это описка вместо слова *биров*, которое перешло из венгерского (*biró* «судья, городской голова») в каждый из соседних славянских языков. Нельзя согласиться с мнением А.В. Исаченко, согласно которому это слово, встречающееся в «Повести о Дракуле» (в русском языке только там, ср. СРЯ 1975–2008, 1, 185) было заимствовано из словацкого (Исаченко 1980, 244), поскольку венгерский гласный *-ó* в конце слова и в других славянских языках дает окончание *-oi*. Именно таким мы встречаем *бировь* в молдавских и валашских грамотах XV в. (ССУМ 1977–1978, I, 97; Тамаш 1966, 117). В большом академическом словаре хорватского языка наличие слова *biròv* указано лишь с XVIII в. (РХС 1880–1976, I, 323; Скок 1971–1974, I, 156). Несмотря на это, не подлежит сомнению, что сербские дьяки канцелярии короля Матьяша знали это слово и пользовались им в своей речи на сербском языке, ср. в титуле трансильванского воеводы и надворного судьи Иштвана Батори: батар ишван и вдвар биров (1482–1489гг.), Радойич 1953–

1954, 362; Л. Хадрович указывает на производное от *birov* собственное имя (отчество) *Birowych* (= *Birović*) в латиноязычном загребском документе 1446 г., см. Хадрович 1985, 147. В русских списках это слово быстро перестает употребляться, во втором в хронологическом порядке списке оно сильно извращено («Аще бы пришел ко мне тот *кобирев*», Богдан 1896, 141–142; ср. «Аще бы пришел ко мне тот *кобирев*», Повесть 1964, 144). Если бы употребление этого слова было сознательным стилистическим приемом русского автора, то при первом его употреблении можно было бы ожидать приведения объяснительной глоссы, что, впрочем, было привычно для русских авторов данной эпохи⁷. Намного вероятнее, что в этом случае налицо сохранение при переписке чужого элемента. Сербу, проживающему в Венгрии, не требовалось объяснять, что такое *биров*, но русскому читателю следовало бы это сделать. Однако это не было сделано, потому что, по всей вероятности, первому русскому переписчику не было известно значение этого слова.

—

185

—

бископ (л. 216об) «католический епископ», во втором в хронологическом порядке списке — *бискуп* (Повесть 1964, 144; Богдан 1896, 142). В русском языке XV в. православная и католическая церковные терминологии последовательно расходятся; католическая терминология через староукраинский и старобелорусский языки восходит к польскому языку⁸. В списке Ефросина буква *о* в слове *бископ* может быть единичной опиской под влиянием слова *епископ*, пришедшего прямо из греческого языка и имеющего значение православного епископа. Данное слово для нас не имеет особого значения, поскольку в церковном и светском русском дипломатическом языке того времени

⁷ Например, менее понятные для русского читателя слова в произведении о Флорентийском соборе (1438/1439 гг.) вводятся следующими словами: «иде с ними до костел сирѣчь до цркви и ѿ» (Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М., 1875. С. 364; «вниде папа Еугении в костель, сиречь в церковь» (ПСРЛ XXV 1949, 254).

⁸ Богатый материал по этой терминологии содержат выше упомянутые другие русскоязычные произведения, связанные с Флорентийским собором, в которых встречаются слова *бискуп*, *арцибискуп*, *каплан*, *костель*, *жак* вместо русско-церковнославянских слов *епископ*, *архиепископ*, *священник*, *церковь*, *диякон* (*диякон*), если они относятся к католикам.

так называют всех католических епископов. Это, в самом деле, экзотизм. В сербохорватском языке «католический епископ» также обозначается словом *biskup*, засвидетельствованным с XIII в. (РХС 1880–1976, I, 327; Скок 1971–1974, I, 157).

186 — Заслуживает внимания форма встречающихся в тексте венгерских топонимов. Меньше всех полезных сведений дает слово *Вышеград*, вряд ли можно было по-иному записать название города, имеющее славянское происхождение. Даже если в оригинальном тексте имелось бы написание *Вишеград* (или, предположим, в Венгрии русский путешественник услышал звук *и*, поскольку в то время *и* и *ы* уже совпадали во всех славянских языках, употребляемых в Венгрии), идентификация морфем в этом топониме, имеющем прозрачную структуру, не представляла особой трудности. Форма *Будин* названия венгерской столицы Буда (лл. 214, 215, 216об), по всей вероятности, является заимствованием старой сербохорватской формы *Büdin* (данные имеются с XV в., РХС 1880–1976, I, 710), однако заимствование произошло раньше. Насколько нам известно, в русском источнике название Буда в форме *Будин* впервые встречается в описании путешествия, составленном одним из членов русской церковной делегации, побывавшей на Флорентийском соборе (1438–1439 гг.). Русская делегация возвращалась на родину через Венгрию, Польшу и Литву. По всей вероятности, на юге Венгерского королевства к делегации присоединились сербские или хорватские сопровождающие лица, которые провожали русскую церковную делегацию до польской границы. Такой вывод можно сделать на основе того, что в путевых записках упоминается, что в Загребе члены русской делегации видели сербского деспота Георгия Бранковича, которого турки лишили его страны; упоминается также и город Люблев, который «...останочный ес[ть] городок угореский. Стоит на лядской граници и есть в нем дѣло угорескіе пѣнязи, *новци* зовутся, по 200 на золотой» (см. Казакова 1970, 70–71; АФ 1976, 38–40). Однако слово *новци* автор не мог услышать из уст местных жителей, а мог только от сербских или хорватских сопровождающих лиц (в словацком и польском языках такого слова нет). Стоит отме-

титель, что это является наиболее ранним письменным данным о с.-х. *новац* «денарий», *новци* мн. «деньги»⁹. Таким образом, форма слова *Будин* особого значения не имеет, потому что во время возникновения «Повести о Дракуле» эта форма укоренилась в русском языке, причем в русском языке слово сербохорватского происхождения. В письме Иштвана Батори, написанном на сербском языке, на которое мы ссылались неоднократно, оно встречается уже в более новой сербской форме «на *Будиму*» (Радойчич 1953–1954, 363). Форма *Варадин* топонима (*Надь*)*варад* (совр. рум. *Орадя*) — в тексте встречается только его адъективный дериват «*Варадинского* бископа» (л. 216 об.) — образована от формы *Varadinum*, употребляемой в латинском языке в Венгрии. В сербохорватских источниках XVI в. название этого города встречается в формах *Varad*, *Veliki Varad* (РХС 1880–1976, XX, 567). В языке сербских дьяков в королевской канцелярии, где, в основном, пользовались латынью, латинская форма этого топонима вовсе не вызывает удивления. Впрочем, форма *Варадин* встречается и в русском варианте упомянутой сербско-венгерской легенды о Святом Владиславе¹⁰. Следовательно, возможно, что в сербском языке, использовавшемся в XV в. в Венгрии, это была обычная форма названия этого города. Заслуживает внимания форма написания топонима Пешт в *Пещи* (л. 215). Русский автор вряд ли мог бы записать венгерское название в такой форме, ведь буква *щ* в русско-церковнославянском языке обозначает звуко сочетание [š'č']. В том случае, если автором был русский, такая транскрипция может объясняться только тем, что автор идентифицировал название венгерского города Пешт с

187

⁹ В большом хорватском академическом словаре имеется два факта из 2-й пол. XVI в. (РХС 1880–1976, VIII, 243–244). П. Скок утверждает, что это слово известно начиная с XV в., однако он цитирует только поздние источники (XVIII в.). См. Скок 1971–1974, II, 525–526.

¹⁰ См., напр., «[Батый] достизаетъ самага великаго *Варадина* града Угорскаго» (ПСРЛ XV 1965, Стлб. 394); «достижетъ онъ, гнѣвъ Божій, и до самага великаго града *Варадина* Угорскаго» (ПСРЛ VII–VIII 1856–1859, VII, 157). Сводку цитат из русских летописей об «убиении Батыя во Угрех», см. Годинка 1916, 462, 472, 474.

этимологически связанным с ним древнеболгарским нарицательным именем *пѣшть* ~ *пѣшь* [pešть] «печь; пещера», которое в русско-церковнославянском языке произносится как [peš'č'], и реконструированное таким образом имя существительное женского рода закономерно получило флексию местного падежа *-и*. Вряд ли можно предположить, что русский дипломат XV в. обладал такой осведомленностью в области этимологии, ведь славяне, жившие с венграми в пределах одного государства, не переводили топоним *Пешт* в соответствии с их фонетическими правилами. Намного вероятнее, что в оригинале имелась действительно буква *щ*, но она служила для транскрипции звукосочетания [št]. Наряду с болгарским языком это было вполне возможным в сербском языке того времени, см. например транскрипцию венгерского мужского имени *Иштван* в одной из сербских грамот венгерской королевской канцелярии в виде *Ищван* (Радойчич 1953–1954, 363). Наиболее вероятно, с нашей точки зрения, то, что форма *в Пещи* в русском тексте — это результат механического копирования старосербского написания *у Пещи* (ср. РХС 1880–1976, IX, 806), которое является правильной формой локатива сербохорватской формы топонима *Пешта/Pešta* (согласно тогдашнему сербскому правописанию — *Пеща*).

Среди орфографических особенностей текста всего одна описка свидетельствует о том, что оригинал был написан на таком славянском языке, в котором не различались звуки *и* и *ы*: «[Влад] женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало *побил*, и убил его Стефанъ волосьскы» (л. 363 об.). По смыслу текста в выделенном слове налицо корень не глагола *бить*, а *быть* (во втором в хронологическом порядке тексте исправлено по смыслу: «и женился, и мало *побыл*; и Стефан его *убил*» (Повесть 1964, 145; Богдан 1896, 143). Естественно, этот случай может объясняться не только на основе украинского языка, как это делает П. Олтяну, хотя ему известны цитируемые нами письма, составленные в те времена в Венгрии на сербском языке, в которых на месте этимологически правильной буквы *ы* везде имеется буква *и* (Олтяну 1961, 45), но и на основе любого южнославянского языка.

В заключение отметим, что в тексте имеется одно предложение, которое в ранних списках может показаться опиской. В списке Ефросина данное предложение звучит так: «*Аще ли то ко мне пришел бы явил, и азъ во своем дому нашел бы того злодея*» (лл. 215 об.–216). Как мы видим, в условном придаточном предложении нет подлежащего, а слово *то* не имеет функции, но если оно является все-таки подлежащим, то оно не согласовано со сказуемым. Во втором в хронологическом порядке тексте это предложение еще менее понятно: «*Аще бых пришел ко мне тот кобирев, и аз бы во своем дому нашол бы того злодея*», Повести 1964, 144; Богдан 1896, 141–142 (в этом последнем издании: «Аще бы пришел...»). Хотя в нем формально имеется подлежащее, но это, несомненно, является результатом дальнейшей порчи текста (в сочетании *тот кобирев* содержится слово *бирев* вместе с фрагментом какого-то непонятого слова; при этом подлежащее не согласовано со сказуемым, *бых* является формой первого лица единственного числа). В наиболее ранних текстах это бессмысленное предложение привлекает внимание потому, что тексты в целом характеризуются четкой синтаксической структурой. Видимо, замешательство было вызвано словоформой, непонятной русскому переписчику. В одном из более поздних текстов (2-й пол. XVII в.) данное предложение имеет следующий вид: «*аще бы тот ко мне пришед, и аз бы в своем дому нашел бых того злодея*» (Повесть 1964, 161). Придаточное предложение здесь тоже не правильно (вместо спрягаемой формы глагола в функции сказуемого выступает причастие). Если предположить, что во всех трех дошедших до нас неправильных по своей форме придаточных предложениях сохранилось нечто из оригинала, по всей вероятности правильного, можно попытаться восстановить оригинал. По нашему предположению, в оригинальном тексте данное придаточное предложение имело следующий вид: «*Аще ли тко ко мне пришед, явил бы мне*». Следовательно, замешательство для русского переписчика вызвала непривычная форма *тко* (вместо *кто*). Тот переписчик, который был ближе всех к оригиналу, восприняв сербскую форму *тко* как описку, сделал правильную словоформу, опустив букву *к*; таким образом, на

месте *тко* появилась форма *то*. Хотя предложение и в этом виде бессмысленно, но в нем нет хотя бы бессмысленного слова. Позже переписчики, увидев, что в предложении нет подлежащего и то, что слово *то* не имеет функции, смогли прийти только к такому выводу, что сказуемое в форме мужского рода должно иметь при себе подлежащее мужского рода, и, очевидно, в этом качестве должна выступить какая-либо форма слова *то*, потерявшего свою функцию в результате описки. Наиболее очевидным вариантом смогла оказаться форма мужского рода *тот* местоимения *то*, которая могла относиться к подлежащему предшествующего предложения. Таким образом, текст XVII в. получил смысл, хотя не совсем тот, который мог иметь оригинал. Во втором в хронологическом порядке тексте (который прямо не служил образцом для изводов XVII в., последние восходят к какому-то более раннему тексту, чем сохранившийся текст, см. Повесть 1964, 99) имела место дальнейшая значительная порча текста. Из предшествующих предложений сюда попало слово *бирев*. Возможно, до того как в предложение было включено это, очевидно, непонятное переписчику слово, один из не столь ранних предшествующих списков косвенно еще отражал форму *тко*. *Тот кобирев* можно прочесть как *то тко бирев*; если мы опустим *бирев* как несомненно более позднюю вставку. *То тко* может отражать ранний этап придания смысла форме *тко*. Впрочем, форма *тко* встречается в письме короля Матвея, составленном в 1487 г. на сербском языке, как раз в подобном значении «кто-то», и именно в условном придаточном предложении: «ако би тко инако мегю нами что безидио, да бисмо не веровали» (Радойчич 1953–1954, 364).

Из сказанного видно, что в с е представленные нами языковые особенности древнерусской «Повести о Дракуле» могут быть естественным образом объяснены на основе сербского языка того времени. В отличие от господствующего в специальной литературе мнения мы имеем основания предположить, что источником русского текста было не существовавшее в Венгрии устное предание (по крайней мере, оно послужило не единственным его источником), а члены русского посольства смогли ознакомиться в Венгрии также с пись-

менным текстом, составленным на одном из славянских языков. Однако этот письменный вариант, в отличие от мнения П.П. Панайтеску, не мог быть написан на среднеболгарском языке, которым в это время у румын пользовались в качестве литературного языка (хотя в силу сходных черт болгарского и сербского языков значительная часть указанных особенностей может быть выявлена и на основе среднеболгарского языка). Равным образом, в отличие от мнения П. Олтяну, нам следует констатировать, что на основе четко не очерченной характеристики закарпатского церковнославянского языка украинской редакции рассматриваемые нами особенности не могут быть объяснены в ц е л о м .

—
191
—

Следовательно, нам следует предположить, что до прибытия в Венгрию московского посольства в 1482–1484 гг. уже существовала письменная версия истории о Дракуле на сербском языке, которая была литературным продуктом сербских дьяков, работавших в венгерской королевской канцелярии при короле Матвее. Рассказы, переходившие из уст в уста в Венгрии и особенно при королевском дворе, предполагаемый нами сербский автор обогатил некоторыми идеологическими элементами (настроение против турок, король, отличающийся справедливостью), которые хорошо вписывались в систему идей Венгрии того времени. С особенной сербской точки зрения он осуждает Влада Цепеша за то, что он обратился в католическую веру, и этот поступок может объясняться лишь тем, что после освобождения из плена король подкупил его (однако известно, что даже при первом вступлении на престол он был уже католиком, см. Богдан 1896, 30–32); его гибель изображается как прямое следствие отказа от православной веры. Несомненно, это произведение наряду с занимательным сюжетом своим правозерным православным идейным содержанием привлекло внимание руководителя московского посольства, который, как известно, наряду с дипломатической деятельностью занимался вопросами веры. Позже его обвинили в ереси, более того, он считался главой московских еретиков (о еретических движениях на Руси кон. XV в. и роли Федора Курицына см. Казакова, Лурье 1955, 74–224). Официальные

церковные авторы начало еретического движения в Москве прямо связывают с возвращением Федора Курицына из Венгрии и деятельностью некоего венгра Мартынка («угрянин Мартынка»), которого привез с собой Курицын (Казакова, Лурье 1955, 148, 381)¹¹. Естественно, «угрянин» в то время мог обозначать не только этнического венгра, но и венгерского подданного любой национальности. С полной уверенностью можно сказать, что с литературным творчеством Федора Курицына может быть связано всего одно произведение — Лаодикийское послание; однако там перед зашифрованным именем московского дьяка мы читаем следующее: «Иже аще кто хоцетъ увѣдати имя *приведшаго* Лаодикийское послание» (Казакова, Лурье 1955, 270). Итак, дьяк Федор Курицын был не автором, а только «импортером» этого произведения. Следовательно, мы располагаем достоверными сведениями о том, что Курицын доставлял рукописи в Россию, а относительно его самостоятельного литературного творчества по сей день высказывались только догадки.

Возможно, в результате наличия русско-венгерских дипломатических контактов кон. XV в. в Россию попал ряд сербских исторических и литературных произведений. Известно, что в 1480–1490 гг. в русской письменности резко возросло число произведений сербского происхождения. Новые исследования показали, что именно в это время (не раньше, как прежде предполагалось) в Москве составлялся т.н. Русский хронограф, в который наряду с данными русских летописей вошли почти все средневековые сербские летописи и легенды¹². Это позволя-

¹¹ «Да приехал, деи, с Федором с Курициным из Угорской земли угрянин, Мартынком зовут» — Послание архиепископа Новгородского Геннадия собору епископов 1490 г. (Режим доступа: <http://krotov.info/acts/15/3/gonozov.htm#19> (дата обращения: 20.06.2012)).

¹² См. ПСРЛ XXII 1911, Ч. 1. Согласно одной записи 1538 г. это произведение было переписано волоколамским монахом *Дракулой* Вассианом. Прозвище Дракула является единственным доказательством того, что Повесть о Дракуле была известна на Руси в XVI в., хотя списков из этого века не сохранилось. Ср. Панченко, Успенский 1983, 61. О том, что Русский хронограф не мог быть создан до 1490-х гг., см. Клосс 1971, 244–255; Творогов 1975, 188–207.

ет считать, что именно в это время появилась в русской письменности легенда о святом Владиславе, поскольку этим, по существу, были опровергнуты предположения относительно авторства сербского монаха Пахомия, проживавшего с 1438 г. в России¹³. Если к этому добавим сербский роман об Александре Македонском, который, как нами было отмечено, впервые появляется в это же время, более того, в том же рукописном сборнике, что и «Повесть о Дракуле», мы не сможем освободиться от мысли, что все эти произведения пришли в Россию не по традиционным каналам (Афон, Константинополь), а по новым каналам сербско-русских культурных контактов. Поиск новых путей вполне понятен, с одной стороны, из-за падения Византии и балканских славянских государств, с другой стороны, в связи с приобретением самостоятельности русской церкви (и ее обособления в пределах православного мира от Константинополя, и затем от западнорусской церкви, продолжавшей подчиняться Константинополю). Русская культура искала контакты с православной культурной традицией там, где она еще

—
193
—

¹³ Йозеф Перени (Перени 1955, 231–234), опираясь в первую очередь на исследования А.А. Шахматова, еще был уверен, что около 1442 г. этот Пахомий был автором (составителем) как Хронографа, так и вошедшей в него легенды о святом Владиславе. Однако в Хронографе имеется только сильно сокращенный вариант легенды (ПСРЛ XXII 1911, Ч. 1, 400–401), представляющий собой результат переработки более обширного варианта, вошедшего в русские летописи (ср. Творогов 1975, 177), т.е. в Хронограф был включен сильно сокращенный вариант легенды, которая в полном виде уже получила распространение в летописях. Пахомий вряд ли сократил свое собственное произведение, так что маловероятно, что автором сокращенного и более полного вариантов является одно и то же лицо. Более того, нет никаких доказательств, что Пахомий был в живых в 1490-е гг., когда (во всяком случае, не раньше) был создан русский Хронограф (См. Радоичич 1957, 245–246). На неверной информации основано утверждение Дж. Сп. Радоичича (Радоичич 1957, 245) о том, что автор должен был побывать в г. Надьварад до 1474 г., потому что знаменитую скульптуру св. Владислава, созданную братьями Коложвари, турки уничтожили в 1474 г. во время их вторжения в город; на самом деле скульптура была уничтожена только в 1660 г., когда турки захватили город (ср. *Művészeti lexikon*. Budapest, 1981. 2. 668). Ввиду этого нет никаких препятствий для того, чтобы появление на Руси легенды о Святом Владиславе датировать 1480-ми гг. и связать ее появление в русской письменности также с дипломатическими контактами между королем Матвеем и Иваном III.

сохранилась за пределами Османской империи. На этой основе имеет место брак Ивана III и Софьи Палеолог (1472 г.). Наряду с установлением родственных отношений с Византией, Иван III предпринимает шаги для того, чтобы установить родственные отношения с потомками последней сербской династии¹⁴. Если родственные связи с молдавским воеводой Стефаном III имели внешнеполитическое значение, то племянница последнего византийского императора без всяких владений, воспитывавшаяся в Риме приживальщицей, располагала чисто идеологическим, культурным «приданым»; на то же самое можно было рассчитывать в отношении потомков сербской династии. По этому новому каналу в Москву поступали литературные произведения нового типа. В русскую литературу нашла дорогу также с в е т с к а я литература православных балканских славян, проживавших в западной культурной среде.

¹⁴ В послании Ивана III своей дочери великой княгине литовской и королевой польской Елене 1503 г. говорится о его намерении женить своего сына Василия на сербской княжне, и при этом упоминаются сведения о Бранковичах в Венгрии: «сынъ мой Василей, а твой братъ, и мои дѣти, Юрій и Дмитрей, а твоя братья, даль Богъ, того доросли, что ихъ пригоже женити, и язъ ихъ хочю женити, гдѣ будетъ пригоже; и ты бы, дочка, отвѣдала: у которыхъ государей греческого закона, или римского закону, будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василия женити <...> Были у Угорского короля у Матіяша Степановы дѣти Сербского деспота, Юрій да Иванъ; и Иванъ постригся еще при Матіяшѣ королѣ, а Георгей туто женился да и дѣти прижилъ; и Петру и Костянтину и Михайлу попытати о томъ въ Вильнѣ накрѣпко: Юрій деспотъ въ Угрехъ еще ли живъ? и есть ли у него дѣти, сынове ли, дочери ли? и будутъ у него дѣти сынове и дочери, женаты ли, а дочери замужомъ, или еще холосты? да что отвѣдаютъ про Юрія про деспота и про его дѣтей, и имъ то себѣ записати на память подлинно» (СРЮ 1882, № 76, 426–427). Однако родственные связи смог установить только его сын Василий III, который в 1526 г. женился на Елене Глинской (в этом браке родился в 1530 г. будущий Иван IV «Грозный»). Елена Глинская по материнской линии (через семью Якшичей) была дальней родственницей Бранковичей (ср. Тихомиров 1969, 156–159; Радоичич 1957, 252–253).

Основной работы «Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV веке» стала кандидатская диссертация автора, написанная под руководством профессора Бориса Андреевича Успенского во время обучения в заочной аспирантуре на кафедре русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1980–1984 гг. На защите диссертации рецензентом выступил ныне уже покойный профессор Г.А. Хабургаев, официальными оппонентами были Я.Д. Исаевич (Львов), также ныне покойный, и А.А. Алексеев. Я с искренней благодарностью вспоминаю своего научного руководителя и всех ученых, которые принимали участие в обсуждении работы.

На основе диссертационной работы в качестве учебного пособия была опубликована на ротапринте монография Золтан 1987. Некоторые главы диссертации публиковались впоследствии как отдельные статьи: 1) Золтан 1985; 2) Золтан 1988. Последняя статья была перепечатана в Литвина, Успенский 2002, 766–804. До завершения диссертации вышла статья Золтан 1983а, материал которой впоследствии лег в основу первой главы диссертации. Эта статья тоже была перепечатана в Литвина, Успенский 2002, 554–590, а также в Прыгодзіч 2010, 112–151.

Статья «Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики» печатается по изд.: Hungaro-Slavica 1983. Budapest; Köln; Wien, 1983. P. 333–344. Статья была переиздана в переводе на белорусский язык в Цыхун 2013, 64–75. Из более новой литературы см., напр., Романова Н.П. Словообразование и языковые связи: Русско-украинско-польские языковые связи XVI–XVII вв. Киев, 1985.

С. 18–19, 38, 72–73, 76; *Moser M.* Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main; Berlin; New York; Paris; Wien, 1998. S. 40; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный // Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 137, 220, 251, 295; Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: текст, словоуказатель, исследование / Предисловие, исследование, подготовка текста и составление словоуказателя Е.А. Целуновой. М., 2006. С. 91; *Гарбуль Л.* Семантические полонизмы в русском приказном языке первой пол. XVII в. Вильнюс, 2009. С. 53.

Статья «К вопросу о возникновении древнерусской «Повести о Дракуле» впервые опубликована на венгерском (*Zoltán A. Megjegyzések az orosz Drakula-történet keletkezéséhez // Filológiai Közlöny*, 30. 1984. P. 149–164), а потом на немецком языке (*Zoltán A. Beiträge zur Entstehung der russischen Drakula-Geschichte // Studia Slavica Hung.*, 31. 1985. P. 109–129). На русском языке статья публикуется впервые. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить своего коллегу Д. Карпати за помощь в переводе статьи на русский язык. При переводе текст подвергался некоторой обработке: пропущены некоторые ссылки, важные только для венгерского читателя, добавлены некоторые ссылки на источники, которые во время написания статьи не были доступны автору.

Рассмотренные в книге проблемы были представлены автором в форме докладов, прочитанных на международных конференциях — «Римские Кирилло-Мефодиевские чтения», «Политическая, конфессиональная, национальная карта Восточной Европы: история и современность», «Международная школа славистики», проходивших в 2012–2013 гг. в рамках семинара «*Slavia Christiana: язык, текст, образ*».

- ААЭ 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I (1294–1598). — 197
- Аванесов 1961 — Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. I / Рэд. Р.І. Аванесаў. Мінск, 1961. —
- Аверьянова 1964 — Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подготовка к печати и вступительная статья А.П. Аверьяновой. Л., 1964.
- АДБЛ 2003 — Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI — першая палова XVII стагоддзя / Навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. Мінск, 2003.
- АЗР 1846–1848 — Акты, относящиеся к истории Западной России / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1846–1848. Т. I–II.
- АИ 1841 — Акты исторические / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1841. Т. I.
- АФ 1976 — Acta Slavica Concilii Florentini / Edidit Krajcar J. S. I. Roma, 1976. P. 38–40.
- Александрия 1965 — Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Издание подготовили М.Н. Ботвинник, Я.С. Лурье, О.В. Творогов. М.; Л., 1965.
- Алеф 1959 — *Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II // Speculum: A Journal of Mediaeval Studies*, vol. XXXIV. Cambridge, 1959. P. 1–19.
- АРГ 1975 — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975.
- Арциховский, Борковский 1958 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- Арциховский, Борковский 1963 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.
- Арциховский, Янин 1978 — *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.
- АСЭИ 1952–1964 — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952–1964. Т. I–III.

- Афанасий Никитин 1980 — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 / Предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии Н.И. Прокофьева. М., 1980.
- АФЗХ 1951–1961 — Акты феодального землевладения и хозяйства / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1951–1961. Т. I–III.
-
- АЮЗ 1863–1865 — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1863–1865. Т. I–II.
- 198
-
- Барсов 1981 — *Барсов А.А.* Российская грамматика / Подготовка текста и текстологический комментарий М.В. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М., 1981.
- Басай 1966 — *Basaj M.* Bohemizmy w języku pism Marcina Krowickiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1966.
- Басай 1979 — *Basaj M.* Stan i perspektywę badań nad wpływami polskimi na język rosyjski // *Slavia Orientalis*, v. XXVIII. Warszawa, 1979. Z. 1. S. 3–13.
- БЕР 1971–1979 — Български етимологичен речник / Редактор В.И. Георгиев. София, 1971–1979 (издание продолжается). Т. I–II.
- Бернштейн 1948 — *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I: Язык валахских грамот XIV–XV веков. М.; Л., 1948.
- Богдан 1896 — *Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui / Studiu critic de Ioan Bogdan.* București, 1896.
- Богдан 1908 — *Bogdan J.* Über die Sprache der ältesten moldavischen Urkunden // *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift)*. Berlin, 1908. S. 369–377.
- Богдан Д. 1933 — *Bogdan D.P.* În chestiunea autenticității inscripției Alexandru Basarab // *Revistă Istorică Româna*, vol. III. București, 1933. P. 270–271.
- Богоявленский 1980 — *Богоявленский С.К.* Научное наследие: О Москве XVII века. М., 1980.
- Бонфини 1568 — *Antonii Bonfinii Rerum Vngaricarvm decades qvatvor, cum dimidia.* Basileae, 1568. P. 558.
- Бонфини 1936 — *Antonius de Bonfinis Rerum Ungaricarum Decades / Ediderunt I. Fögel et B. Iványi et L. Juhász.* Lipsiae, 1936. T. III. P. 243.
- Бошков 1977–1979 — *Boškov V.* Pitanje autentičnosti fojničke ahd-name Mehmeda II iz 1463 godine // *Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine*, knj. XXVIII–XXX. Sarajevo, 1977–1979. S. 87–105.
- Брицын 1965 — *Брицын М.А.* Из истории восточнославянской лексики. Київ, 1965.

- БРС 1962 — Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М., 1962.
- Брюкнер 1970 — *Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego.* Warszawa, 1970.
- Булахов 1961 — *Булахов М.Г.* Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка // Начальный этап формирования русского национального языка / Отв. ред. Б.А. Ларин. Л., 1961. С. 48–62. —
- Булахов 1965 — *Булахаў М.Г.* Нататкі па гісторыі лексікі // Беларуская мова: Даследаванні па лексікалогіі / Галоўны рэд. М.Р. Суднік. Мінск, 1965. С. 45–59. — 199
- Булаховский 1951 — *Булаховский Л.А.* К истории взаимоотношений славянских литературных языков // Известия АН СССР: «Отделение литературы и языка». Т. X. Вып. 1. М., 1951. С. 37–49.
- Булыко 1972 — *Булыка А.М.* Даўнія запазычаны беларускай мовы. Мінск, 1972.
- Варш. сл. 1900–1927 — *Słownik języka polskiego / Ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwieckiego.* Warszawa, 1900–1927. Т. I–VIII.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В.В.* Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков) // Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, вып. 3. М., 1947. С. 7–12.
- Виноградов 1982 — *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Виноградова 1965–1978 — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1978 (издание продолжается).
- Висковатый 1935–1936 — *Висковатый И.К.* О «Секуле Дракуловиче (Драгуловиче)» югославянских народных песен // *Slavia*, 14. 1935–1936. С. 160–163.
- В-К 1980 — Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подготовили Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов. Под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
- В-К 1983 — Вести-Куранты 1648–1650 гг. / Изд. подготовили В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
- Водов 1978 — *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme 'tsar' appliqué аих princes russes avant le milieu du XV siècle // *Oxford Slavonic Papers*, vol. XI. Oxford, 1978. P. 1–41.
- Водов 1979 — *Водов В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.) // Исторические записки, т. 103. М., 1979. С. 325–350.

- Ворт 1981 — *Worth D.S.* The French Captain's Russian // *Russian Linguistics*, vol. 5. Dordrecht; Boston, 1981. P. 199–210.
- Востоков 1842 — *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 511–512.
- Выртошу 1960 — *Virtosu V. și E.* Titulatura domnilor și asocierea la domnie în Țara Românească și Moldova pînă în sec. al XV-lea. București, 1960.
- 200 Галецкий 1915 — *Halecki O.* Ostatnie lata Swidrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.
- Гардинер 1965 — *Gardiner S.C.* German Loanwords in Russian 1550–1690. Oxford, 1965.
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Гебауэр 1903–1916 — *Slovník staročeský / Napsal Jan Gebauer.* Praha, 1903–1916. Díl I–II (A–netbalivost).
- Генсёрский 1958 — *Генсюрський А.І.* Галицько-Волинський літопис (Процес складання; редакції і редактори). Київ, 1958.
- Генсёрский 1961 — *Генсюрський А.І.* Галицько-Волинський літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.
- Гиббенет 1882–1884 — Историческое исследование дела патриарха Никона / Составил по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1882–1884. Ч. I–II.
- ГЛБМ 1970 — Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / Рэдактары А.Я. Баханькаў, А.І. Жураўскі, М.Р. Суднік. Мінск, 1970.
- Глогер 1978 — *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska. Warszawa, 1978 (przedruk fotooffsetowy wydania z 1900–1903). T. I–IV.
- Годинка 1891 — *Hodinka A.* A szerb történet forrásai és első kora. Budapest, 1891.
- Годинка 1916 — *Hodinka A.* Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916. P. 462, 472, 474.
- Голубинский 1901–1911 — *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1901–1911. Т. I (ч. 1–2)–II (ч. 1–2).
- Гонсиоровский 1907 — Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси / Сборник материалов и исследований, сообщенных О. Гонсиоровским, А.А. Куником, А.С. Лаппо-Данилевским, И.А. Линниченко, С.Л. Пташицким и И. Режабком. СПб., 1907.
- Горшкова 1951 — *Горшкова О.В.* Язык московских грамот XIV–XV веков (лексика и фразеология). М., 1951.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

- Гринченко 1907–1909 — Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / Редактировал Б.Д. Гринченко. Киев, 1907–1909 (фотомеханическое переиздание: Киев, 1958). Т. I–IV.
- Гринчишин 1962 — *Гринчишин Д.Г.* Из спостережень над адміністративно-юридичною лексикою в українських грамотах XIV–XV ст. // Дослідження і матеріали з української мови, т. V. Київ, 1962. С. 31–52.
- Грицак 1958 — *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958.
- Грушевский 1905 — *Грушевський М.* История України–Руси. Львов, 1905. Т. V. Ч. 2.
- Грушевский 1902 — *Грушевський М.* Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва? (Критично- історична розвідка) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. 45. Львів, 1902. С. 1–22.
- ГСБМ 1982–2010 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–2010. (издание продолжается.). Вып. I (А — Биенье) — 30 (Ралець — Рушаты).
- Гумецкая 1967 — *Гумецькая Л.Л.* Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV–XV ст.? // Мовознавство. Київ, 1967. № 4. С. 92–95.
- Гумецкая 1969 — *Гумецькая Л.Л.* К истории украинско-польских языковых связей // Исследования по польскому языку. М., 1969. С. 219–228.
- Гумецкая 1971 — *Гумецькая Л.Л.* Заметки об украинско-западнославянских связях древнего периода // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И. Борковского. М., 1971. С. 113–118.
- Даль 1880–1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880–1882 (фотомеханическое переиздание: М., 1978–1980). Т. I–IV.
- Дамерау 1963 — *Damerau N.* Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963.
- Дарко 1917 — *Darkó J.* A veszprémi apácamonostor alapítólevelének 1109-i másolatáról // Egyetemes Philologiai Közlöny, 41. Budapest, 1917. P. 257–272, 336–351.
- ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л.Б. Черепнин. Отв. ред. С.В. Вахрушин. М., 1950.
- Дельгер 1948 — *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.

- Дельгер 1956 — *Dölger F. Byzantinische Diplomatie: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956.*
- ДАИ 1848 — *Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848* (Дополнения к Актам историческим, относящимся к России, извлеченным из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1848).
- 202 Дурново 1924 — *Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка.* М.; Л., 1924.
- Дурново 1969 — *Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка.* М., 1969.
- ЕСУМ 1982 — *Етимологічний словник української мови. Київ, 1982* (издание продолжается). Т. I.
- Живов 1982 — *Живов В.М. Margeretiana renovata // Russian Linguistics, vol. 6. Dordrecht; Boston, 1982. P. 335–351.*
- Живов, 2002 — *Живов В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., «Языки славянской культуры». 2002*
- Жуковская 1972 — *Жуковская Л.П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопросы языкознания, № 5. М., 1972. С. 62–76.*
- Журавский 1978 — *Журавский А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 185–191.*
- Закревская 1983 — *Закревська Я.В. До історії українсько-південнослов'янських мовних зв'язків // З історії міжслов'янських зв'язків (Збірник наукових праць). Київ, 1983. С. 147–155.*
- Зак. акты 1936 — *Законодательные акты Великого княжества Литовского / Сборник материалов подготовлен к печати И.И. Яковкиным. Л., 1936. С. 12.*
- Записки Янычара 1912 — *Pamiętniki Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostriwicy napisana między r. 1496 a 1501 / Wydał Łoś J. Kraków, 1912. S. 102–107, 267–270.*
- Золтан 1977 — *Золтан А. О старорусском «мѣстичь» // Studia Slavica, t. XXIII. Budapest, 1977. P. 161–163.*
- Золтан 1977а — *Золтан А. Studia Slavica, t. XXIII. Budapest, 1977. P. 191–198* (рец. на кн.: Кохман 1975).
- Золтан 1978 — *Zoltán A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna // Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Linguistica, t. IX. Budapest, 1978. P. 211–219.*

- Золтан 1979 — *Золтан А.* К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода // *Studia Slavica*, t. XXV. Budapest, 1979. P. 465–473.
- Золтан 1983 — *Золтан А.* Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию) // *Hungaro-Slavica* 1983. Budapest, 1983. P. 333–344. —
- Золтан 1983а — *Золтан А.* К предыстории русск. *государь* // *Studia Slavica Hung*, t. XXIX. Budapest, 1983. P. 71–110. 203
- Золтан 1984 — *Zoltán A.* Beiträge zur Entstehung der russischen Drakula-Geschichte // *Studia Slavica*, t. 31. Budapest, 1985. P. 109–126. —
- Золтан 1985 — *Золтан А.* Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе // *Studia Slavica Hung*, t. XXXI. Budapest, 1985. P. 245–262.
- Золтан 1987 — *Zoltán A.* Fejezetek az orosz szókincs történetéből. Budapest, 1987.
- Золтан 1988 — *Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // *Studia Slavica Hung*, t. XXXIV. Budapest, 1988. P. 81–124.
- Иллич-Свитыч 1960 — *Иллич-Свитыч В.М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, т. XIX. М., 1960. Вып. 3. С. 222–232.
- Ильенко 1958 — *Ильенко В.В.* Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV–XVI веков. Днепропетровск, 1958.
- Ильинский 1911 — *Ильинский Г.А.* Грамоты болгарских царей. М., 1911 (= Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества, т. V).
- Исаченко 1970 — *Isačenko A.V.* Die Gräzismen des Großfürsten // *Zeitschrift für slavische Philologie*, bd. XXXV. Heidelberg, 1970. S. 32–52.
- Исаченко 1980 — *Issatschenko A.* Geschichte der russischen Sprache. Heidelberg, 1980. Bd. 1.
- Исаевич 1967 — *І. Я.* [= Исаевич Ярослав] *Архіви України*, р. XXI. Київ, 1967. № 3. С. 83–84 (рец. На статью: Мацурек 1966).
- Казакова, Лурье 1955 — *Казакова Н.А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.
- Казакова 1970 — *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // *ТОДРЛ*, т. XXV. М.; Л., 1970. С. 60–72.

- Казакова 1980 — *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л., 1980.
- Карплюк 1977 — *Karpluk M.* O języku Macieja Strykowskiego, historyka i poety z drugiej połowy XVI wieku: I. Regionalizmy, cechy ruskie i poetyzmy w dziedzinie fonetyki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.
- Карский 1955–1956 — *Карский Е.Ф.* Белорусы: Язык белорусского народа. М., 1955–1956. Вып. 1–3.
- Карский 1962 — *Карский Е.Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Каштанов 1982 — *Каштанов С.М.* Современные проблемы европейской дипломатики // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 26–51.
- КДРС — Картотека Древнерусского словаря XI–XVII вв. — Институт русского языка АН СССР. Москва.
- Кипарский 1963–1975 — *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Heidelberg, 1963–1975. Bd. I–III.
- Клосс 1971 — *Клосс Б.М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971.
- Клосс 1980 — *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Клюге 1999 — *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache. Berlin; New York, 1999. 23.
- Конечный 1925–1926 — *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej // *Ateneum Wileńskie*, t. III. Wilno, 1925–1926. S. 194–264.
- Косман 1969 — *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // *Studia Źródłoznawcze*, t. XIV. Warszawa; Poznań, 1969. S. 91–119.
- Котков 1974 — *Котков С.И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- Кохман 1967 — *Kochman S.* Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967.
- Кохман 1970 — *Kochman S.* Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska*, nr. VII. Opole, 1970. S. 69–78.
- Кохман 1971–1974 — *Kochman S.* Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487–1571). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971–1974. Cz. I–IV.

- Кохман 1972 — *Kochman S. W. Trediakowski w kręgu polskich wpływów językowych // Acta Universitatis Wratislaviensis. No. 170: Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 1972. III. P. 39–54.*
- Кохман 1974 — *Kochman S. Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych // Studia Śląskie. T. XXVI. Wrocław, 1974. S. 145–159.*
- Кохман 1975 — *Kochman S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole, 1975.*
- Кохман 1977 — *Kochman S. Z dziejów terminologii sądowniczej w językach wschodniosłowiańskich (pravo, povod) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska, nr. XV. Opole, 1977. S. 73–84.*
- Кохман 1978 — *Kochman S. Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI–XVIII w. (1. gramota, 2. list) // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria A: Filologia rosyjska, nr. XVI. Opole, 1978. S. 73–86.*
- Кохман 1981 — *Kochman S. Stan badań nad dziejami terminologii dyplomatycznej w języku rosyjskim // Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska, t. 9. Gdańsk, 1981. S. 197–201.*
- Кохман, Шнигер 1984 — *Kochman S., Szniگیر Cz. Czy ros. prisjaga jest polonizmem? // Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska, t. 12. Gdańsk, 1984. S. 95–104.*
- Кочин 1935 — *Памятники истории Великого Новгорода и Пскова / Сборник подготовлен к печати Г.Е. Кочиным. М.; Л., 1935.*
- Кочин Сл. 1937 — *Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г.Е. Кочин. М.; Л., 1937.*
- КПМЛ I 1843 — *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / Издана М. Оболенским и И. Даниловичем. М., 1843.*
- КПМЛ II 1843 — *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / Издана М. Погодиным и Д. Дубенским. М., 1843.*
- Кресценций 1549 — *Piotra Crescentyna Księgi o gospodarstwie, y o opatrzeniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow, każdemu stanowi potrzebne. Drukowano w Krakowie u Heleny Florianowey roku 1542.*
- Кржижкова 1960 — *Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině // Acta Universitatis Palackianae Olomouensis. Praha, 1960. S. 3–24.*

- Курашкевич 1934 — *Kuraszkiewicz W.* Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV wieku: Studium językowe. Kraków, 1934.
- Курашкевич 1937 — *Kuraszkiewicz W.* Rocznik Slawistyczny, t. XIII. Kraków, 1937. S. 39–58 (Рец. на кн.: Станг 1935).
- КЭС 1979 — *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1979.
- Лаппо 1916 — *Лаппо И.И.* Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.
- Ларин 1948 — *Ларин Б.А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига, 1948.
- Ларин 1959 — *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1698–1619 гг.). Л., 1959.
- Лет. Ипатск. сп. 1871 — *Летопись по Ипатскому списку.* СПб., 1871. С. 450.
- Лефельдт 2000 — *Lehfeldt W.* Eine serbisch-russische Sprachbegegnung vom Anfang des XVI Jahrhunderts: Zur Sprache der Moskauer Kopien von serbischen Briefen Sultan Selims I. an den Großfürsten Vasilij III Ivanovič. Göttingen, 2000.
- Лиминг 1967 — *Leeming H.* The Phonology of Russian Words in 16th-century English Sources // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, t. XXV. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967. S. 209–213.
- Лиминг 1976 — *Leeming H.* Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696: Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
- Линде 1854–1856 — *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Lwów, 1854–1856. T. I–VI.
- Литвина, Успенский 2002 — Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.В. Успенский. М., 2002.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев 1951 — *Лихачев Д.С.* Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*, т. VIII. М.; Л., 1951. С. 17–30.
- Лихачев 1979 — *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков, отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1979. С. 205.
- Лось 1915 — *Łoś J.* Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543. Kraków, 1915.
- Лурье 1955 — *Лурье Я.С.* Из истории русского летописания конца XV в. // *ТОДРЛ*, т. XI. М.; Л., 1955. С. 156–186.

- Лурье 1961 — *Лурье Я.С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века // ТОДРЛ, т. XVII. 1961. С. 130–168.
- Лурье 1963 — *Лурье Я.С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV–XVI вв. // ТОДРЛ, т. XIX. М.; Л., 1963. С. 262–288.
- Лурье 1970 — *Лурье Я.С.* Оригинальная беллетристика XV в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я.С. Лурье. Л., 1970. С. 360–368.
- Львов 1965 — *Львов А.С.* О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М., 1965. С. 199–203.
- Львов 1966 — *Львов А.С.* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 88–103.
- Львов 1968 — *Львов А.С.* Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности // Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 316–338.
- Малинин 1901 — *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Мареш 1967 — *Мареш В.Ф.* Стих чешско-церковнославянской песни «Господине, помилуй ны» // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. The Hague; Paris, 1967. Vol. II. P. 1261–1263.
- Матушевский 1958 — *Matuszewski J.* O państwie i Państwie // Czasopismo Prawno-Historyczne, t. X. Warszawa, 1958. Z. 2. S. 77–104.
- Махек 1971 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Мацурек 1958 — *Macůrek J.* Po stopách spisovné češtiny v jihezapadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století // Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958. S. 42–64.
- Мацурек 1960 — *Macůrek J.* K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století // Slovanské historické studie III. Praha, 1960. S. 127–184.
- Мацурек 1960a — *Macůrek J.* K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské University, r. IX. Řada historická (C), č. 7. Brno, 1960. S. 151–159.

- Мацурек 1967 — *Macûrek J.* Působila česká listina na listinu moldavskou v 2. polovině 15. století? // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské univesity, r.15. Řada historická (C), č. 13. Brno, 1966. S. 25–54.
- Мельников 1967 — *Мельников Е.И.* О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков // *Slavia*. R. XXXVI. Praha, 1967. S. 98–114.
- Мельников-Печерский 1979 — *Мельников П.И. (Андрей Печерский)* На Горах: Продолжение рассказов «В лесах». М., 1979. Кн. 1–2.
- 208 Миклошич 1862–1865 — *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Миклошич 1858 — *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii* / Ed. Fr. Miklosich. Viennae, 1858.
- Миклошич и Мюллер 1871 — *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta ediderunt Fr. Miklosich et Ios. Müller.* Vol. IV: *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis*. T. I. Vindobonae, 1871.
- Микуцкий 1953 — *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne I: Les traités byzantino-russes du X-e siècle // *Bulletin de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie — Classe d'Histoire et de Philosophie*. Kraków, 1953. P. 1–40.
- Миниковска 1980 — *Minikowska T.* Wyrazy ukraińskie w polszczyźnie literackiej XVI w. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.
- Миниковска 1980a — *Minikowska T.* O rutenizmach leksykalnych w Libri Legationum // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, t. 19. Warszawa, 1980. S. 59–75.
- Миту 1963 — *Mitu M.* Termeni de origine polonă în documentele slavomoldovenești: I, 1388–1517 // *Romanoslavica*, vol. VIII. București, 1963. P. 155–224.
- Мольнар, Шимон 1977 — *Molnár J., Simon Gy.* Magyar nyelvelmékek. Budapest, 1977.
- Моравчик 1938 — *Moravcsik Gy.* Görögnyelvű monostorok Szent István korában // *Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján*. Budapest, 1938. Köt. I. P. 387–422.
- Моравчик 1984 — *Az Árpád-kori történet bizánci forrásai / Összegyűjtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gy.* Budapest, 1984.
- Мстиславово Евангелие 1983 — *Апракос Мстислава Великого* / Изд. подготовили Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
- Назиратель 1973 — *Назиратель* / Изд. подготовили В.С. Голышенко, Р.В. Бахтурина, И.С. Филиппова. Под ред. С.И. Коткова. М., 1973.

- Натансон-Лески 1922 — *Natanson Leski J. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej // Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej, cz. III. Lwów; Warszawa, 1922.*
- НЛИ 1971 — *Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016–1333/1352. Leipzig, 1971.*
- Обнорский, Бархударов 1952 — *Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.* —
- Олтяну 1961 — *Olteanu P. Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș. București, 1961.* 209
- Острогорский 1935 — *Острогорски Г. Автократор и самодржац // Глас Српске краљевске академије, књ. CLXIV, Други разред, 84. Београд, 1935. С. 95–187.* —
- Охманьски 1982 — *Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1982.*
- Павлов 1878 — *Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.*
- Пальцев 1973 — *Пальцаў Г.В. Агульныя словы чэшскага паходжаньня ў беларускай і польскай літаратурных мовах // Польские говоры в СССР. Ч. I / Ред. В.В. Мартынов. Минск, 1973. С. 120–131.*
- Переясл. лет. — *Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. Изд. М. Оболенский. Москва, 1851.*
- ППП 1978 — *Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край / Изд. подготовили С.И. Котков, И.С. Филиппова. Под ред. С.И. Коткова. М., 1978.*
- Панайтеску 1959 — *Bogdan I. Cronicile slavo-romînedin sec. XV–XVI / Ediție revăzută și completată de P.P. Panaitescu. București, 1959. P. 198–199.*
- Панайтеску 1963 — *Panaitescu P.P. Revue roumaine d'histoire. 1963. T. 2. No. 1. P. 256 (рец. на статью: Штридтер 1961, 398–427).*
- Панченко, Успенский 1983 — *Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ, т. XXXVII. Л., 1983. С. 54–78.*
- Пат. Печ. 1911 — *Патерик Киевского Печерского монастыря / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1911.*
- Пашкевич 1924 — *Paszkievicz H. Ze studiów nad polityką polską, litewską i krzyżacką Bolesława Jerzego, ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimierskiej // Ateneum Wileńskie, t. IV. Wilno, 1924. S. 1–37.*
- Пашуто 1950 — *Пашуто В.Т. Очерки по истории галицко-волынкой Руси. М., 1950.*

- ПДС 1851 — Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I. СПб, 1851. Т. I.
- Пеннингтон 1968 — *Pennington A.E. Future Periphrasis in 17th-Century Russian: Some Evidence from Translated Material* // *The Slavonic and East European Review*, vol. XLVI, n. 106. London, 1968. P. 31–47.
- Пеннингтон 1980 — *Kotošixin G.. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča* / Edited with a Commentary by A.E. Pennington. Oxford, 1980.
- Перени 1955 — *Перени Й. Легенда о святом Владиславе* // *Studia Slavica Hung*, t. I. Budapest, 1955. P. 227–244.
- Пересветов 1956 — *Сочинения И. Пересветова* / Подг. текста А.А. Зимин. Под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1956.
- Пешак 1974 — *Грамоти XIV ст. / Упоряднування, вступна стаття, коментарі і словнини-показчини М.М. Пешак. Київ, 1974.*
- ПИГ 1951 — *Послания Ивана Грозного* / Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. Под ред. В.Л. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.
- Повесть 1878 — *Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе: Исидоров собор и хождение его* // Павлов 1878, приложение X, 196–210.
- Повесть 1964 — *Повесть о Дракуле* / Исследование и подготовка текстов Я.С. Лурье. М.; Л., 1964.
- Полоцкие грамоты 1977–1978 — *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977–1978.
- Полякова 1976 — *Полякова Е.Н. Названия имущества в пермских памятниках XVII — начала XVIII века* // *Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1976. С. 37–48.*
- Попов 1875 — *Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.)*. М., 1875.
- Преображенский 1959 — *Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка*. М., 1959. Т. I–II.
- Приселков 1916 — *Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам*. Пг., 1916.
- Прохаска 1923 — *Prochaska A. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce* // *Ateneum Wileńskie*, t. I. Wilno, 1923. S. 58–74.
- Прохоров 1978 — *Прохоров Г.М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы*. Л., 1978.
- ПРП 1952–1959 — *Памятники русского права*. М., 1952–1959. Т. I–V.

- Прыгодзіч 2010 — Прыгодзіч М.Р., Прыгодзіч А.А. Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў. Мінск, 2010.
- Псковские летописи 1941 — Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. М.; Л., 1941 (вып. 2. М., 1955).
- ПСРЛ I 1962 — Т. I. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962.
- ПСРЛ II 1962 — Т. II. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962.
- ПСРЛ VI 1853 — Т. VI. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853.
- ПСРЛ VII–VIII 1856–1859 — Т. VII–VIII. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856–1859.
- ПСРЛ IX–XII 1965 — Т. IX–XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
- ПСРЛ XV 1965 — Т. XV. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. М., 1965.
- ПСРЛ XVIII 1913 — Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
- ПСРЛ XX 1910–1914 — Т. XX. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910–1914.
- ПСРЛ XXII 1911 — Т. XXII. Ч. 1–2. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // Полное собрание русских летописей. СПб., 1911.
- ПСРЛ XXIII 1910 — Т. XXIII. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910.
- ПСРЛ XXV 1949 — Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ XXVI 1959 — Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959.
- ПСРЛ XXVII 1962 — Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962.
- ПСРЛ XXXV 1980 — Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. М., 1980.
- Пут. посл. 1954 — Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.
- Пыпин 1857 — *Пыпин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 217.
- Рааб 1958 — *Raab H.* Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // *Zeitschrift für Slawistik*, 3. 1958. S. 323–335.

- Радойчић 1953–1954 — *Радойчић Н.* Пет писама с краја XV века, II // Јужнословенски филолог, 20. 1953–1954. С. 355–367.
- Радойчић 1957 — *Радойчић Ђ.Сп.* Стара српска књижевност у средњем Подунављу // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књ. II. Нови Сад, 1957. С. 239–270.
- Речек 1961 — *Reczek S.* Rosyjska rozprawka o polonizmach w języku rosyjskim XVI w. // *Język Polski.* Kraków, 1961. Т. XLI. S. 152–153.
- 212 — Речек 1968 — *Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1968.
- РИБ VI 1908 — Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.) // Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908.
- Рогова 1978 — Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введение, перевод и комментарии А. И. Рогова. М., 1978.
- Роман, Ветулани 1959 — *Roman S., Vetulani A.* Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1959.
- РП 1940–1963 — Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940–1963. Т. I (тексты), II (комментарии), III (факсимильное воспроизведение текстов).
- Русановский 1965 — Українські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В.М. Русанівського. Київ, 1965.
- Русановский 1978 — *Русановский В.М.* Язык деловых документов восточных славян XIV–XV вв. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 178–184.
- Русские Повести 1878 — Русские повести XV–XVI вв. / Сост. М.О. Скрипиль. М.; Л., 1958.
- РХС 1880–1976 — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Zagreb, 1880–1976. I–XXIII.
- Рыбаков 1964 — *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.
- Садник, Айцетмюллер 1955 — *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg; 's-Gravenhage, 1955.
- СГГД 1813–1819 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813–1819. Ч. I–II.
- Седельников 1929 — *Седельников А.Д.* Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1929. Т. II. Кн. 2. С. 637.

- Сергеев 1971 — *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.
- Сергеев 1972 — *Сергеев Ф.П.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972.
- Сергеев 1978 — *Сергеев Ф.П.* Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978.
- Синайский патерик 1967 — Синайский патерик / Изд. подготовили В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1967. — 213
- СРИО 1882 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским // Сборник Русского исторического общества, т. 35. СПб., 1882. Т. I. —
- СРИО 1884 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией // Сборник Русского исторического общества, т. 41. СПб., 1884. Т. I.
- Скок 1971–1974 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. I–IV.
- Славский 1952–1982 — *Słowski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1982 (издание продолжается). Т. I–V.
- СЛП 1953 — Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce / Pod red. M. Plezi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1953 (издание продолжается). Т. I–VI.
- Смирнов 1910 — *Смирнов Н.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910 (Сб. ОРЯС. Т. 88. № 2).
- Смокинэ 1939 — *Smochină N.* Elemente românești în narațiunile slave asupra lui Vlad Țepeș. Iași, 1939.
- Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подготовили к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963.
- Смолка 1890 — *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny, t. VIII. Kraków, 1890. S. 1–55.
- Собик 1969 — *Sobik M.-E.* Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim; Glan, 1969.
- Соболевский 1903а — *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: библиографические материалы. СПб., 1903 (Сб. ОРЯС. Т. 74. № 1).
- Соболевский 1910 — *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (Сб. ОРЯС. Т. 85. № 3).

- Соболевский 1980 — *Соболевский А.И.* История русского литературного языка / Изд. подгот. А.А. Алексеев. Л., 1980.
- Соловьев 1959–1966 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В 15-ти кн. М., 1959–1966. Кн. V (тт. 9–10).
- Соловьев 1961 — *Soloviev A.V.* ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙΑΣ // *Byzantion*, t. XXXI. Bruxelles, 1961. P. 237–244.
- Соф. Вр. 1820 — Софийский Временник, или русская летопись с 862 по 1534 год / Издал П. Строев. М., 1820. Т. 1. С. 126.
- 214 СП 1966–2011 — *Slownik polszczyzny XVI wieku*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1966–2011 (издание продолжается). Т. I–XXXV.
- СПрасл. 1974–1983 — *Słownik prasłowiański* / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–1983 (издание продолжается). Т. I–IV.
- Спринчак 1956 — *Спринчак Я.О.* З історії давньоруського слова «Господа» та його похідних в українській мові // Українська мова в школі, т. VI. Київ, 1956. № 5. С. 67–68.
- Спринчак 1956а — *Спринчак Я.А.* К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV–XV вв. // Вопросы языкознания. М., 1956. № 6. С. 115–122.
- Срезневский 1893–1903 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903 (воспроизведение текста издания — М., 1958). Т. I–III.
- Срезневский 1882 — *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1882.
- СРНГ 1965–1983 — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.; Л., 1965–1983 (издание продолжается). Вып. 1–19.
- СРЯ 1975–2008 — Словарь русского языка XI–XVII вв.. М., 1975–2008 (издание продолжается). Вып. 1–28.
- ССУМ 1977–1978 — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977–1978. Т. I–II.
- ССтп 1953–2002 — *Slownik staropolski* / Red. naczelny S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1953–2002. Т. I–VIII.
- Станг 1935 — *Stang Chr. S.* Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
- Станг 1939 — *Stang Chr. S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.
- Стойкович 1973 — *Стойкович О.* Польские лексические элементы в языке древнейших славяно-молдавских грамот // Доклады и сообщения, представленные на VII Международном съезде славистов, Варшава, 21–27 авг. 1973 г. București, 1973.

- Стоянович 1927 — *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд; Ср. Карловци, 1927. С. 245, 295.
- Судебники 1952 — Судебники XV–XVI вв. / Подготовка текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1952.
- СЯС 1958–1982 — *Slovník jazyka staroslověnského* / Hlavní red. J. Kurz. Praha, 1958–1982 (издание продолжается). Т. I–III.
- Тамань 1953 — *Тамань В.М.* О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. Л., 1953.
- Тамань 1960 — *Тамань В.М.* Полонизмы в языке русских памятников XVI века // Ученые записки ЛГУ. № 267. Л., 1960. С. 9–124.
- Тамань 1961 — *Тамань В.М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197–204.
- Тамаш 1966 — *Tamáš L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.
- Татищев 1979 — *Татищев В.Н.* Избранные произведения / Под общей ред. С.Н. Валка. Л., 1979.
- Творогов 1975 — *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Тихомиров 1969 — *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Томас 1971 — *Thomas G.* Russian Naval Terms from Middle Low German // *The Slavonic and East European Review*, vol. XLIX, № 115. London, 1971. P. 173–188.
- Томас 1976 — *Thomas G.* Средненижнемецкие заимствования в русском языке // *Russian Linguistics*, vol. 3. Dordrecht; Boston, 1976. P. 55–62.
- Трубецкой 1927 — *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.
- Укр. лекс. 1983 — *Історія української мови: Лексика і фразеологія* / Відпов. ред. В.М. Русанівський. Київ, 1983.
- Укр. Морф. 1978 — *Історія української мови: Морфологія* / Відпов. ред. В.В. Німчук. Київ, 1978.
- Улуханов 1972 — *Улуханов И.С.* О языке древней Руси. М., 1972.
- Унбегаун 1935 — *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). I.: La flexion des noms // *Bibliothèque Russe de l'Institut d'Etudes Slaves*, t. XVI. Paris, 1935.
- Унбегаун 1975 — *Унбегаун Б.О.* Четири писма турског султана Селима I на српском језику // *Xenia Slavica: Papers Presented to Gojko Ružičić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday* / Ed. R. L. Lencek, D. O. Unbegaun. The Hague; Paris, 1975. P. 221–228.

- Уо 1972 — Уо Д.К. Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Степану, королю польскому» // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 357–361.
- УРС 1953–1963 — Українсько-російський словник. Київ, 1953–1963. Т. I–VI.
- Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
- Успенский 1968 — Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.
- Успенский 1971 — Успенский Б.А. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Дисс. докт. филологич. наук. М., 1971.
- Успенский 1983 — Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Успенский 1983а — Успенский Б.А. Диглоссия и двуязычие в истории русского литературного языка // The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, vol. XXVII. The Hague, 1983. P. 81–126.
- Успенский, Живов 1983 — Успенский Б.А., Живов В.М. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, vol. XXVIII. The Hague, 1983. P. 149–180 (о кн.: Пеннингтон 1980).
- Хабургаев 1980 — Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
- Хадрович 1947 — *Hadrovics L.* Le peuple serbe et son église sous la domination turque. Paris, 1947.
- Хадрович 1955 — *Hadrovics L.* Der südslavische Trojaroman und seine ungarische Vorlage // *Studia Slavica*, t. I. Budapest, 1955. P. 49–135.
- Хадрович 1960 — *Hadrovics L.* A délszláv Nagy Sándor-regény és középkori irodalmunk // *Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományok Osztályának Közleményei*, 16. 1960. P. 235–293.
- Хадрович 1985 — *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985. S. 147.
- Хазаи 1976 — *Hazai G.* Zur Rolle des Serbischen im Verkehr des Osmanischen Reiches mit Osteuropa im 15–16 Jahrhundert // *Ural-Altäische Jahrbücher*, 48. 1976. S. 82–88.

- Ходыницкий 1934 — *Chodynicki K. Kosciół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny 1370–1632*. Warszawa, 1934.
- Хождение 1970 — Хождение на флорентийский собор (в приложении к ст.: Казакова 1970, 62–72).
- Холлош 1979 — *Холлош А.* О языке грамоты Матиаша Корвина к Ивану III / *Studia Slavica Hung*, t. XXV. Budapest, 1979. P. 189–193.
- Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
- Хорошкевич 1982 — *Хорошкевич А.Л.* Право «вывода» и власть «государя» // *Россия на путях централизации: Сборник статей* / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1982. С. 36–41.
- Хрэстаматыя 1961 — *Хрэстаматыя на гісторыі беларускай мовы*. Ч. I. Рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск 1961.
- Христиани 1906 — *Christiani W.A.* Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.
- Хюттль-Ворт 1963 — *Hüttl-Worth G.* Foreign Words in Russian: A Historical Sketch 1550–1800. Berkeley; Los Angeles, 1963.
- Фасмер 1953–1958 — *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953–1958. I–III.
- Фасмер, Трубачев 1964–1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Фенне 1961–1971 — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607* / Edited by L.L. Hammerlich, R. Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, T. Starck and A. Stender-Petersen. Copenhagen, 1961–1971. Vol. I–II.
- Филин 1972 — *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Филин 1974 — *Филин Ф.П.* Об истоках русского литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1974. № 3. С. 3–13.
- Фогараша 1958 — *Fogarasi M.* Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699) // *Studia Slavica*, t. IV. Budapest, 1958. P. 57–62.
- Цебе 1916 — *Czebe Gy.* A veszprémvölgyi oklevél görög szövege. Budapest, 1916.
- Целунова 1989 — Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Подготовка текста, составление словоуказателя и предисловие Е. А. Целуновой. München, 1989.

- Целунова 2006 — Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование. Предисловие, исследование, подготовка текста и составление словоуказателя Е.А. Целуновой. М., 2006.
- Цыхун 2013 — Замежная мовазнаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў: Зборнік дакладаў. / Укладанне, прадмова, каменьяры Г. А. Цыхун. Мінск, 2013.
- 218 Чабан 1962 — Чабан М. Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, р. XVI. Київ, 1962. № 6. С. 64–65 (рец. на статті: Мацурек 1958, 1960, 1960a).
- Черных 1956 — Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.
- Чижевский 1954 — Čiževsky D. Lexikalisches I // Zeitschrift für slavische Philologie, bd. 22. Heidelberg, 1954. S. 333–362.
- Чурмаева 1968 — Чурмаева Н.В. К истории слова *писарь* в русском языке // Русская историческая лексикология / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1968. С. 228–233.
- Шахматов 1915 — Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1938 — Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938.
- Шевелев 1975 — Shevelov G.Y. On Lexical Polonisms in Literary Ukrainian // For Wiktor Weintraub / Eds. V. Erlich et al. The Hague, 1975. P. 449–463.
- Шевелев 1979 — Shevelov G.Y. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.
- Шенкер 1983 — Шенкер А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.) // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Columbus, 1983. Vol. 1. P. 255–267.
- Шмидт 1958 — Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ, т. XIV. М.; Л., 1958. С. 256–265.
- Штекль 1954 — Stöckl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven // SAECVLVM: Jahrbuch für Universalgeschichte, bd. 5. München, 1954. S. 104–118.
- Штекль 1966 — Stöckl G. Kanzler und Metropolit // Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas, bd. V. Graz; Köln, 1966. S. 150–175.
- Штибер 1974 — Stieber Z. Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.

- Штольц 1978 — *Stolz B.A. On the Language of Konstantin Mihailović's Kronika turecká or Pamiiętniki janczara // American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978 / Ed. Henrik Birnbaum. Columbus, 1978. Vol. 1. P. 683–698.*
- Штридтер 1961 — *Striedter J Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung // Zeitschrift für Slavische Philologie, bd. 39. Heidelberg, 1961. S. 398–427.*
- Штрикер 1979 — *Stricker G. Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts: Die Erzählung über die Belagerung Pleskaus durch den polnischen König Stephan Bathory 1581/82 im Vergleich mit der Erzählung über die Eroberung Konstantinopels durch die Türken 1453 // Slavistische Beiträge, bd. 127. München, 1979.*
- Шушарин 1965 — *Шушарин В.П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 420–452.*
- Щапов 1976 — *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я.Н. Щапов. М., 1976.*
- Элекеш 1937 — *Elekes L. Nagy István moldvai vajda politikája és Mátyás király. Budapest, 1937. P. 21–22.*
- ЭСВенг 1967–1984 — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára / Főszerkesztő L. Benkő. Budapest, 1967–1984. I–IV.*
- ЭСРЯ 1963–2007 — *Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1963–2007 (издание продолжается). Т. I, вып. 1–5. Т. II, вып. 6–10.*
- ЭССЯ 1974–1984 — *Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–10. М., 1974–1984 (издание продолжается).*
- Якобсон 1950 — *Jakobson R. О стихотворных реликтах раннего средневековья в чешской литературной традиции // Slavistična Revija: Revue de Slavistique, vol. 3 (= Ramovšev Zbornik: Mélanges Ramovš). Ljubljana, 1950. P. 267–273.*
- Якобсон 1952 — *Jakobson R. New Slavic Etymological Dictionaries // Slavic Word: A Slavic Supplement to Word, Journal of the Linguistic Circle of New York, No. 1 (= Word, vol. 8, No. 4). New York, 1954. P. 387–394.*
- Яковкин 1936 — *Законодательные акты Великого княжества Литовского / Сборник материалов подготовлен к печати И.И. Яковкиным. Л., 1936.*

Якубинский 1953 — *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М., 1953.

Янин 1970 — *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I–II.

Ярошенко 1931 — *Ярошенко В.* Українська мова в молдавських грамотах XIV–XV вв. // Збірник Комісії для дослідження історії української мови, т. I. Київ, 1931. С. 247–339.

—
220

Яцимирский 1909 — *Яцимирский А.И.* Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909.

—

У К А З А Т Е Л Ь С Л О В

- арцибискуп 80, 91, 125, 127,
166, 185 (примеч.)
- барка 89–90
бирев 184, 190
бискуп / бископ 78, 80, 87,
91, 141–142, 156, 166, 185,
185 (примеч.)
Будин 186–187
- Варадин 187
витязь 180–181
Вышеград 186
- кардинал 83, 123
господар(ь)ство 59, 64–68,
71, 101, 117, 123, 128, 152
господарь 30, 46–73, 101–102,
111, 114, 127, 151–152
господин 47, 51–53, 56, 63,
68, 71, 111
граница 86–87
грош 84, 86–87
- держава 66–68
добровольно 117–121, 128–
129, 138, 152
доставати / достати 112, 127
доступити 117–118, 128
доход 102, 105–110, 127–128, 152
дука 89–90
дукат 85, 182
- жак 94, 185 (примеч.)
- завсе, зався 115–116, 127
зацепка 131
збродень 115, 127
звон ‘колокол’ 146
золотой ‘монета’ 84–87, 182
- Иштван 188
- канцлер 111, 113, 127
капа 180
каплан 83, 185 (примеч.)
кляштор 94
клячити 95
княжа 102, 114, 127, 166,
169 (примеч.)
коруна 95, 166
костел 94–95
крыж 93, 142
- лист ‘грамота’ 29, 100–102,
123, 127, 138, 141–142, 156,
166, 170 (примеч.)
- местич (мѣстич) 102–104,
127
миля 81, 87
мистр 143, 166
мних 83–84
муляр, муроль 142–143
муровати 81, 87
мша, мшу мшити 92
- новци ‘монеты’ 89–90,
186–187

- окрутный 95
отчич и дедич (дѣдич) 45,
64, 72–77, 127, 151
отщепенец 123, 127
- пан 51, 53, 79–80, 87, 102, 111,
114, 127, 138, 141–142, 156, 166
- 222 папеж, папезев, папезский
84, 91–92, 123, 141–142
- папезство 138
Пеща 187–188
писарь 33, 42, 126–127
планина 82–83
побити 188
поддати 111–113, 127
поклисарь, апоклисарь,
поклисарство 179–180
полонина, Полониные горы
'Альпы' 81–82, 87
польский 101, 127
посполно 102, 104, 117
- право 79, 87, 91
приклякати/приклякнути
92–93
присягати 138–141, 166, 169
(примеч.)
приход 'доход' 107, 110–111
- ратман 88
- сиромах 182
справедливый 95–96, 152
статок 120–121, 132–137
столец 'престол' 114, 127
- тко 189–190
турецкий 144–148
- хранити 183
- шкода (шкота, щкота)
111–112, 117, 128

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АНДРАШ ЗОЛТАН

INTERSLAVICA

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ
ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ КОНТАКТАМ

Издательство «Индрик»

Редактор *Н. В. Яровикова*
Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
14,0 п. л. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АНДРАШ ЗОЛТАН — венгерский славист. Родился в 1949 году, окончил филологический факультет Будапештского университета им. Л. Этвеша по специальности русская и польская филология (1974). С 1980 по 1984 год обучался в аспирантуре на кафедре русского

языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где подготовил и в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию защитил в 2005 году в Венгерской Академии наук. Основные работы А. Золтана посвящены межславянским и славяно-венгерским языковым и культурным связям. С 1991 по 2002 год заведовал кафедрой русской филологии Будапештского университета, а с 2003 года заведует кафедрой украинской филологии. В течение ряда лет преподавал в нескольких вузах Вен-

грии (Печ, Сомбатхей, Ньиредьхаза — в Ньиредьхазской Высшей школе в 2006–2011 гг. заведовал кафедрой украинской и русинской филологии), а в качестве приглашенного профессора читал лекции в Венском (2007–2008) и Павлодарском (2013) университетах. А. Золтан с 1995 года член Комитета Международной ассоциации белорусистов; за работы в области венгерско-белорусских языковых и литературных контактов он был награжден медалью Франциска Скорины (2010). А. Золтан — ответственный редактор журнала «Studia Russica» (Будапешт), член редколлегии славистических журналов — «Sudia Slavica» (Будапешт), «Беларускі Гістарычны Агляд» (Минск), «Studia Białorutenistyczne» (Люблин), «Словэне — Slověne» (Москва), «Studia Etymologica Cracoviensia» (Краков), «Веснік БДУ, Серыя 4: Філалогія, журналістыка, педагогіка» (Минск). На XV Международном съезде славистов (Минск, 2013 г.) А. Золтан избран членом Международного комитета славистов.

Slavia Christiana

